Эллиот

РУЗВЕЛЬТ

Его глазами

Франклин Делано Рузвельт был одним из немногих государственных деятелей XX века — да и любого века, — который не имел страха перед будущим.

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Эта книга будет касаться войны лишь попутно. Более важное ее назначение состоит лишь в том, чтобы пролить свет на проблемы мира», — писал Эллиот Рузвельт в 1946 году. Эта мысль красной нитью проходит через всю книгу. Как сохранить мир, когда союзническая солидарность начинает ослабевать и на горизонте намечается глобальное противостояние держав? Как противостоять удару нацизма? Неизбежно ли скатывание к Третьей мировой войне? Как преодолеть внутренний кризис? Как сохранить стабильность и мир? Все эти вопросы стояли перед мировым сообществом более шестидесяти лет назад. Они актуальны и в настоящее время. Президент Рузвельт показал удивительную государственную мудрость и человечность в решении этих вопросов, поэтому его мнение нам важно и сейчас.

Автор книги — Эллиот Рузвельт — не просто сын президента США, но и свидетель уникальных событий мировой истории: Вторая мировая война, знаменитые конференции в Касабланке, Каире, Тегеране и Ялте, он тот, кто был рядом, работал с великим человеком. Благодаря ему мы можем войти в Овальный кабинет, узнать о сокровенных мыслях Франклина Делано Рузвельта как творца истории, почувствовать дух времени.

- Эллиот Рузвельт
  - Вступительная статья
  - Предисловие
  - Введение
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Заключение
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9

Эллиот Рузвельт
Его глазами

Посвящается всем, кто верил в моего отца.

Вступительная статья

Книга Эллиота Рузвельта «Его глазами» излагает взгляды покойного президента Соединенных Штатов Америки Франклина Делано Рузвельта на некоторые вопросы внешней политики США, возникшие во время второй мировой войны.

Эллиот Рузвельт бывал со своим отцом на важнейших международных встречах руководителей великих держав. Его книга поэтому в известной степени может считаться документом и историческим источником.

Своей книгой Эллиот Рузвельт ратует за международное сотрудничество в дни мира, за установление между великими державами отношений, основанных на взаимопонимании. Он призывает буржуазные демократии вернуться к лучшим традициям политики военного времени, которая привела великие державы к победе над силами фашизма.

Эллиот Рузвельт написал свою книгу под влиянием тревожной международной обстановки, когда в капиталистических странах раздаются призывы к развязыванию новой войны, когда представители международной реакции стремятся помешать установлению прочного, длительного и демократического мира, когда нынешние правящие круги Америки растрачивают «моральный и политический капитал, созданный покойным президентом» (Сталин).

Решение взяться за перо у Эллиота Рузвельта, по его словам, было вызвано «повелительной силой событий»: речью, произнесенной Уинстоном Черчиллем в Фултоне, накоплением Америкой запаса атомных бомб, признаками возрождения политики силы, тем, что данные покойным президентом от лица американского народа «обещания нарушены, принятые условия бесцеремонно и цинично растоптаны, установленная организация мира отвергнута».

Нынешнему внешнеполитическому курсу правящих кругов Америки и происках сил международной реакции Эллиот Рузвельт противопоставляет внешнюю политику покойного президента.

Прогрессивный образ мыслей, непримиримость к фашистской агрессии, стремление к обеспечению безопасности и прочного мира и к укреплению взаимоотношений демократических стран, дружественная политика к СССР — все это способствовало тому, что Франклин Рузвельт занял в истории борьбы свободолюбивых народов против фашизма место «величайшего политика мирового масштаба и глашатая организации мира и безопасности после

войны» (Сталин).

Эллиот Рузвельт показывает в своей книге, что покойный президент стремился еще в дни войны заложить прочные основы послевоенного мира.

«Американцы — конгрессмены, газетные обозреватели — говорят об Объединенных нациях, как о чем-то существующем только в связи с войной, говорил он своему сыну. — Имеется тенденция нападать на них, заявляя, что мы едины лишь потому, что к единству нас вынуждает война. Но не война является подлинно объединяющей силой. Такая сила — мир».

Франклин Рузвельт понимал, что основа мира — согласие трех великих держав. Он считал его краеугольным камнем международного сотрудничества. Необходимое условие этого сотрудничества — единогласие великих держав в Совете Безопасности Объединенных наций, так называемое «право вето», против которого в настоящее время активно выступают представители «долларовой дипломатии», реакционные круги США и Англии.

Как известно, на конференции в Ялте руководители трех держав обсудили эту проблему с полной откровенностью и, употребляя выражение Эллиота Рузвельта, «на должном уровне». «Отец и Сталин одобрили идею предоставления членам «Большой тройки» права вето, основывая свою аргументацию на том простом и предельно ясном факте, что мир может быть сохранен только при условии единодушия всех крупнейших держав». Всякое отступление от этого единства, всякая попытка одной державы или группы держав навязать свою волю другим государствам, стремление реакционных кругов рассматривать политику диктата как единственный ключ к международным проблемам, желание изолировать Советский Союз и преуменьшить его значение в мировых делах все это может нанести и наносит серьезный вред делу мира.

Франклин Рузвельт много сделал для укрепления советско-американской дружбы, он гордился искренним сотрудничеством с советским народом в борьбе за победу в войне и в деле закладки фундамента всеобщего мира.

Покойный президент высоко оценивал роль советских вооруженных сил в общей победе над гитлеровской Германией. Он понимал, что в борьбе за мир Советскому Союзу принадлежит такая же выдающаяся роль, как и в борьбе за победу над фашизмом.

Франклин Рузвельт был противником идеи англо-американского блока, направленного против СССР.

После Тегеранской конференции он говорил сыну: «Важнее

всего было разъяснить Сталину, что Соединенные Штаты и Великобритания не объединились в блок против Советского Союза. Мне кажется, что мы раз и навсегда рассеяли это представление… После войны все дело может расстроиться только в случае, если мир снова разделится и Россия окажется против Англии и нас».

Эллиот Рузвельт напоминает о великой роли советского народа в завоевании победы над силами фашизма. Показательно, — пишет он, — что «небольшая группа злонамеренных лиц в Лондоне и Вашингтоне стремится возбудить и разжечь воинствующую ненависть к русским, как будто русский народ не принял на себя основного удара нацистской военной машины, не вынес его, не сокрушил этой машины и не показал, таким образом, какую важную роль он играет в коалиции, борющейся за мир».

В целях выработки совместной политики и устранения имевшихся разногласий президент США стремился к личной встрече с великим вождем советского народа генералиссимусом Сталиным. Встреча в Тегеране произвела на него неотразимое впечатление.

«Этот человек умеет действовать. У него цель всегда перед глазами. Работать с ним — одно удовольствие. Никаких околичностей», — говорил Франклин Рузвельт своему сыну, делясь с ним своим впечатлением от встречи с И. В. Сталиным. Франклин Рузвельт ясно видел интриги и происки реакционеров во главе с Черчиллем и его единомышленниками в Англии и США, направленные против СССР, происки, нашедшие себе особенно яркое выражение в вопросе об открытии второго фронта. Как известно, главным противником открытия второго фронта был Черчилль. В результате его давления открытие военных действий на Западе было отложено с 1942 на 1943, а затем и на 1944 г. Еще в августе 1941 г., то есть через месяц после того, как между правительствами СССР и Великобритании было заключено соглашение о совместных действиях в войне против Германии, Черчилль заявлял Рузвельту, что Советский Союз будет разбит, и на этом основании требовал, чтобы предназначенные для СССР поставки по ленд-лизу направлялись Великобритании. Черчилль прилагал все усилия к тому, чтобы затянуть ход борьбы на советско-германском фронте. Он применял множество ухищрений для того, чтобы тормозить открытие второго фронта. Во имя своекорыстных интересов британского империализма он сознательно шел на затяжку войны.

Вот что говорил во время Тегеранской конференции Франклин Рузвельт по этому поводу сыну: «Всякий раз, когда

премьер-министр настаивал на вторжении через Балканы, всем присутствовавшим было совершенно ясно, чего он на самом деле хочет. Он прежде всего хочет врезаться клином в Центральную Европу, чтобы не пустить Красную Армию в Австрию и Румынию и даже, если возможно, в Венгрию».

Хорошо известно, что гениальная сталинская стратегия и мощь Советской Армии сорвали эти планы Черчилля и его единомышленников. Уже после великой сталинградской битвы произошел окончательный перелом в ходе войны в пользу демократических стран. Успешное осуществление сталинского стратегического плана в 1944 г. имело большие военно-политические результаты. Под ударами советских войск гитлеровская коалиция начала быстро разваливаться. Опасение, что в результате создавшейся военной обстановки Советский Союз в состоянии без помощи союзников своими собственными силами оккупировать всю Германию и осуществить освобождение Франции, заставило Черчилля, противившегося до сих пор открытию второго фронта в Европе, согласиться на вторжение в Западную Европу. В июне 1944 г. союзники провели успешную высадку крупного десанта в Северной Франции. Гитлеровская Германия, как это и предвидел товарищ Сталин, оказалась зажатой в тиски между двумя фронтами и капитулировала.

Таковы факты, характеризующие решающую роль СССР в разгроме гитлеровской Германии и ее сателлитов. Эту роль СССР в деле победы хорошо понимал Франклин Рузвельт. При этом он не питал никаких иллюзий относительно подлинного характера политики Черчилля; он видел не только ее антисоветскую, но и антиамериканскую ориентацию. Рузвельт вовсе не был склонен к недооценке англо-американских противоречий. В беседах с сыном он характеризовал Черчилля как «старого тори, истинного тори».

Франклин Рузвельт критиковал также политику Чан Кайши, который вел войну против коммунистов, но не предпринимал никаких действий против японских захватчиков. Рузвельт высказывался за создание в Китае национального правительства с участием всех демократических сил, в том числе коммунистов. Он добился от Чан Кайши обещания, что такое правительство будет создано. Как известно, гоминдановские реакционеры, при поддержке «нового курса» американской внешней политики, нарушили это торжественное обещание и продолжают вести гражданскую войну в Китае.

Заключительную часть своей книги Эллиот Рузвельт посвящает современному положению в Соединенных Штатах. Он с осуждением говорит об усилении экспансионистских тенденций в американской внешней политике, о призывах проводить «жесткую

политику» против СССР, о намерениях захватить стратегические базы во всех частях света, о нарушениях торжественно взятых на себя Америкой обязательств, о разжигании гражданской войны в Китае, об угрозах атомным оружием, о поддержке реакционных сил в Германии и Японии, о враждебной СССР пропаганде в реакционной печати.

Автор с тревогой взирает на кампанию за пересмотр устава организации Объединенных наций, видя в этих явлениях нарушение заветов Франклина Рузвельта, посягательство на дело мира, на коренные интересы американского народа. Он призывает американцев — всех, «кто верил в моего отца», объединиться для борьбы против происков реакции, для борьбы за мир и сотрудничество между народами, за возвращение Америки на путь, начертанный Франклином Рузвельтом. В этом — значение и ценность книги.

Справедливость требует отметить, что Эллиот Рузвельт нередко скользит по поверхности явлений политической жизни США и не вскрывает решающего влияния на нее финансовой олигархии — крупного монополистического капитала. Кроме того, его книга не свободна от субъективизма в характеристике Франклина Рузвельта, а также американских военных и политических деятелей, окружавших президента в то время. Но несмотря на имеющиеся в ней недостатки, она с интересом будет прочитана советским читателем, умеющим оценивать все внешнеполитические события под углом зрения борьбы за прочный, длительный и демократический мир.

С. Бушуев.

Предисловие

Мой муж всегда проявлял интерес к истории и считал, что опыт настоящего должен служить людям руководством на будущее. Ему хотелось, чтобы каждый записывал свои впечатления и мысли; он надеялся, что это поможет достижению конечной цели — лучшему взаимопониманию между народами и созданию лучших средств сохранения мира.

Он был прекрасным семьянином и при всякой возможности старался, чтобы наши дети были при нем. Однако он не хотел, чтобы они пренебрегали ради него своими обязанностями. Их мнение по этому поводу всегда играло решающую роль.

Вот почему мужу часто, хотя и не подолгу, удавалось бывать в обществе своих сыновей, зятя и дочери, когда это не мешало их собственной работе. Он так стремился к общению с детьми, что взял с собой в Вашингтон в качестве секретаря нашего старшего сына Джемса, хотя ему и указывали, что это может поставить Джемса в невыгодное положение. Ему говорили, что возможны политические нападки, что родной сын в роли секретаря не будет ему так полезен, как другой человек. Все это подтвердилось, и Джемсу пришлось отказаться от своего поста; но мне кажется, что пока Джемс находился в Вашингтоне, его присутствие и совместная с ним работа давали моему мужу большое удовлетворение. Пожалуй, тот, кому не приходилось испытывать чувства одиночества, связанного с положением президента, не поймет, как много может значить постоянное общение с кем-нибудь из близких.

В нашей семье существовал такой обычай: когда один из нас возвращался из какой-нибудь поездки, мы старались первый же вечер провести в семейном кругу за обеденным столом, чтобы поделиться впечатлениями обо всем, что произошло за время его отсутствия. Мы прекрасно понимали, что если не соберемся сразу же, то при нашей постоянной занятости эти события скоро отойдут на задний план, потонут в новых, и нам никогда уж не удастся наверстать упущенное.

Мне не довелось участвовать в исторических путешествиях, описанных в этой книге, и я сама могла бы написать только о том, что слышала в те вечера,

когда вся семья вновь собиралась под общим кровом. Но Эллиот был участником этих поездок; я помню, каким взволнованным он возвращался домой, и поэтому мне теперь вдвойне интересно читать его более подробный рассказ об исключительно важных событиях тех дней.

Конечно, я не знала о многом из того, что говорится в этой книге, но я твердо уверена, что записи, которые должен теперь делать каждый, имевший возможность близко наблюдать войну в любом из ее проявлений или присутствовать при разработке планов, положенных в основу будущей организации мирной жизни всего человечества, представляют большую ценность.

Естественно, что люди под собственным углом зрения рассказывают о том, что они видят, слышат и переживают. Каждый воспринимает события по-своему, и этим до некоторой степени объясняются частые расхождения в рассказах различных людей об одном и том же. Я убеждена, что многие из присутствовавших при беседах, приведенных в этой книге, толковали их по-иному, в зависимости от своих личных мнений и убеждений. И все же записи, сделанные всеми этими людьми, бесконечно ценны. Настоящая книга, написанная одним из очевидцев важнейших совещаний, даст будущим историкам часть материала, на основании которого история вынесет свой окончательный приговор.

Элеонора Рузвельт.

Введение

Эта книга будет касаться войны лишь попутно. Более важное ее назначение состоит в том, чтобы пролить некоторый свет на проблемы мира.

События, о которых я хочу рассказать, беседы, которые я запомнил, впечатления, под влиянием которых сформировались мои нынешние убеждения, относятся примерно к периоду от начала войны до момента, последовавшего вскоре за встречей «Большой тройки» в Ялте. Поверьте, что в то время я не имел ни малейшего намерения писать книгу. Решение взяться за перо родилось во мне совсем недавно; оно было вызвано повелительной силой событий. Некоторую роль в этом сыграла речь, произнесенная Уинстоном Черчиллем в Фултоне; большое влияние оказали на меня мысли, высказывавшиеся на заседаниях Совета Безопасности в Хантер-колледж, в Нью-Йорке; решающее значение имело накопление Америкой запаса атомных бомб, и, наконец, меня торопили все проявления растущей розни между ведущими мировыми державами, все невыполненные обещания, все признаки возрождения политики силы, проводимой безрассудно алчными империалистами.

Темп нашей эпохи таков, что наши взгляды определяются не ходом исторических событий, а газетными заголовками. Степень нашего доверия или недоверия к России обусловлена не ее огромным вкладом в нашу победу, которая все еще остается величайшим событием в жизни нашего поколения; оно скорее определяется сенсационными заголовками на первых полосах газет, вышедших за последние три-четыре дня; а поскольку эти газеты в прошлом часто выступали безответственно, требуется вдвойне осторожное отношение к ним в нынешнее тревожное время. Наша точка зрения по вопросу о предоставлении Англии займа складывается не под влиянием воспоминаний о самолетах-снарядах, падавших на Лондон, и даже не под влиянием того, что нам известно о скудном пайке, на котором и до сих пор живут англичане; она формируется под влиянием неуверенности, которую вызывают у нас империалистические устремления Англии. Мы не можем выиграть мир, если сегодня среди нас не будет того единства, которое обеспечило нам победу в войне. Это яснее ясного — любой школьник мог бы написать на эту тему трогательное и убедительное сочинение. Однако со дня победы в Европе и со времени падения первой атомной бомбы это единство неуклонно исчезает.

Поскольку я сомневаюсь в том, что утрата единства —

результат естественного хода событий, и убежден, что это единство намеренно разрушают люди, которым следовало бы понимать, что они делают, — я и счел необходимым написать эту книгу.

Но почему же именно я? О чем я могу рассказать? Ведь за каждым мировым потрясением, подобным минувшей войне, неизбежно следует книжный потоп. Генералы, министры, военные корреспонденты бросаются к пишущим машинкам или хватаются за не слишком острые перья. И все же я могу отвести для своей книги, пусть маленький, но совершенно определенный участок, принадлежащий только мне.

Такое право дает мне прежде всего тот биологический факт, что я — сын своего отца. Это большое преимущество, но, как и всякое преимущество, оно имеет и свои отрицательные стороны. Я помню, что отец говорил со мной однажды об этом — дело было в Гайд-парке, когда он был еще губернатором штата Нью-Йорк, примерно за месяц до выдвижения его кандидатуры на пост президента. Он прекрасно понимал, какую огласку получает любой поступок детей видного общественного деятеля, особенно когда этот деятель имеет ярых политических врагов. Однако отец не мог, да и не хотел контролировать нас во всем. Он считал, что мы сами себе хозяева и должны распоряжаться собой, как хотим и как умеем. Я думаю, что ему, как и всякому отцу, хотелось, чтобы мы не попали в тюрьму, выросли сознательными гражданами, были счастливы и преуспевали каждый в меру своих способностей. Но он старался возможно меньше стеснять нашу свободу.

Во всяком случае, всем невыгодам, вытекающим из положения сына президента, следует противопоставить второе обстоятельство, дающее мне право писать эту книгу: мне выпало на долю быть очевидцем некоторых совещаний, имевших величайшее значение для этой войны и, я сказал бы, даже для всей жизни нашего поколения.

Отправляясь во время войны за границу на какую-нибудь конференцию, отец желал иметь при себе человека, которого он хорошо знал и которому доверял, — по возможности кого-нибудь из членов нашей семьи. Я не хочу дать этим повод думать, что отец недостаточно знал своих официальных советников или не доверял им; но только в обществе своих сыновей он чувствовал себя действительно свободно. С ними он мог разговаривать, как бы размышляя вслух. Мне чаще, чем братьям, удавалось быть его адъютантом. Когда он впервые встретился с Черчиллем у берегов Ньюфаундленда, я служил в разведывательной эскадрилье, стоявшей у озера Гэндер в Ньюфаундленде; когда он был в

Касабланке, моя часть базировалась в Алжире; когда он прибыл на Ближний Восток для участия в Каирских и Тегеранской конференциях, одна из наших штабных баз находилась еще в Тунисе. Только в Ялту я не мог сопровождать его.

Разумеется, я общался с ним не только во время этих совещаний. На протяжении войны я неоднократно возвращался в Соединенные Штаты: один раз по болезни, дважды — в официальные командировки и один раз — в отпуск. И в каждом случае мне удавалось провести несколько ночей в Белом Доме и подолгу беседовать с отцом.

Как адъютант отца я в большинстве случаев присутствовал на совещаниях военного, политического и дипломатического характера, в которых он участвовал. Я сочетал при этом обязанности секретаря, курьера и протоколиста. В этом полуофициальном качестве я имел возможность слышать, как договаривались между собою, официально и неофициально, представители всех воюющих союзных держав. Я видел Черчилля, Сталина, Молотова, генералиссимуса Чан Кайши и его жену, членов Объединенного совета начальников штабов, генералов и адмиралов, командовавших всеми театрами военных действий и представлявших все роды оружия, Смэтса, де Голля, Жиро, Гопкинса, Роберта Мэрфи, королей Египта, Греции, Югославии и Англии, эмиров и шахов, султанов и принцев, премьер-министров, послов, министров, халифов, великих визирей. Я встречал их у входа, провожал к отцу, присутствовал при беседах с ними, а потом отец делился со мной своими впечатлениями.

А когда кончались долгие дни совещаний, когда уходил последний посетитель, мы с отцом почти каждый вечер проводили перед сном несколько часов наедине, обсуждая события прошедшего дня, сравнивая свои впечатления, сопоставляя наблюдения. Иногда я отвечал на вопросы отца о моей работе в качестве офицера фоторазведки; чаще, однако, я расспрашивал его обо всем, что меня интересовало, начиная с положения дел со «вторым фронтом» и кончая его мнением о г-же Чан Кайши. Он относился ко мне с таким доверием, что рассказал мне о результатах своих переговоров со Сталиным даже до того, как сообщил об этом своим начальникам штабов и министрам. Между нами сложились хорошие, близкие, товарищеские отношения, и он, мне кажется, не только любил меня как сына, но и уважал как друга.

Таким образом, я присутствовал на этих конференциях, с одной стороны, как официальный адъютант президента, а с другой — как ближайший друг человека, который играл ведущую роль в обеспечении единства Объединенных наций. Именно как

друг я был поверенным самых затаенных его мыслей. Он делился со мной заветными мечтами о всеобщем мире, который должен был наступить вслед за нашей победой в войне. Я знал, какие условия он считал решающими для обеспечения всеобщего мира. Я знал о беседах, которые помогли ему сформулировать эти условия. Я знал, какие заключались соглашения, какие давались обещания.

И теперь я вижу, что эти обещания нарушены, принятые условия бесцеремонно и цинично растоптаны, установленная организация мира отвергнута.

Вот почему я пишу свою книгу. Я пользуюсь при этом официальными протоколами различных совещаний, дополняя их собственными заметками того времени и воспоминаниями; однако я полагаюсь на заметки больше, чем на память.

Я пишу эту книгу, обращаясь к тем, кто считает, как и я, что Франклин Рузвельт был зодчим единства Объединенных наций во время войны, что идеалов и государственной мудрости Франклина Рузвельта было бы достаточно для сохранения этого единства как важнейшего фактора и в послевоенное время; что начертанный им путь, к величайшему прискорбию, умышленно покинут.

Я пишу свою книгу в надежде, что она в какой-то мере поможет нам вернуться на этот путь. Я верю в такую возможность. Я страшусь того, что произойдет в противном случае.

Глава первая
Из Техаса в Арджентию

Европейский кризис, «разрешившийся» в сентябре 1938 г. мюнхенским умиротворением, различно воспринимался в то время разными людьми, в зависимости, главным образом, от того, насколько каждый из них верил, что все люди — граждане единого мира. Откровенно говоря, в те напряженные дни лично меня занимали почти исключительно эгоистические соображения. Я собирался открыть собственное предприятие — сеть небольших радиовещательных станций в Техасе, — и меня беспокоило только одно; насколько все эти разговоры о войне и бряцание оружием германских и итальянских фашистов скажутся на моих доходах и на возможности получать прибыль.

Нет ничего лучше информации из первоисточника. Тогда же, в сентябре, я приехал на несколько дней в Вашингтон и решил попытаться осторожно выведать у отца его оценку обстановки, чтобы определить перспективы деловой конъюнктуры. Мне удалось провести десять минут наедине с отцом в его кабинете; это произошло сразу же после того, как он направил Гитлеру свою вторую ноту и передал ее текст для опубликования в печати.

Я поделился с ним своими планами покупки контрольного пакета акций радиостанций, чтобы попытаться создать солидное рентабельное предприятие.

— Конечно, — добавил я, — все эти разговоры о войне… — Я вопросительно посмотрел на отца. Он слегка отодвинул кресло от стола и взглянул мне прямо в глаза. Наступила пауза. Затем я продолжал, несколько смутясь: — Когда читаешь газеты, создается впечатление, будто события начнутся уже завтра. Вряд ли это будет благоприятствовать новым предприятиям, насколько я понимаю.

Отец улыбнулся.

— Ты хочешь услышать от меня, что войны не будет? Что ты можешь заняться своими радиостанциями? Что нет никаких оснований для беспокойства? Что ты наверняка получишь прибыль уже в первый год и разбогатеешь к концу третьего?

— Я думал, может быть…

— Я скажу тебе все, что знаю — примерно то же, что знает всякий человек, следящий за событиями. Рано или поздно в Европе наступит развязка. Рано или поздно Англия и Франция решат, что Гитлер зашел слишком далеко. Вряд ли это случится на днях, но и того нельзя сказать с полной уверенностью. Роль

России… чехословацкий народ…

— Но если в Европе действительно наступит развязка, разве и мы обязательно будем втянуты в события?

— Все мы добиваемся, чтобы этого не произошло. Все мы чертовски стараемся непременно остаться в стороне. Все мы питаем величайшие надежды, величайшие надежды. — Отец помолчал, повертел в руках какую-то безделушку, стоявшую на столе, и, нахмурившись, рассеянно посмотрел на меня.

— Знаешь что, — сказал он вдруг, — на твоем месте я бы занялся радиостанциями как можно скорее и энергичнее. Нет оснований отказываться от этого из-за нескольких газетных заголовков. Берись за дело и не выпускай его из рук. Я уверен, что ты добьешься успеха.

Вот и все. Возвращаясь домой, в Техас, я пытался понять, на чем основана эта неожиданная, может быть даже слишком твердая уверенность и не скрывается ли за нею что-нибудь, так сказать, написанное между строк. Однако в сентябре и октябре 1938 г. мы, американцы, в большинстве своем находились еще на расстоянии нескольких сот световых лет от понимания действительности; в конце концов я пожал плечами и решил, забыв о Европе, заняться своими делами в Техасе.

Если бы побольше людей (я, конечно, имею в виду и себя самого) меньше пожимали плечами и больше уделяли внимания тому, что происходило неподалеку от нас — в Манчжурии или в Чехословакии, это принесло бы нам пользу, и мы пролили бы меньше крови. Чтобы проверить правильность этой прописной истины, я просмотрел некоторые официальные документы тех дней и даже более раннего периода. Вот, например, запись о пресс-конференции у отца, состоявшейся 20 апреля 1938 г. Скептически настроенный корреспондент спрашивал его, действительно ли нам необходимо иметь оборонительные сооружения на Тихом океане. Корреспондент высказал соображение, что нам все равно не удастся оборонять Филиппины и другие наши острова в Тихом океане одновременно с защитой самого Западного полушария от нападения. Отец ответил:

— Конечно, если иметь дело только с одним противником, то вы правы. Но допустим, что на вас нападают два противника, притом с двух различных сторон. Тогда вам придется двигаться поживее. Вы должны будете побить сначала одного из них, потом повернуть свои войска и побить второго. В этом, пожалуй, ваша единственная надежда на спасение.

И вот, когда начался Великий спор, впоследствии, за несколько месяцев до нападения японцев на Пирл Харбор, охвативший всю страну, отец делал все возможное, чтобы

никакие Пирл Харборы не захватили нас врасплох. А в это время в конгрессе члены палаты представителей Брюстер (от штата Мэн) и Гамильтон Фиш (от штата Нью-Йорк), сенаторы Ванденберг (от штата Мичиган), Каппер (от штата Канзас) и Бора (от штата Айдахо) возглавляли сопротивление всем законопроектам, предусматривавшим достаточные ассигнования на армию и флот; газеты Херста и оси Маккормик — Паттерсон всячески поносили коллективную безопасность и призывали к изоляции.

В июне 1940 г. я был в Нью-Йорке и по пути обратно в Техас заехал в Вашингтон. Меня беспокоило то, что волновало тогда каждого предпринимателя: налоги и, в особенности, пресловутый налог на сверхприбыль. Крупным компаниям это было нипочем, но мелким предприятиям с небольшим капиталом и значительной задолженностью приходилось туго. Я завел разговор с отцом на эту тему, когда он кончал завтрак и готовился начать свой рабочий день.

— Как же быть, папа? Неужели правительство не хочет, чтобы мы, мелкая сошка, могли расплатиться с долгами и вести дела с прибылью?

Он улыбнулся и сбросил на пол ворох чикагских, нью-йоркских и вашингтонских газет.

— Ты пил кофе? — спросил он.

— Не беспокойся насчет кофе. Что ты скажешь о налоге на сверхприбыль?

— Ты разве считаешь, что твоя компания типична?

— Нет, но…

— Ты согласен с тем, что средства надо найти? И что теперь, когда крупные корпорации начинают выполнять оборонные заказы по контрактам, в которых учитывается себестоимость производства плюс гарантированная прибыль, их растущие прибыли представляют собой прекрасный источник средств? И что нам нужны деньги для создания достаточно мощных флота, армии и воздушных сил?

— Все это так. Но как же с моим маленьким…

Он прервал меня.

— Ясно, что этот новый налог, как и любой новый налог, ставит кое-кого в трудное положение. Обычно я больше всякого другого забочусь о том, чтобы мелкий предприниматель располагал некоторыми козырями в конкуренции с крупным. Но сейчас конъюнктура и налоги — отнюдь не единственные проблемы, которые нас занимают. Речь идет о гораздо более серьезном. Я понимаю, что у тебя болит голова от этих неприятностей, и сочувствую тебе. Вот — прими аспирин.

Я засмеялся. Но меня все же занимал еще один вопрос.

— А как обстоит дело с призывом? — спросил я. Я задал этот вопрос совершенно неожиданно, и сначала отец даже не понял меня. Ему показалось, что я говорю о принудительной мобилизации прибылей корпораций. Но затем он сказал:

— Ах, ты имеешь в виду призыв на военную службу. Так что же тебя интересует?

— Я просто хотел бы знать, как, по-твоему, должны поступить Джон, Франклин и я, если законопроект о воинской повинности будет утвержден. Пожалуй, Джимми уже староват для…

— Во всяком случае, Джимми уже состоит в резерве корпуса морской пехоты, — напомнил мне отец.

— Есть ли какие-нибудь данные о том, в каком виде законопроект будет принят? Я имею в виду предельный возраст и тому подобные подробности.

— Я хочу совершенно ясно договориться с тобой об одном. Если этот законопроект станет законом, каждый из вас должен будет поступить так, как ему велит собственная совесть. Если вы хотите ждать, пока этот законопроект пройдет, это тоже ваше личное дело. Когда закон будет принят, каждому из вас придется иметь дело с местной призывной комиссией, и эта комиссия примет соответствующее решение. Вы слишком хорошо знаете меня, чтобы рассчитывать на мои советы. Я никогда не вмешивался в ваши дела. Этого не изменит и закон о призыве годных к военной службе мужчин. Этого не изменит ничто.

Тем дело и кончилось.

Меня лично эта беседа не очень удовлетворила. После нее я знал еще меньше, чем когда я пришел к отцу. Он не проявил никакого оптимизма в отношении налоговых проблем, с которыми столкнулись небольшие предприятия; он даже не намекнул, как, по его мнению, следовало поступить лично мне. Я говорю, что эта беседа меня не удовлетворила, имея в виду впечатление, какое она на меня произвела в то время. Оглядываясь теперь назад, я понимаю, что отец всегда поступал совершенно правильно, добиваясь, чтобы я решал сам за себя.

Продолжая свою работу тем летом в Техасе, я довольно быстро принял решение. Техас — подходящее место для того, чтобы решиться пойти добровольцем в армию или флот своей страны. Внимательно читая газеты каждое утро, я должен был признать, что, по всей видимости, рано или поздно наша страна будет вынуждена принять участие в войне. Мое предприятие? Оно прочно стояло на ногах; рост промышленного производства в результате военных заказов, вероятно, повлек бы за собой только увеличение наших доходов от рекламы. Что мешало мне вступить

в армию? И в конце концов, к чему это меня обязывало? Пройти годичный курс военного обучения (во всяком случае так казалось мне в то время). Почему же мне не записаться добровольцем? Я решил, что не мешает навести справки поподробнее на этот счет.

Поэтому в августе я снова отправился в Вашингтон и пошел в военное министерство. За несколько лет до этого я был летчиком-любителем, затем я работал в авиапромышленности; мне пришлось также быть редактором авиационного отдела в газетах Херста; поэтому мне казалось, что мое место в воздушных силах армии. В некотором смысле это было изменой рода Рузвельтов флоту, но не следует забывать и того, что я — единственный из Рузвельтов, кто не учился в Гарвардском университете.

Я был знаком с «Хэпом» Арнольдом много лет назад, когда он был подполковником и служил на аэродроме Марч в Калифорнии. Отец высоко ценил способности Арнольда и считался с его мнением; в 1940 г. Арнольд был уже генерал-майором и командовал воздушными силами армии. Было вполне естественно с моей стороны зайти повидаться с ним и расспросить его офицеров насчет возможности поступления в военную авиацию, как я надеялся, в качестве пилота.

Но ничего из этого не вышло. Медицинского освидетельствования оказалась вполне достаточно. Мне заявили, что я совершенно не годен к строевой службе и мне придется подать специальное заявление с отказом от льгот по состоянию здоровья, чтобы получить назначение хотя бы на административную должность. Я ухватился за эту возможность; офицеры, с которыми мне пришлось беседовать, считали, что мой опыт руководителя сети радиостанций может пригодиться в отделе заготовок. Возраст давал мне право на чин капитана резерва; таким образом, все складывалось нормально. О своих намерениях я не рассказывал никому из родных. 19 сентября я получил уведомление, что производство мое в офицеры утверждено. Теперь я готов был сообщить новость отцу.

У него было назначено в Белом Доме несколько встреч с членами его кабинета, но я все же ухитрился пробраться к нему.

— Смотри, папа…

Он взглянул на приказ о моем производстве и поднял на меня глаза, наполнившиеся слезами. Я первым из его сыновей добровольно вступил в армию. Сначала он даже не мог говорить, а затем произнес:

— Я очень горжусь тобой.

Его волнение вызвало и у меня чувство гордости. В ближайшее воскресенье вся семья собралась в Гайд-парке, чтобы отпраздновать сразу два дня рождения — моей бабушки,

приходившийся на двадцать первое сентября, и мой, который предстоял двадцать третьего. За обедом отец предложил тост:

— За здоровье Эллиота! Он первый в нашей семье настолько серьезно и трезво оценил угрозу, нависшую над Америкой, что вступил в вооруженные силы родины. Все мы гордимся им, и я больше всех!

Отец, мать, бабушка и братья выпили за мое здоровье.

Впоследствии я имел много случаев убедиться, что моя тесная близость с отцом началась именно с той минуты, как я пришел к нему в кабинет в правительственном крыле Белого Дома и показал приказ о моем производстве. Правда, в свое время, когда мне исполнился 21 год, мы с ним провели вдвоем целое лето в Европе. Но то было другое дело. Теперь он говорил со мной более откровенно; связь между нами стала значительно теснее. Получилось так, будто он мысленно устроил мне испытание, и я его выдержал. Это много значило для него и, поверьте, для меня.

В тот же вечер, когда я зашел в спальню отца пожелать ему покойной ночи, он попросил меня остаться и поболтать с ним несколько минут. Он спросил, как я себя чувствую. — Прекрасно, — ответил я. Мы поговорили об аэродроме Райт в Огайо, куда я был назначен. Он спросил, что я думаю о войне. Единственное сомнение, которое я испытывал в те дни, разделялось многими: как это получается, что мы продаем Японии железный лом? Ведь мы не можем не знать, что железный лом, посылаемый в Японию, несет гибель китайцам…

— Мы — мирная нация, — ответил отец задумчиво. — Это не просто состояние. Это определенное умонастроение. Это означает, что мы не хотим войны; это означает, что мы не готовы к войне. Железный лом, — не смейся, железный лом не считается у нас военным материалом. Поэтому Япония, как и всякая другая страна, с которой мы поддерживаем торговые связи, имеет полную возможность покупать у нас этот материал.

— Но…

— Мало того. Если бы мы вдруг перестали продавать Японии железный лом, она вправе была бы считать, что мы совершили недружественный акт, используя орудие торговли, чтобы душить ее, морить ее голодом. И это еще не все. Она вправе была бы рассматривать такой шаг с нашей стороны, как основание для разрыва дипломатических отношений. Я пойду еще дальше. Если бы она считала нас недостаточно подготовленными к войне, недостаточно вооруженными, она могла бы воспользоваться этим даже как предлогом для объявления войны.

— Это был бы блеф.

— Возможно. Даже вероятно. Но в состоянии ли мы разоблачить этот блеф?

Я вспомнил передовицы газеты полковника Маккормика «Чикаго трибюн» и речи кучки сенаторов и членов палаты представителей, утверждавших, что Япония не имеет воинственных намерений по отношению к нам и что наши интересы на Дальнем Востоке не находятся под угрозой. Я вспомнил, что отца обвиняют в разжигании войны.

— По сути дела и фактически, — продолжал он, — мы занимаемся умиротворением Японии. Это отвратительное слово, и не думай, что оно мне нравится. Но именно так обстоит дело. Мы умиротворяем Японию, чтобы выиграть время для создания первоклассного флота, первоклассной армии…

— И первоклассной авиации, — вставил я.

— И первоклассной авиации. — Отец улыбнулся. — Верно. В твоем присутствии мне следует почаще упоминать об авиации.

* * *

Через несколько дней я был уже в пути к месту своей новой, непривычной для меня работы в звании капитана отдела заготовок армейской авиации. По правде говоря, мне и в голову не приходило, что противники отца попытаются извлечь политические выгоды из того, что я без всякой задней мысли добровольно вступил в армию и подал прошение о производстве в офицерский чин. Я вступил в армию не для развлечения и не потому, что рассчитывал получить от этого большее удовольствие, чем от предпринимательской деятельности в Техасе. Рассчитывать на это было бы глупо. Но через несколько недель — началось!

За время кампании президентских выборов 1940 г. я получил около 35 тысяч писем и открыток со всех концов страны, конечно, большей частью анонимных. Могу вас заверить, что эти письма и открытки жалили меня очень больно. Как раз в это время в Дэйтон прибыл отец, совершавший предвыборное турне по штатам Среднего Запада. Заодно он намеревался осмотреть в сопровождении генерала Хэпа Арнольда аэродром Райт. Я зашел в вагон отца, чтобы побеседовать с ним.

— Поверь, папа, дело тут не столько во мне; ведь такие вещи могут плохо отразиться на твоих шансах.

Он посмотрел на меня с серьезным видом. Нелегко было выслушивать обвинения в том, что я пытаюсь укрыться от фронта за канцелярским столом, а президент использует свое влияние,

чтобы избавить меня от опасности. Отец спросил, что я могу и намерен предпринять.

— Я хотел бы подать в отставку. Отказаться от своего чина. Я хотел сказать тебе об этом, ведь я знаю, что ты думал, когда я сообщил тебе о…

— Ты говоришь со мной как с главнокомандующим? — В его глазах блеснул веселый огонек.

— Если угодно, да.

— Подожди немного. — Повернувшись к Стиву Эрли, он сказал:

— Стив, попросите Хэпа Арнольда вернуться сюда на минутку.

Когда генерал Арнольд вошел в салон, отец передал ему мою просьбу.

— Я предоставляю вам решить это дело, Хэп, — сказал он. — Это касается вас. Поступайте, как вы считаете нужным. — И отец отвернулся к окну.

Генерал Арнольд подмигнул мне:

— Это всерьез, капитан?

— Конечно, сэр.

— Что же вы намерены делать? Вновь добровольно вступить в армию рядовым? Не так ли?

— Я подумывал о вступлении в Королевские Канадские воздушные силы, если мне не удастся вновь вступить в армию рядовым, сэр.

— Гм… Что ж, подайте прошение об отставке через официальные инстанции. Приведите все свои доводы. Мы рассмотрим ваше дело.

И вот поданное мною прошение пошло по официальным инстанциям. Спустя неделю через те же инстанции пришел ответ: «В просьбе отказать». Тогда я стал систематически бомбардировать начальство просьбами о перемене места службы, чтобы как-нибудь добиться назначения за океан. Это мне удалось довольно скоро: я был переведен на аэродром Боллинг для прохождения курса обучения в качестве офицера воздушной разведки под руководством работящего, умного молодого офицера Лориса Норстада, окончившего военную академию Вест Пойнт. Пройдя курс разведки, я получил назначение в 21-ю разведывательную эскадрилью, которой командовал майор Джимми Крэбб. Эскадрилья базировалась на Ньюфаундленде и несла патрульную службу по охране нашего судоходства в северной части Атлантического океана от германских подводных лодок. Таким образом, хотя мне еще не удалось пересечь океан, я считал, что по крайней мере близок к этому.

Я долго пытался подобрать подходящее слово для характеристики условий погоды, жизни, местности — если это можно назвать местностью — на Ньюфаундленде в марте 1941 г. Пожалуй, их можно было бы назвать гнетущими, если понимать под этим словом сочетание грязи, холода и уныния. Исходя, главным образом, из того, что хуже Ньюфаундленда в марте 1941 г. ничего быть не может, я добровольно вызвался участвовать в рекогносцировочной экспедиции по изысканию в Арктике площадок для воздушных баз, которые можно было бы использовать как промежуточные пункты для переброски истребителей по воздуху из Соединенных Штатов в Англию. Самая щекотливая часть этого предприятия состояла в том, чтобы не допустить трений между армией и флотом. В порядке выполнения задания мне пришлось совершить путь из Лабрадора через Баффинову землю в Гренландию и Исландию и, наконец, в Англию, где мне предстояло сопоставить собранные мною данные с данными английского министерства авиации. Откровенно говоря, я предпочел бы попасть в Англию несколько позже: я прибыл туда в конце периода ожесточенных бомбардировок английских городов немцами (май — июнь 1941 г.). Правда, я оказался там уже под конец, но и этого было достаточно. Как и другие свидетели этих событий, я был потрясен зрелищем разрушенных зданий и испытывал чувство беспомощности в моменты, когда бомбы падали со всех сторон и нельзя было двинуться с места.

В этот мой первый приезд в Англию в годы войны я был однажды приглашен на воскресенье в загородную резиденцию Черчилля — Чекерс. Я наслаждался воскресным отдыхом в семейном кругу, хотя два раза и попал в неловкое положение: в первом случае английский дворецкий, персонаж из голливудского кинофильма, встретил меня у дверей и справился о моем багаже, но я не мог предъявить ему ничего, кроме гребенки и зубной щетки; во втором случае, получив взаймы прекрасную пижаму из китайского шелка, очевидно, принадлежавшую хозяину дома, я обнаружил, проснувшись в воскресенье утром, что она лопнула по всем швам, так как была мне тесна.

К середине лета 1941 г. моя эскадрилья нашла пять участков для баз за полярным кругом. Мы окрестили их именами, известными, вероятно, только летчикам, которым пришлось ими пользоваться в течение последующих четырех лет: Гуз бэй в Лабрадоре, Блюи ист в Гренландии, Кристалл первый в Квебеке, Кристалл второй и Кристалл третий на Баффиновой земле.

Таково было наше участие в создании системы переброски самолетов, благодаря которой летом 1942 и 1943 гг. Англия

получила много истребителей и бомбардировщиков.

К началу августа я был снова на Баффиновой земле и увязал по колено в топкой тундре, производя съемку участка для постройки воздушного порта у входа в пролив Камберленд. Неожиданно я получил по радио приказ вернуться на свою ньюфаундлендскую базу. Обычные служебные дела — решил я. На базе у озера Гэндер в мое распоряжение был предоставлен самолет «ОА-10 Грумман» с пилотом. Нам было приказано принять на борт в Сент-Джонсе в пятницу 8 августа генерала, командующего американскими войсками на Ньюфаундленде, и направиться с ним на морскую базу в Арджентии. Любопытно! Я мог только предположить, что какое-то высокое начальство желает посовещаться относительно баз, съемкой которых я занимался.

Наш генерал молча сидел на заднем сиденье маленького «Груммана», а я на месте второго пилота. Когда мы перевалили через горный хребет, у подножия которого расположена гавань Арджентии, наш пилот изумленно свистнул. Бухта была заполнена военными кораблями, причем среди них было много крупных. Мы глядели друг на друга в полном недоумении. По радио мы получили указания, к какому причалу пришвартоваться и сколько времени ждать, пока за нами пришлют катер. Тем временем мы строили догадки насчет того, по какому случаю эта флотилия крейсеров и эсминцев стоит здесь на якоре. Мы могли только предположить, что попали на какие-то маневры Атлантического флота.

Мое недоумение разрешилось через несколько минут, когда катер примчал нас к крейсеру — это была «Августа» — и, поднявшись на борт, я увидел, что позади командира крейсера стоят армейский адъютант отца бригадный генерал «папаша» Уотсон и морской адъютант вице-адмирал Вильсон Браун. Я был настолько поражен, увидев их, и так напряженно старался понять смысл происходившего, что едва не забыл то немногое из области морского этикета, чему меня научили, когда я был еще мальчиком, а отец — помощником морского министра. Уотсон осклабился, адмирал Браун помахал рукой, и я, опомнившись как раз вовремя, повернулся к корме крейсера и отдал честь американскому флагу. Через секунду «папаша» жал мне руку, говоря: «Вас хочет видеть главнокомандующий». Я ринулся вперед и увидел брата Франклина, который служил младшим лейтенантом во флоте.

— Как, и ты здесь?!

— Я сам до сих пор ничего не знал. На прошлой неделе «Мэйрант» и еще один эсминец были сняты с сопровождения

караванов. Нам было приказано нести патрульную службу в составе прикрывающего отряда, который охраняет вход в гавань. Сегодня утром мне сказали, что я должен явиться к главнокомандующему на борт «Августы». — Франклин засунул палец за воротник. — Я пытался сообразить, что же я натворил ужасного, если адмирал Кинг хочет задать мне взбучку.

— Где отец?

— На носу. В каюте капитана. А как ты понимаешь все это?

— Так же, как и ты, вероятно. Какие-нибудь морские маневры?

— Проходи сюда. Надеюсь, ты захватил с собой перемену белья?

— Нет. А зачем?

— Похоже на то, что мы здесь проведем дня два — три.

Дело было в пятницу, перед вторым завтраком. Кроме рубашки, надетой под китель, со мной ничего из белья не было, а предстояло оставаться здесь до вторника. К счастью, мы с отцом носили воротнички почти одного размера. Согласитесь, что неприлично было бы присутствовать при подписании Атлантической хартии в грязной рубашке.

Глава вторая
Атлантическая хартия

Перед вторым завтраком мы с Франклином заглянули на несколько минут к отцу. Едва мы успели поздороваться с ним и спросить о здоровье матери и остальных родственников, как он сказал:

— Я поручил Уотсону привезти для вас вот это, — и он подал мне аксельбанты адъютанта при главнокомандующем. — Только на несколько дней, добавил он, улыбаясь, и вручил Франклину аксельбанты морского образца.

— Ты прекрасно выглядишь, папа. Но что это такое? Рыболовная экскурсия?

Отец расхохотался:

— Так думают газеты. Они считают, что я ловлю рыбу где-то возле залива Фэнди. — Он, как ребенок, радовался тому, что ловко обманул журналистов, отправившись на президентской яхте «Потомак» в Огасту в штате Мэн. Затем он объяснил нам, в чем дело.

— Я должен встретиться здесь с Черчиллем. Он прибывает сюда завтра на «Принце Уэльском». С ним Гарри Гопкинс.

Отец откинулся назад, чтобы посмотреть, какое впечатление произведет на нас его сообщение. Очевидно, впечатление было сильным. Зеркала поблизости не было, и я не мог видеть выражения своего лица, но отца оно очень развеселило.

Прежде чем продолжать свой рассказ, я хочу упомянуть о корреспондентах при Белом Доме, которых отец не взял с собою. Он сделал это потому, что, по договоренности с Черчиллем, эта первая их встреча не должна была освещаться ни репортерами, ни фотографами. Выполнив свое обязательство, отец восхищался тем, что ему удалось сбить газетчиков с толку, как восхищается двенадцатилетний мальчик, играя в полицейских и разбойников, когда ему удается ускользнуть от товарища, пытающегося «следить» за ним. Однако на следующий день Черчилль прибыл в сопровождении целой свиты журналистов, не слишком искусно загримированных под чиновников министерства информации. Это был первый, но не последний сюрприз такого рода, преподнесенный Черчиллем отцу.

Что касается рыбной ловли, то один раз отцу действительно удалось поудить. Это было за день до моего приезда. Он поймал рыбу, породу которой никто на корабле не смог определить.

— Отправьте ее в Смитсоновский институт, — сказал отец и в

течение всей поездки больше не пытался заниматься рыбной ловлей.

Выбор Арджентии для первого совещания отца с Черчиллем во время войны определялся многими соображениями. Интересы безопасности требовали, чтобы встреча состоялась не в Вашингтоне; если бы она произошла там, сплетни и слухи умалили бы ценность ее возможных результатов. И отец и премьер-министр были моряками; именно как моряки они встретились в последний раз в 1919 г.; мысль о свидании в море не могла не пленить воображения обоих. Ясно было, однако, что они не могли встретиться в открытом море из-за германских подводных лодок. Где же? В какой-нибудь хорошо защищенной гавани на малонаселенном участке побережья или на острове в Атлантическом океане. Азорские острова? Поскольку они принадлежат Португалии, вопрос о них отпадал. Лично я избрал бы Бермудские острова или один из Вест-Индских островов. Даже в августе на Ньюфаундленде мрачно и холодно; большую часть времени все затянуто туманом, и солнце там редкий гость. Однако Ньюфаундленд имел и очевидные преимущества — он мало населен, поблизости было расположено много английских, канадских и американских войск, и, главное, никакое сосредоточение военных кораблей в гавани Арджентии не могло вызвать толков, так как наш флот уже создавал там базу.

Итак, я очутился в Арджентии, предвкушая несколько дней отдыха от повседневных дел.

За вторым завтраком и в холодные серые предвечерние часы мы с отцом предавались безделью в его каюте, обмениваясь семейными новостями. Некоторое время с нами провел и Франклин, рассказывая о действиях своего эсминца, сопровождавшего караваны судов до Исландии. Отец хорошо выглядел и явно наслаждался отдыхом. Он расспрашивал меня о моей работе за полярным кругом и еще больше — о поездке в Англию, о моих впечатлениях, о настроении людей, с которыми мне пришлось разговаривать, о том, какие ощущения испытываешь во время бомбардировок (мне довелось испытать их лишь в течение нескольких дней, и поэтому я вряд ли мог высказать авторитетное суждение), о том, каково мое мнение о Черчилле, с которым отец не встречался уже столько лет, и т. п. Я спросил его, какова цель предстоящего совещания.

— Ты ведь был в Англии, — ответил он. — Ты видел людей. Ты сам рассказывал мне, какие они бледные, худые, измученные. Такая встреча очень поможет поднять дух англичан. Не так ли?

Я кивнул головой в знак согласия.

— Нацисты сейчас на коне. Они хозяева Европы. Вряд ли в

Америке еще осталось много людей, которые не признают, что мы должны оказать Англии хотя бы моральную поддержку, если не хотим сами оказаться перед жерлами пушек или под бомбами.

— Значит, это делается для поднятия духа? — спросил я.

— Не только для этого. А наша программа поставок по ленд-лизу? Англичане знают, что они дошли до предела своей производственной мощности, и этот предел не рассчитан на наступательную войну. На нашем совещании мы должны будем разработать производственные планы и, что для англичан гораздо важнее, планы поставок.

Я подал отцу огонь, и он закурил.

— Их беспокоит вопрос, какую часть производимых нами материалов мы намерены отдавать русским.

— И что же?

— Мне уже известно, насколько премьер-министр верит в способность России продолжать войну. — Отец жестом показал, что эта вера равна нулю.

— Очевидно, ты веришь в них больше, чем он?

— Гарри Гопкинс верит больше. А он способен убедить и меня.

Конечно, я то время, когда происходил этот разговор, продукция американской военной промышленности представляла еще ничтожную величину. Англичане боялись, как бы на их долю не досталась всего лишь половина этой ничтожной величины.

— Премьер-министр будет здесь завтра, потому что он знает, хотя вряд ли это покажет, что без Америки Англия не сможет продолжать войну.

Я свистнул. Я видел воздушные налеты, обрушившиеся в мае на большинство промышленных центров Англии, но не знал, что положение англичан так серьезно. А тут еще и русские непрерывно отступают…

— Конечно, — продолжал отец, — Черчилля больше всего беспокоит вопрос, когда мы вступим в войну. Он ясно понимает, что до тех пор, пока Америка ограничивается усилиями в области производства, это только поможет Англии держаться — не больше. Он знает, что для наступления ему нужны американские войска.

— Читал ты английские газеты, когда был в Лондоне? — спросил вдруг отец.

Я ответил, что мне пришлось видеть в английских газетах ряд статей, резко критиковавших Соединенные Штаты, которые якобы заинтересованы только в том, чтобы Англия была обескровлена, после чего мы выступим как спасители в последнюю секунду. Отец удовлетворенно кивнул головой.

— Вот подожди, — сказал он, — подожди, и ты увидишь, что премьер-министр начнет с того, что потребует от нас немедленного объявления войны нацистам.

Я сказал, что мне не совсем ясно, что же собственно можем выиграть от этого совещания мы, американцы, если не говорить о том, что мы морально и без того уже на стороне Англии.

— Это первое, и это очень важно, — сказал отец. — Затем, имей в виду, что здесь со мной находятся и наши начальники штабов. Они могут выяснить очень многое. Как в точности обстоит дело с английским военным потенциалом? Верно ли, что в отношении людских резервов англичане уже подмели все подчистую?

— Кто же приехал сюда? — спросил я. Я еще не видел никого, кроме отца и его адъютантов.

— Кинг, Старк, Маршалл, Арнольд… Начальства много. Ты их увидишь.

Приход курьера с почтой прервал на несколько минут нашу беседу. После его ухода отец вернулся к вопросу об основных мотивах предстоящей встречи. Мне кажется, он как бы репетировал свою роль, готовясь к переговорам, которые должны были начаться на следующий день, анализировал различные соображения, приведшие его сюда, и настраивал себя для ответа на требования Черчилля.

— Есть еще одно обстоятельство, — сказал отец. — На карту поставлена судьба Британской империи. Английские и германские банкиры уже давно прибрали к рукам почти всю мировую торговлю — правда, не все отдают себе в этом отчет. Даже поражение Германии в прошлой войне не изменило дела. Так вот, это не слишком выгодно для американской торговли, не правда ли? — Он приподнял брови и взглянул на меня. — Если в прошлом немцы и англичане стремились не допускать нас к участию в мировой торговле, не давали развиваться нашему торговому судоходству, вытесняли нас с тех или других рынков, то теперь, когда Англия и Германия воюют друг с другом, что мы должны делать? Одно обстоятельство для нас уже совершенно ясно. Мы не можем позволить себе действовать корыстно и выбирать, на чью сторону нам стать, руководствуясь только соображениями наибольшей выгоды. Оставим на минуту в стороне, что нацизм нам ненавистен и что наши естественные интересы, наши сердца на стороне англичан. Есть и другой подход к вопросу. Мы должны с самого начала ясно сказать англичанам, что мы не намерены быть просто добрым дядюшкой, которого Британская империя может использовать, чтобы выбраться из трудного положения, и потом навсегда забыть.

— Я не совсем понимаю, к чему ты клонишь, — вставил я.

— Черчилль заявил мне, что он стал премьер-министром Его Величества не для того, чтобы председательствовать при ликвидации Британской империи (впоследствии Черчилль повторил это заявление по радио). Мне кажется, я выступаю как президент Америки, когда говорю, что Америка не будет помогать Англии в этой войне только для того, чтобы дать ей возможность по-прежнему беспощадно подавлять колониальные народы. — Отец помолчал.

— Мне кажется, — сказал я осторожно, — что в ближайшие дни я буду свидетелем того, как здесь полетят пух и перья.

— Посмотрим, — ответил отец, — посмотрим.

* * *

В тот же день около половины пятого на «Августу» прибыли Самнер Уэллес и Аверелл Гарриман. Им нужно было просмотреть с отцом некоторые документы; я оставил их и вернулся только к обеду. За столом говорили почти исключительно о пустяках. Мы рано легли спать.

В субботу, в девятом часу утра, все мы уже были на палубе, наблюдая, как «Принц Уэльский» вошел в бухту и бросил якорь недалеко от «Августы». Я поддерживал отца под руку. Нам показалось, что в группе людей, стоявших на палубе английского линкора, был и Черчилль. Но утро было пасмурное, моросил дождь, и мы не были уверены в этом.

Часа через два премьер-министр и наиболее видные из сопровождавших его лиц прибыли на «Августу». Это была первая встреча Черчилля с отцом с 1919 года, однако, беседуя о своей переписке, о трансатлантических телефонных переговорах, о здоровье, о работе и заботах, они вскоре стали называть друг друга «Франклин» и «Уинстон». Конечно, это делалось только в частной беседе; в присутствии других официальных лиц они именовали друг друга «господин президент» и «господин премьер-министр». Отец в конце концов отбросил эту искусственную формальность, но Черчилль всегда щепетильно соблюдал ее.

Первый визит Черчилля был чисто официальным; премьер-министр должен был вручить отцу письмо от английского короля. Большое внимание обращали на себя советники, сопровождавшие Черчилля. В то время как отец взял на конференцию лишь небольшую группу людей, Черчилль, — если нельзя сказать, что он привез всех от А до Я, — во всяком случае взял с собой всех от

Бивербрука до Юла. Тут же нам стало известно, что явились «чиновники министерства информации», оснащенные всем необходимым, включая записные книжки и фотоаппараты. Генерал Хэп Арнольд подошел ко мне и шепнул на ухо, что нужно и нам, чорт побери, срочно раздобыть фотографов и пленку и нельзя ли найти фотографов на базе, на озере Гэндер? В то же утро я послал нашего пилота на «Груммане» обратно на базу, поручив ему привезти фотоматериалы и военных фотографов, чтобы дать нашей печати хоть какие-нибудь сведения о совещании.

Обилие английских советников, адъютантов и высших офицеров создало для Хэпа Арнольда затруднения и другого характера. Он оказался в невыгодном положении на штабных совещаниях, поскольку у него не было даже помощников, тогда как его английского коллегу обслуживал целый сонм секретарей, адъютантов и т. п. Поэтому в одном или двух случаях Арнольд спешно мобилизовал меня в качестве протоколиста от армейской авиации.

В первый день отец и премьер-министр завтракали только с Гарри Гопкинсом, который прибыл на «Принце Уэльском» вместе с Черчиллем. Я рад был снова видеть Гарри и убедиться в том, что он сравнительно хорошо выглядит. Это было отчасти моей заслугой: месяцем раньше, по пути в Лондон, он остановился на озере Гэндер, и мы повезли его на целый день ловить рыбу. Это была настоящая рыбная ловля — мы удили форель на сухую мушку. За один день Гарри, казалось, помолодел на десять лет. Теперь он был снова за работой — преданный и усердный, как всегда.

Всех остальных адмирал Кинг угостил холодным завтраком. После завтрака я отправился в капитанскую каюту. Отец и премьер-министр сидели друг против друга и вежливо препирались.

— По моим сведениям, Франклин, американский народ решительно настроен в нашу пользу. Больше того — он готов вступить в борьбу.

— Вы можете найти и противоположные симптомы, — сухо ответил отец.

— Однако прения о ленд-лизе…

— Уинстон, если вы серьезно интересуетесь мнением американцев, я рекомендовал бы вам читать каждый день протоколы конгресса.

Столкнулись две идеи: премьер-министром явно владела одна мысль американцы должны немедленно объявить войну нацистской Германии; президент же думал об общественном

мнении, об американской политической жизни и обо всех неуловимых факторах, которые толкают людей к действиям и в то же время препятствуют им. Наконец, допив свой бокал, премьер-министр встал. Было уже около половины третьего. Отец сказал, что от имени нашего флота он посылает подарки матросам и офицерам «Принца Уэльского» и трех сопровождающих его эсминцев. Премьер-министр кивнул головой, произнес несколько слов благодарности и вышел.

В тот же день английским морякам было роздано 950 коробок с папиросами, свежими фруктами и сыром. В это время начальники штабов уже занимались разработкой повестки дня своих совещаний. Их содержанием были: производство, порядок поставок, суда, военные потенциалы — техника, люди, деньги, то есть три основных элемента современной войны. Я помогал Хэпу Арнольду на этом заседании; потом, когда оно закончилось, я остановился закурить с одним американским морским офицером.

— Черт побери! — пробормотал он, направляясь вместе со мной на главную палубу. — Ведь они хотят раздеть нас до нитки!

Он, конечно, был прав, но в то же время человеку, видевшему, подобно мне, какую жестокую борьбу вели англичане и в каких неравных условиях протекала она, трудно было оставаться объективным.

В субботу вечером в капитанской кают-компании «Августы» состоялся официальный обед, за которым хозяином был отец. Премьер-министр, конечно, сидел справа от него; в числе гостей были постоянный заместитель министра иностранных дел Англии Кадоган, адъютант премьер-министра лорд Черуэлл, Самнер Уэллес, Гарри Гопкинс, Аверелл Гарриман и американские и английские начальники штабов. За обедом и после него, почти до полуночи, я наблюдал отца в новой роли. В прошлом я мог убедиться, что он всегда играл первую роль во всяком собрании, на котором присутствовал, и не потому, что он очень стремился к этому, а потому, что это всегда казалось его естественным правом. Но в тот вечер было не так. В тот вечер отец слушал. Аудиторию держал в своей власти другой; он захватил эту власть над ней своей замечательной, ритмичной, выразительной речью, не чрезмерно цветистой, но всегда насыщенной и до того сочной, что, казалось, стоило взять его слова в руки и сжать их, чтобы брызнул сок.

В тот вечер все мы были во власти Уинстона Черчилля, и он все время сознавал это. Отец лишь изредка задавал ему вопросы, подталкивая его, заставляя его говорить.

Изредка вставлял замечания и Гарри Гопкинс, но лишь тогда, когда премьер-министр останавливался, чтобы перевести

дыхание. А в общем все мы, носившие военную форму, молчали и лишь изредка перешептывались: «Спичку?», «Спасибо», «Передайте, пожалуйста, графин с водой», «Тс-с», «Да, в нем много перца», «Да — и кое-чего другого».

Черчилль откидывался в своем кресле, перебрасывал сигару из одного угла рта в другой, причем она все время задорно торчала кверху, выгибал плечи вперед, как бык; руки его выразительно рубили воздух, глаза сверкали. В этот вечер трибуна принадлежала ему, и он говорил. Но мы, все остальные, молчали не потому, что нам было скучно. Мы молчали, как зачарованные, даже когда не были с ним согласны.

Он рассказывал о ходе войны, о том, как одно поражение следовало за другим. «Но Англия всегда выигрывает войны!» Он довольно откровенно рассказал нам, как близки были к поражению его соотечественники «…но Гитлер и его генералы оказались тупицами. Они этого так и не узнали. Или же они не посмели». Был момент, когда в тоне Черчилля звучала настойчивая просьба:

— Это для вас единственный выход! Вы должны выступить на нашей стороне! Если вы не объявите войны, я повторяю, если вы не объявите войны, не ожидая первого удара с их стороны, они нанесут его, когда мы уже погибнем, и этот первый удар может оказаться для вас и последним!

Но хотя слушатели и заметили у Черчилля этот оттенок просьбы, вся его манера держаться создавала впечатление неукротимой силы, которая прекрасно справится и сама — да, да, справится, — даже если мы не внемлем его предупреждению.

Время от времени отец вставлял вопрос:

— А русские?

— Русские! — в тоне Черчилля послышался пренебрежительный оттенок, но затем он, казалось, спохватился. — Конечно, они оказались гораздо сильнее, чем мы когда-либо смели надеяться. Но кто знает, сколько еще…

— Значит, вы считаете, что они не смогут устоять?

— Когда Москва падет… Как только немцы выйдут в Закавказье… Когда сопротивление русских в конце концов прекратится…

На все вопросы Черчилль отвечал четко, без оговорок, без всяких «если»; в сопротивление русских он не верил или верил очень мало. Он вел крупную игру в этот вечер. Он старался внушить нам, что львиная доля ленд-лиза должна принадлежать британскому льву; что всякая помощь Советам приведет лишь к затяжке войны, а в конечном счете, и притом несомненно, — к поражению; и с тем большей убежденностью он приходил к

своему единственному выводу:

— Американцы должны вступить в войну на нашей стороне! Вы должны вступить в войну, чтобы не погибнуть!

Отец слушал его внимательно, серьезно, время от времени потирая глаза, играя своим пенсне, рисуя узоры на скатерти обгорелой спичкой. Но ни один из американцев, сидевших в облаках табачного дыма в этой кают-компании, ни разу не произнес ни «да», ни «нет», ни «может быть».

Это походило на второй раунд товарищеского матча бокса. Он никому не принес победы, но никому из зрителей и не хотелось подзадоривать противников, чтобы увидеть хорошую потасовку. Все мы желали победы обеим сторонам.

* * *

В воскресенье утром, как раз перед тем, как мы собирались отправиться с «Августы» на «Принца Уэльского», чтобы присутствовать там на богослужении, мне сообщили, что наш «Грумман» только что привез двух фотографов армейской авиации с большим запасом пленки. Я сказал об этом Хэпу Арнольду, и фотографы присоединились к свите президента.

В начале двенадцатого на английском корабле засвистела дудка, возвещая наше прибытие. И как будто по сигналу, в тот же момент тяжелые, свинцовые тучи, висевшие над нами целую неделю, стали рассеиваться, и через них пробились лучи солнца.

На палубе выстроился экипаж английского корабля и рядом с ним двести пятьдесят наших матросов и солдат морской пехоты. Судовой амвон был задрапирован американским и английским флагами.

Мы пели «О, Господи!», «Наша порука в прошлых веках», «Вперед, воинство Христово», «Вечный отец», «Сильны во спасение», и голоса наши мощно и мягко разносились над водами бухты. Мы были едины в своей молитве.

Я не знаю, что думали в это время другие, но вот какие мысли теснились в моей голове: здесь, на палубе, в лучах неверного солнца стоят два человека, играющие важную роль только потому, что они возглавляют две могучие нации. И, думая об этом, я вспомнил миллионы англичан, работающих в условиях всяческих лишений, людей, изготовляющих бомбы днем и проводящих бессонные часы под бомбами ночью. Я вспомнил английские войска, теснимые назад, но исполненные суровой решимости, солдат в шароварах, в трусах, в шотландских юбках, людей с новыми погонами, на которых стоит слово «командос»,

усталых, издерганных, людей в сине-коричневой форме королевских воздушных сил, матросов и офицеров вот этого самого корабля, измотанных долгими боями и рассматривающих свое путешествие сюда как отдых, ниспосланный небом. Этим беднягам суждено было через несколько месяцев пойти ко дну вместе со своим кораблем, ужаленным японскими торпедами.

Я думал о том, как у нас в Америке начинают оживать заводы, как миллионы женщин и юношей, покидая кухни и фермы, осваивают новые, увлекательные и нужные специальности. Война чем-нибудь да затронула каждого: кто не служил в вооруженных силах и не работал на военном заводе, тот расхаживал ночью по улицам в шлеме дежурного по противовоздушной обороне, быть может, чувствуя себя несколько неловко, но все же ощущая себя частицей своей родины, участником могучего, всепоглощающего усилия.

И хотя теперь Англия несколько запыхалась и у нее подкашиваются ноги под градом ударов, зато Америка начинает обрастать чертовски крепкими мускулами.

И здесь стоят руководители обоих народов и молятся: «Отче наш, иже еси на небеси, да святится имя твое»…

* * *

После богослужения мы завтракали у премьер-министра. И вот наступил момент, когда кто-то постучал по столу, требуя тишины, и воскликнул: «Джентльмены, Король!» И затем — стук отодвигаемых кресел, шарканье ног и мгновенье молчания, когда все подняли бокалы и медленно осушили их. Это был торжественный обряд; быть может он давал повод для иронии, но в то же время нельзя было отрицать его внушительности. Во всяком случае, такое впечатление он произвел на меня, видевшего его впервые.

Возвращаясь на «Августу», чтобы присутствовать на военных совещаниях, которые должны были занять весь день, я рассказал отцу о своих мыслях во время утреннего богослужения.

— Да, это и был лейтмотив нашей молитвы, — ответил он. — Даже если бы ничего другого и не произошло в то время, уже это одно сплотило бы нас. «Вперед, воинство Христово!» С божьей помощью мы идем и будем итти вперед.

* * *

Совещания военных представителей обеих сторон, состоявшиеся в течение дня, повлекли за собой некоторое нарушение идеального единства, которым было отмечено утро. Англичане снова всячески старались убедить нас уделять как можно больше материалов по ленд-лизу Англии и как можно меньше Советскому Союзу. Я не думаю, чтобы ими непосредственно руководили политические мотивы, хотя следует признать, что в сущности их неверие в способность России к сопротивлению носило политический характер. На этих совещаниях и Маршалл, и Кинг, и Арнольд продолжали настаивать на том, что вполне разумно оказывать Советам всяческую возможную помощь. Ведь как бы то ни было, доказывали они, германские армии находятся в России; танки, самолеты, пушки в руках Советов будут нести гибель нацистам, тогда как для Англии ленд-лиз в данное время будет означать лишь наращивание запасов. Кроме того, мы, конечно, не могли забывать и о потребностях собственной обороны, о том, что необходимо для укрепления наших армии и флота.

Со своей стороны, адмирал Паунд, генерал Дилл и главный маршал авиации Фримен на все лады доказывали, что, в конечном счете, эти запасы будут более полезными для решающих военных усилий союзников. Они упорно твердили свое, — что военные материалы, передаваемые Советам, неизбежно будут захвачены нацистами, что в интересах самой Америки направлять большую часть материалов в Англию. К счастью, американские представители по-иному понимали интересы самой Америки, а также интересы войны в широком смысле. Я же задавался вопросом, не стремится ли Британская империя к тому, чтобы нацисты и русские уничтожали друг друга, пока Англия будет накапливать силы.

Тем временем отец трудился с Самнером Уэллесом над проектом какого-то документа. Тогда мы еще не знали, что это такое; как оказалось, они работали над текстом Атлантической хартии и над письмом к Сталину, в котором выражалась наша общая решимость добиваться совместными усилиями общей победы над гитлеризмом.

В тот вечер премьер-министр вновь обедал на «Августе». Этот обед выглядел менее официально; высших военных чинов на нем не было. Присутствовали только отец, премьер-министр, их ближайшие помощники, мой брат и я. Поэтому здесь было гораздо больше возможностей познакомиться с Черчиллем поближе.

Он снова был на высоте положения. Его сигары сгорали дотла, коньяк неуклонно убывал. Но это, по-видимому,

совершенно не сказывалось на нем. Его мысль работала не менее, если не более ясно, а язык стал еще острее.

И все же в сравнении с предыдущим вечером разговор протекал по-иному. Тогда Черчилль прерывал свою речь только для того, чтобы выслушать вопросы, которые ему задавали. Теперь и другие прибавляли кое-что в общий котел, и поэтому в котле забурлило, и раза два он чуть не ушел через край. Чувствовалось, что два человека, привыкшие главенствовать, уже померялись силами, уже прощупали друг друга, а теперь готовились бросить друг другу прямой вызов. Нельзя забывать, что в то время Черчилль был руководителем воюющей страны, а отец — только президентом государства, достаточно ясно определившего свою позицию.

После обеда Черчилль все еще руководил разговором. Однако перемена уже начинала сказываться. Впервые она резко проявилась в связи с вопросом о Британской империи. Инициатива исходила от отца.

— Конечно, — заметил он уверенным и несколько лукавым тоном, конечно, после войны одной из предпосылок длительного мира должна быть самая широкая свобода торговли.

Он помолчал. Опустив голову, премьер-министр исподлобья пристально смотрел на отца.

— Никаких искусственных барьеров, — продолжал отец. — Как можно меньше экономических соглашений, предоставляющих одним государствам преимущества перед другими. Возможности для расширения торговли. Открытие рынков для здоровой конкуренции. — Он с невинным видом обвел глазами комнату.

Черчилль заворочался в кресле.

— Торговые соглашения Британской империи… — начал он внушительно. Отец прервал его:

— Да. Эти имперские торговые соглашения, — о них-то и идет речь. Именно из-за них народы Индии и Африки, всего колониального Ближнего и Дальнего Востока так отстали в своем развитии.

Шея Черчилля побагровела, и он подался вперед.

— Господин президент, Англия ни на минуту не намерена отказаться от своего преимущественного положения в Британских доминионах. Торговля, которая принесла Англии величие, будет продолжаться на условиях, устанавливаемых английскими министрами.

— Понимаете, Уинстон, — медленно сказал отец, — вот где-то по этой линии у нас с вами могут возникнуть некоторые разногласия. Я твердо убежден в том, что мы не можем добиться прочного мира, если он не повлечет за собой развития отсталых

стран, отсталых народов. Но как достигнуть этого? Ясно, что этого нельзя достигнуть методами восемнадцатого века. Так вот…

— Кто говорит о методах восемнадцатого века?

— Всякий ваш министр, рекомендующий политику, при которой из колониальной страны изымается огромное количество сырья без всякой компенсации для народа данной страны. Методы двадцатого века означают развитие промышленности в колониях и рост благосостояния народа путем повышения его жизненного уровня, путем его просвещения, путем его оздоровления, путем обеспечения ему компенсации за его сырьевые ресурсы.

* * *

Все мы наклонились вперед, стараясь не проронить ни слова из этой беседы. Гопкинс улыбался, адъютант Черчилля, коммодор Томпсон помрачнел и был явно встревожен. У самого премьер-министра был такой вид, как будто его сейчас хватит удар.

— Вы упомянули Индию, — прорычал он.

— Да. Я считаю, что мы не можем вести войну против фашистского рабства, не стремясь в то же время освободить народы всего мира от отсталой колониальной политики.

— А как насчет Филиппин?

— Я рад, что вы упомянули о них. Как вам известно, в 1946 г. они получат независимость. А кроме того, они уже располагают современными санитарными условиями, современной системой народного образования; неграмотность там неуклонно снижается…

— Какое бы то ни было вмешательство в имперские экономические соглашения недопустимо.

— Они искусственны…

— Они составляют основу нашего величия.

— Мир, — твердо сказал отец, — не совместим с сохранением деспотизма. Дело мира требует равенства народов, и оно будет осуществлено. Равенство народов подразумевает самую широкую свободу торговой конкуренции. Станет ли кто-нибудь отрицать, что одной из главных причин возникновения войны было стремление Германии захватить господствующее положение в торговле Центральной Европы?

Спор на данную тему между Черчиллем и отцом не мог привести ни к чему. Разговор продолжался, но премьер-министр снова начал овладевать им. Черчилль говорил уже не отдельными

фразами, а целыми абзацами, и с лица коммодора Томпсона начало сходить встревоженное, мрачное выражение. Премьер-министр говорил все увереннее, его голос снова заполнял комнату. Однако один вопрос остался без ответа; он не получил ответа и на, следующих двух конференциях, на которых встретились эти люди. Индия, Бирма были живым упреком англичанам. Сказав о них вслух однажды, отец и впредь напоминал о них англичанам, бередя своими сильными пальцами раны их больной совести, подталкивая, подгоняя их. Он поступал так не из упрямства, а потому, что был убежден в своей правоте; Черчилль это знал, и именно это беспокоило его больше всего.

Он ловко перевел разговор на другое, так же ловко втянул в него Гарри Гопкинса, брата, меня — всех нас, лишь бы только увести отца от этой темы, не слышать его высказываний по колониальному вопросу и его настойчивых, раздражающих рассуждений о несправедливости преференциальных имперских торговых соглашений.

Был уже третий час ночи, когда английские гости распрощались. Я помог отцу добраться до его каюты и уселся там, чтобы выкурить с ним по последней папиросе.

— Настоящий старый тори, не правда ли? — проворчал отец. — Настоящий тори старой школы.

— Мне одно время казалось, что он взорвется.

— Ну, — улыбнулся отец, — мы с ним сработаемся. На этот счет не беспокойся. Мы с ним прекрасно поладим.

— Если только ты не будешь затрагивать Индию.

— Как сказать? Я полагаю, что мы еще поговорим об Индии более основательно, прежде чем исчерпаем эту тему. И о Бирме, и о Яве, и об Индо-Китае, и об Индонезии, и обо всех африканских колониях, и о Египте и Палестине. Мы поговорим обо всем этом. Не упускай из виду одно обстоятельство. У Уинни[1] есть одна высшая миссия в жизни, — но только одна. Он идеальный премьер-министр военного времени. Его основная, единственная задача заключается в том, чтобы Англия выстояла в этой войне.

— И, на мой взгляд, он этого добьется.

— Верно. Но заметил ли ты, как он меняет тему, когда речь заходит о какой-нибудь послевоенной проблеме?

— Ты поднимал щекотливые вопросы. Щекотливые для него.

— Есть и другая причина. У него идеальный склад ума для военного руководителя. Но чтобы Уинстон Черчилль руководил Англией после войны? Нет, не будет этого.

Жизнь показала, что в этом вопросе английский народ согласился с отцом.

* * *

На следующее утро, часов в одиннадцать, премьер-министр снова явился в капитанскую каюту «Августы». Он просидел у отца два часа, занимаясь Хартией. До завтрака он, Кадоган, Самнер Уэллес, Гарри Гопкинс и отец работали над последним ее вариантом. В течение этих двух часов я несколько раз входил в каюту и ловил налету обрывки разговора; при этом я все старался понять, каким образом Черчилль сумеет примирить идеи Хартии с тем, что он говорил накануне вечером. Думаю, что он и сам этого не знал.

Следует отметить, что самый большой вклад в создание Хартии был сделан Самнером Уэллесом, который больше всех потрудился над ней. Хартия была его детищем с того самого момента, как она была задумана в Вашингтоне; он вылетел из Вашингтона с рабочим проектом окончательного ее текста в портфеле; весь мир знает, как велико было и остается значение этой декларации. И, конечно, не он и не отец виновны в том, что она так плохо выполняется.

Во всяком случае, работа над редакцией отдельных формулировок продолжалась до завтрака; затем премьер-министр и его помощники вернулись на свой корабль. После завтрака отец занимался почтой и законопроектами конгресса, требовавшими его внимания: самолет в Вашингтон вылетал в тот же день. К середине дня Черчиллю удалось урвать несколько минут для отдыха. С палубы «Августы» мы наблюдали, как он сходил с «Принца Уэльского», намереваясь пройтись по берегу и взобраться на утес, высившийся над бухтой. На воду спустили вельбот; английские матросы пригнали его на веслах к трапу, и премьер-министр быстро сбежал по ступенькам. На нем была вязаная фуфайка с короткими рукавами и штаны, не доходившие до колен. С нашего наблюдательного пункта он казался огромным толстым мальчиком, которому не хватало только игрушечного ведерка и лопатки, чтобы поиграть в песке на пляже. Очутившись в вельботе, он направился прямо к рулю и стал командовать. До нас доносились его отрывистые распоряжения; матросы гребли с большим усердием. Наконец, все они скрылись из вида, но нам потом рассказали о дальнейшем ходе событий. Премьер-министр быстро полез на утес, возвышавшийся на триста-четыреста футов над берегом. Вскарабкавшись туда, он посмотрел вниз и увидел, что некоторые его спутники привольно расположились на пляже в надежде на проблески солнца. Черчилль тотчас же набрал горсть камешков и стал развлекаться, разгоняя своих напуганных спутников удачными попаданиями. Веселые забавы сильных мира

сего!

В семь часов премьер-министр опять приехал к нам на обед — на сей раз по-настоящему неофициальный: кроме отца и Черчилля, присутствовали только Гарри Гопкинс, мой брат и я. Это был вечер отдыха; несмотря на вчерашний спор, все мы были как бы членами одной семьи и вели неторопливую и непринужденную беседу. Все же Черчиллем по-прежнему владело стремление убедить нас, что Соединенные Штаты должны немедленно объявить войну Германии, но он понимал, что в этом вопросе он обречен на поражение. Сообщения о совещаниях наших военных представителей, происходивших непрерывно в последние дни, говорили о растущей убежденности обеих сторон в том, что для достижения окончательной победы Англия нуждается в американской промышленности и в активных действиях Америки; впрочем, в этом вряд ли кто-нибудь сомневался и раньше.

Сознание этой зависимости не могло не сказаться на отношениях между двумя руководителями. Постепенно, очень медленно, мантия вождя сползала с плеч англичанина на плечи американца.

В этом мы убедились позже, вечером, при новой вспышке того самого спора, который накануне заставил всех нас затаить дыхание. Это был своего рода заключительный аккорд воинствующего черчиллевского консерватизма. Черчилль встал и расхаживал по каюте, ораторствуя и жестикулируя. Наконец, он остановился перед отцом, помолчал секунду, а затем, потрясая коротким, толстым указательным пальцем перед самым его носом, воскликнул:

— Господин президент, мне кажется, что вы пытаетесь покончить с Британской империей. Это видно из всего хода ваших мыслей об устройстве мира в послевоенное время. Но несмотря на это, — он взмахнул указательным пальцем, — несмотря на это, мы знаем, что вы — единственная наша надежда. И вы, — голос его драматически дрогнул, — вы знаете, что мы это знаем. Вы знаете, что мы знаем, что без Америки нашей империи не устоять.

Со стороны Черчилля это было признанием, что мир может быть завоеван только на основе условий, поставленных Соединенными Штатами Америки. И, сказав это, он тем самым признал, что английской колониальной политике пришел конец, точно так же, как и попыткам Англии занять господствующее положение в мировой торговле и ее стремлению стравить между собой СССР и США.

И всему этому действительно пришел бы конец, если бы отец был жив.

* * *

На следующий день за завтраком к нам присоединился английский министр военного снабжения, маленький лорд Бивербрук. Военные представители обеих сторон работали в это время в каюте адмирала Кинга. К половине третьего все пришли к окончательному соглашению по поводу совместных деклараций, подлежавших опубликованию. Главная задача, стоявшая перед дипломатами в эти дни, была выполнена; я видел, что Уэллес и отец испытывали удовлетворение и гордость. Когда мы вышли на палубу «Августы», казалось, что все лица расплываются в широкой улыбке. Почетный караул и судовой оркестр построились на палубе, и когда английские начальники штабов, а за ними Черчилль стали спускаться по трапу, оркестр заиграл «Боже, храни короля». Конференция закончилась. На следующий день президент и премьер-министр от имени Соединенных Штатов и Соединенного Королевства сделали следующее заявление:

1. Что их страны не стремятся к территориальным или другим приобретениям.

2. Что они не согласятся ни на какие территориальные изменения, не находящиеся в согласии со свободно выраженным желанием заинтересованных народов.

3. Что они уважают право всех народов избирать себе форму правления, при которой они хотят жить; что они стремятся к восстановлению суверенных прав и самоуправления тех народов, которые были лишены этого насильственным путем.

4. Что они, соблюдая должным образом свои существующие обязательства, будут стремиться обеспечить такое положение, при котором все страны великие или малые, победители или побежденные — имели бы доступ на равных основаниях к торговле и к мировым сырьевым источникам, необходимым для экономического процветания этих стран.

5. Что они стремятся добиться полного сотрудничества между всеми странами в экономической области с целью обеспечить для всех более высокий уровень жизни, экономическое развитие и социальное обеспечение.

6. Что после окончательного уничтожения нацистской тирании они надеются на установление мира, который даст возможность всем странам жить в безопасности на своей территории, а также обеспечить такое положение, при котором все люди во всех странах могли бы жить всю свою жизнь, не зная ни страха, ни нужды.

7. Что такой мир должен предоставить всем возможность

свободно, без всяких препятствий плавать по морям и океанам.

8. Что они считают, что все государства мира должны по соображениям реалистического и духовного порядка отказаться от применения силы, поскольку никакой будущий мир не может быть сохранен, если государства, которые угрожают или могут угрожать агрессией за пределами своих границ, будут продолжать пользоваться сухопутными, морскими и воздушными вооружениями. Они полагают, что впредь до установления более широкой и надежной системы всеобщей безопасности такие страны должны быть разоружены. Они будут также помогать и поощрять всякие другие осуществимые мероприятия, которые облегчат миролюбивым народам избавление от бремени вооружений.

На мой взгляд эта декларация представляет особый исторический интерес, к которому теперь примешивается чувство горечи в связи с последующими нарушениями ее духа и буквы.

Оставляя в стороне первые два пункта и при этом лишь указав, пожалуй, мимоходом на туземное население атолла Бикини, выселенное из своих домов, чтобы дать цивилизованному миру возможность испытать свою новую и самую занимательную игрушку, мы остановимся на третьем пункте, чтобы поразмыслить о судьбах народов Явы и Индонезии. Минуем четвертый пункт — тайны его слишком глубоки. Пятый пункт представляет собой сегодня лишь благое пожелание — отголосок высоких надежд, которые мы некогда питали. Шестой пункт — в момент, когда пишутся эти строки, — все еще ожидает завтрашнего дня, чтобы претвориться в жизнь. Седьмой пункт в данный момент, по-видимому, не внушает опасений (хотя люди XX века хотели бы, пожалуй, чтобы он применялся не только к морским, но и к воздушным путям). Три замечательные фразы последнего пункта приобретают сегодня особое значение: их необходимо вдалбливать в головы таких людей, как генерал-майор Гровс, поскольку его настойчивые требования непрерывного увеличения запаса атомных бомб все больше подменяют собой зрелую и продуманную внешнюю политику США.

Во вторник, около пяти часов дня, «Принц Уэльский» поднял якорь, снова уходя навстречу войне. Он прошел близко от «Августы», которая отдала ему прощальный салют; при этом оркестр играл «Олд Лэнг Сайн». Я стоял рядом с отцом, поддерживая его под руку, и мы смотрели, как английский корабль выходит в море. Теперь у нас оставалось лишь время для краткого прощания, так как «Августа» тоже вскоре отплывала. Над морем висел туман, и лететь обратно на озеро Гэндер было невозможно. В конце концов, меня и лорда Бивербрука высадили

на берег, и нам пришлось отправиться на мою базу поездом. Там я должен был устроить лорду место на самолете, улетавшем в Вашингтон, где ему предстояли дальнейшие переговоры с нашими руководителями ленд-лиза.

Мы с «Бивером» ехали на озеро Гэндер в поезде, представлявшем собой настоящий музейный экспонат — с деревянными сиденьями и пузатыми чугунными печками, стоявшими посредине каждого вагона; через каждые десять миль поезд останавливался на двадцать минут. Мой спутник, удивительный маленький человечек, был далеко не в восторге от этой неудобной поездки. Когда один безобидный железнодорожник допустил вполне простительную ошибку, дав нам какие-то неправильные сведения, Бивер в течение трех минут отчитывал его пронзительным голосом, пересыпая свои самые выразительные замечания отборными англо-саксонскими словечками из четырех букв. Этот железнодорожник должен был быть либо философом, либо глухим, чтобы, не протестуя, выслушивать такие оскорбления.

Когда меня не отвлекали подобные словесные фейерверки, я размышлял о значении того, что происходило в последние дни. Англичане приехали просить у нас помощи, но держались гордо, почти вызывающе. Наши руководители понимали, что Соединенное Королевство сражается и за нас, за всех американцев; но они были представителями народа, который еще не дошел до ясного, четкого понимания угрожавшей ему опасности. Америка все еще находилась в состоянии перехода от мира к войне. Перед нашими начальниками штабов стояла сложная задача — сопоставить английские и советские требования и обеспечить обеим странам достаточную помощь, чтобы они могли и дальше истреблять нацистов.

События тех дней произвели на меня глубокое впечатление; оно свежо и по сей день. Судьба Америки находилась в твердых руках, в руках людей, всеми силами стремившихся, как и прежде, любыми средствами обеспечить нашей стране мир и в то же время охранять наши основные национальные интересы.

В той игре, которую президент и его начальники штабов начали в гавани Арджентии, важнейшая роль принадлежала времени. Как мы знаем, время мчалось тогда так стремительно, что наши производственные планы еле поспевали за ним.

Глава третья
От Арджентии до Касабланки

После всех разговоров о войне, которые велись в Арджентии, мне стало вдвое труднее мириться со своей относительной бездеятельностью в Арктике, где я занимался только воздушной разведкой. К счастью, уже недели через две после конференции, в начале сентября, моя эскадрилья была отозвана в Соединенные Штаты. Я немедленно подал заявление о приеме в школу штурманов, чтобы получить звание, если не пилота, то хотя бы штурмана, и благодаря этому иметь возможность скорее попасть на театр военных действий за океаном. Мысленно я подчеркнул красным карандашом некоторые места в своем заявлении и поставил в нем несколько восклицательных знаков. Возможно, это сыграло некоторую роль: в конце сентября моя просьба была удовлетворена, и я получил приказ о назначении на аэродром Келли в Сан-Антонио (штат Техас). Сначала я был офицером наземной службы, затем — офицером разведки; теперь мне предстояло стать офицером летной службы.

В своих записях, относящихся к первым дням пребывания на аэродроме Келли, по возвращении в Соединенные Штаты я нахожу почти на каждой странице замечания о благодушном настроении, с которым приходилось сталкиваться повсюду. Это настроение не могло не поразить меня — человека, вернувшегося после выполнения задания за океаном; я уверен в том, что оно поражало всякого, кто возвращался в то время из поездок в Англию; впрочем, пожалуй, мне не следовало так удивляться. Однако, когда мои друзья говорили (это случилось трижды), что мне пора снять военную форму, что я уже провел в армии законный год и упускаю широкие возможности использовать улучшившуюся рыночную конъюнктуру, я сначала вступал в спор, затем стал недоумевать, откуда берется такая дубовая бесчувственность ко всему, что происходит в мире, и, наконец, ушел в себя и перестал вести разговоры на эту тему. В сентябре и октябре 1941 г. такие споры были бесполезны. Кроме того, я имел представление об истоках подобной безмятежности, и мои соображения никого не поразят новизной. Ее питали крупнейшие американские газеты: «Чикаго трибюн», газеты Херста, нью-йоркская «Дейли ньюс», вашингтонская «Таймс-Геральд» и газеты треста Скриппс-Говарда. То многоголосым хором, то в унисон они пели обольстительную песнь сирены, призывая к безразличию, самодовольству, бездеятельности. Если этот сладкозвучный хор

отражал настроение народа, это значило, что газеты забыли о своей обязанности нести народу свет и знание. Если же издатели газет считали, что выполняют свою обязанность, то их представление о свете и знании заслуживало весьма нелестной характеристики.

В первое воскресенье декабря я получил разрешение навестить свою семью, жившую на ферме у Форт Уорт. Через несколько дней (если бы все прошло гладко) я должен был окончить штурманскую школу; я, конечно, не знал, куда буду назначен, и поэтому хотел провести день-другой дома со своими детьми.

В воскресенье я встал поздно и сразу после завтрака уехал кататься верхом. Когда я вернулся домой часа в три дня, жена сообщила мне, что Гарри Хэтчинсон и Джин Кэйгл звонили мне с радиостанции. Я решил, что они просто собирались поговорить со мной о делах, прежде чем я вернусь в Сан-Антонио, а вести деловые разговоры мне не хотелось. Кто-то из детей включил радио, чтобы послушать музыку, и тут я понял, почему Гарри и Джин звонили мне. По радио передавался приказ, гласивший, что все офицеры и солдаты должны немедленно явиться в свои части.

Все заговорили сразу, перебивая друг друга. Я поспешно сменил штатский костюм на военную форму и позвонил по телефону адъютанту на аэродром Келли; тот посоветовал мне вернуться сейчас же в лагерь на машине. Мне оставалось лишь строить самые невероятные догадки и отвечать на вопросы детей — что такое Пирл Харбор и где он находится? Машина подъехала к крыльцу, я поспешно попрощался и отправился на юг.

По дороге в Сан-Антонио я обогнал сотни военнослужащих, добиравшихся до своих лагерей с попутными машинами. В свою машину я посадил четверых одного из Массачузетса, одного из Восточного Техаса, одного из Западного Техаса и говорившего нараспев юнца из Северной Каролины.

На аэродроме Келли все волновались и недоумевали, как и я. С каждым часом появлялись все более невероятные слухи. Зарегистрировавшись и явившись к адъютанту и к дежурному офицеру, я отправился на квартиру, которую снимал близ аэродрома, и заказал телефонный разговор с отцом. Нас соединили только через два часа, а мое волнение нарастало с каждой минутой. Наконец, раздался звонок, и я взял трубку. Мне ответила главная телефонистка Белого Дома мисс Хэкмейстер.

— Алло?

— Капитан Эллиот?

— Алло, Хэки… Отец занят?

— Я вас сейчас соединю. Я только хотела убедиться в том, что

это вы.

После короткой паузы я услышал голос отца:

— Эллиот?

— Алло, папа! — Мне приходилось почти кричать.

— Как поживаешь, сын?

— Я? Превосходно. Как ты?

— Я… очень занят, конечно.

— Какие новости, папа?

— Новости? Конечно, дела довольно серьезные… А что слышно у тебя?

— У меня?

— Да. Что у вас там говорят?

— Ну… говорят, что всех нас отправят завтра… что всем эскадрильям будет приказано вылететь на Филиппины.

— Да?

— А недавно мы слышали, что в Мексике высадился японский десант и что в любой момент можно ожидать нападения на техасские авиабазы.

— Вот как!

— Затем рассказывали, что японцы готовят экспедиционную колонну пехоты, которая вторгнется в Техас или Калифорнию через мексиканскую границу…

Я услышал восклицание отца, свидетельствовавшее о том, что он слушает меня с интересом.

— Ладно, — сказал он, — если ты еще что-нибудь услышишь, дай мне знать, хорошо?

— Конечно, конечно! Как только я…

В телефоне щелкнуло: он положил трубку; я сделал то же самое и вскочил…

Как?! Что же произошло? Я звонил ему, чтобы узнать новости, а кончилось тем, что я рассказывал ему…

И он хочет, чтобы я сообщил ему, если узнаю что-нибудь новое… Ему Главнокомандующему и вождю.

Я вздохнул и пошел спать.

* * *

Нападение на Пирл Харбор не изменило программы занятий в штурманской группе вплоть до назначенного дня выпуска. Я получил назначение в 6-ю разведывательную эскадрилью, стоявшую на Западном побережье; штаб ее был расположен в пустыне у сухого озера Мюрок, близ Ланкастера в Калифорнии. Мы несли патрульную службу над Тихим океаном. Я прослужил

сперва в 6-й, потом во 2-й эскадрильях до конца января; затем я внезапно получил секретное предписание явиться к командиру 1-й картографической группы на аэродром Боллинг в Вашингтоне.

Этот приказ и характер моего нового назначения были окружены такой тайной, что у меня возникли самые радужные надежды. Не иначе, как что-нибудь очень крупное и важное. Наверняка какое-нибудь задание за океаном…

И действительно, это оказалось назначением за океан, но когда я узнал, в чем оно состояло, меня слегка покоробило. Оно носило условное обозначение «Устарелое предприятие» и представлялось мне таким скучным, что, на мой взгляд, оно не только устарело, а вообще никуда не годилось. Мне и еще одному штурману поручалось вести воздушную разведку и аэрофотосъемку обширных районов Северной Африки. Африки!

Перед самым отъездом у меня была беседа с отцом — одна из наших обычных бесед между завтраком и началом его рабочего дня; я поделился с ним своим разочарованием по поводу этого якобы «чрезвычайного» задания. Задание было, конечно, сверхсекретным, но я считал возможным, что главнокомандующий уже осведомлен о нем.

Так оно и оказалось, и отец тотчас же стал объяснять мне, почему мое задание в действительности гораздо важнее, чем я предполагал. Как и все его объяснения, оно помогло мне лучше понять проблемы и стратегию войны в масштабе всего земного шара. Начать с того, что отец просиял от удовольствия, когда я рассказал ему о характере своего задания. Пока я выражал недовольство и объяснял, почему я считаю, что не стоило поднимать по этому поводу такой шум, он варил себе кофе (отец всегда сам варил кофе, утверждая, что на кухне не умеют делать это как следует).

Наконец, когда я перестал ныть по поводу маловажности своего назначения, отец сказал:

— Ты неправ. Ты считаешь, что тебя посылают только для того, чтобы фотографировать какие-то пески, и что это бесполезная трата времени и пленки. Но это неверно. Взгляни на дело вот с какой точки зрения: важно ли, чтобы Китай продолжал сражаться?

— Конечно… Думаю, что так.

— Без Китая, если Китай падет, сколько японских дивизий, по-твоему, освободится и для чего? Возьми Австралию, возьми Индию… она уже готова, как спелая слива, к тому, чтобы ее сорвали. Двигайся дальше, прямо на Средний Восток…

— Япония? — спросил я недоверчиво.

— А почему нельзя представить себе, что японцы и немцы

предпримут наступление с двух сторон, чтобы создать гигантские клещи, сходящиеся где-то на Ближнем Востоке, и таким образом полностью изолировать Россию, отрезать Египет, перерезать все коммуникационные линии, идущие через Средиземное море?

— Да… но при чем здесь Африка?

— Как мы в данный момент доставляем военные материалы в помощь Китаю?

— По Бирманской дороге.

— А если и она будет захвачена?

— Будем доставлять их по воздуху из Индии.

— Именно. Это единственный быстрый способ. Теперь, как доставлять эти материалы в Индию?

— Понимаю — через Средиземное море.

— Взгляни на дело и с другой точки зрения. Ты знаешь, как трудно обеспечить доставку материалов в Советский Союз. Мурманский маршрут…

— Самоубийство.

— Поэтому мы теперь предполагаем использовать Персидский залив. Неужели нам придется по-прежнему считаться с необходимостью перевозок вокруг южной оконечности Африки? И не забывай, что даже на Мадагаскаре есть люди, которые, не задумываясь, укроют японские или нацистские подводные лодки. Нам нужен путь через Средиземное море. Поэтому…

— Понимаю! Африка. Я не сообразил этого раньше только потому, что мне непонятно, зачем мы тратим время таким образом. Почему бы нам просто не погрузиться на суда и не ударить самим по нацистам — из Англии?

— Разве мы не добиваемся возможности пустить производство полным ходом? — Отец невесело улыбнулся. — Разве мы не хотим множества других вещей? Но мы знаем одно: китайцы убивают японцев, а русские убивают немцев. Мы должны помогать им продолжать свое дело до тех пор, пока наши собственные армии и флоты не будут готовы выступить за помощь. Поэтому мы должны начать посылать им во сто раз, в тысячу раз больше материалов, чем они получают от нас теперь. Африка — наша гарантия того, что они получат эти материалы. Взглянем на Африку еще под одним углом зрения. Нацисты двинулись в Сахару вовсе не для того, чтобы загорать там. Для чего им Египет? Для чего им Центральная Африка? Оттуда недалеко до Бразилии. Пенсильвания-авеню может превратиться в Адольф-Гитлер-штрассе; не воображай, что это невозможно! Так что ты снимай-ка пески получше и не думай, что это бесполезная трата пленки!

Стив Эрли просунул голову в дверь и многозначительно

посмотрел на свои часы. Отец засмеялся.

— Две минуты, Стив! — сказал он. Дверь закрылась. У меня, должно быть, был очень расстроенный вид, потому что отец удивленно посмотрел на меня.

— Это такое громадное предприятие, — сказал я, — и мы еще так плохо подготовлены к нему.

— Ты представь себе, что это футбольный матч, — ответил отец. — А мы, скажем, резервные игроки, сидящие на скамье. В данный момент основные игроки — это русские, китайцы и, в меньшей степени, — англичане. Нам предназначена роль… игроков, которые вступят в игру в решающий момент.

— Понимаю.

— Еще до того, как наши форварды выдохнутся, мы вступим в игру, чтобы забить решающий гол. Мы придем со свежими силами. Если мы правильно выберем момент, наши форварды еще не слишком устанут и… — он остановился.

— Да?

— Я думаю, что момент будет выбран правильно. Во-первых, несмотря на горсточку наших шумливых пораженцев, американский народ в целом обладает необходимой решимостью и выдержкой, чтобы довести дело до конца. Во-вторых, бог создал этот мир не для того, чтобы им правила небольшая кучка. Он даст нашим союзникам и нам силы выстоять и победить.

Дверь открылась. — Две минуты прошли, — объявил Стив Эрли.

— Желаю успеха, — сказал отец, и я ушел.

* * *

«Устарелое предприятие» заставило меня посетить Аккру на Золотом Берегу, Батерст в Британской Гамбии, Кано в Британской Экваториальной Африке и Форт-Лами во Французской Экваториальной Африке (все время остававшейся под знаменем Свободной Франции). Потребовалось несколько месяцев усердной работы, чтобы заснять с воздуха всю Северо-Западную Африку; при этом нам иногда приходилось сталкиваться с фашистскими патрульными самолетами, иногда попадать под огонь; но в общем и целом это была скучная и тяжелая работа, с которой нужно было разделаться возможно скорей. Мне удалось вернуться в Соединенные Штаты только через несколько месяцев, и то лишь на июль и август, причем большую часть этого времени я вынужден был провести в госпитале, лечась от амебной дизентерии и малярии. Как только я встал с постели и был

признан армейскими врачами годным к службе, я получил назначение в Англию в качестве командира 3-й фоторазведывательной группы. (Еще в Африке я стал майором, а в связи с новым назначением был произведен в подполковники.)

В течение тех двух месяцев, что я провел в Соединенных Штатах, мне редко приходилось беседовать с отцом. Дело было не только в том, что большую часть этого времени я пролежал в госпитале — отец был перегружен изнурявшей его работой. Мне удалось повидаться с ним лишь раза три или четыре, притом всего по нескольку минут, и всегда мне бросалось в глаза выражение усталости и скрытого напряжения на его лице. Во многих отношениях те дни были для союзников самыми мрачными: Англия, Китай, Советский Союз требовали все больше материалов, и никто из них не считал себя полностью удовлетворенным. Люди, стоявшие на всех ступенях военной лестницы, на всех ступенях руководства, делали ошибки. Это были ошибки людей, которым никогда не приходилось работать для войны и которые хотели, чтобы такая работа никогда больше не выпадала на их долю. Гигантское бремя этих забот и волнений обескровило лицо отца, и при встречах мне хотелось говорить с ним о чем угодно, только не о войне.

* * *

В Англии моя часть была расположена у Стипл Морден, неподалеку от Кембриджа. Где-то в высших сферах спор между английскими и американскими стратегами заканчивался победой тех, кто настаивал на политике выжидания, пока наше превосходство в живой силе и технике не станет подавляющим. В результате этого спора вторжение через Ла-Манш в 1942 г. не состоялось. Моя группа вела фоторазведку Нормандии и Бретани, но только в виде подготовки и накопления опыта для действий в Африке.

В конце сентября я приехал на воскресенье в загородную резиденцию Черчилля — Чекерс, позаботившись на сей раз получше подготовиться к этому визиту. После обеда Черчилль как бы невзначай заметил, что намерен вечером поговорить с моим отцом по трансатлантическому телефону, и спросил меня, не хочу ли и я сказать пару слов. Я убежден, что небрежность тона Черчилля была только напускной; мне хочется думать, что по свойственной ему внимательности он вспомнил, что это был день моего рождения и что для меня не могло быть подарка приятнее разговора с отцом. Надо отметить, что потребовалось больше двух

часов, чтобы соединить премьер-министра с президентом Соединенных Штатов, причем цензор предупредил обе стороны, чтобы они соблюдали в разговоре осторожность. Отец поздравил меня с днем рождения. В ходе разговора он успел осторожно намекнуть, что я не должен удивляться, если вскоре увижусь с одним из членов нашей семьи.

На следующее утро я должен был вернуться в свою часть. Меня пригласили в комнату Черчилля, чтобы попрощаться с ним. Он расхаживал по комнате, окутанный сигарным дымом; другой одежды на нем не было.

— Ого, — подумал я, — будет о чем рассказать внукам…

* * *

«Одним из членов семьи» оказалась моя мать. Я впервые узнал о ее приезде, когда мне позвонили из нашего посольства в Лондоне за день до ее прибытия. Я поспешил в Лондон, и встретил ее в Букингемском дворце, куда она отправилась немедленно по приезде.

В Лондоне ее почти все время преследовала плохая погода. Даже в тот вечер, когда мы с ней обедали у короля и королевы в Букингемском дворце, она страдала от холода в огромных, как сараи, комнатах этого здания. Никто не жаловался, так как было ясно, что это одно из проявлений суровых условий жизни в Англии и что королевская семья так же, как и все англичане, стойко переносит недостаток топлива. Мне не хотелось бы отапливать этот дворец за свой счет даже в ту пору, когда топлива было достаточно.

Кроме наших очень любезных хозяев, на обеде присутствовали фельдмаршал Смэтс (я сидел рядом с ним и рассказывал ему о фотографировании Африки, исходя из несколько туманного представления, что это его тема, но забывая, что его часть Африки находилась за много сот миль от моей), а также красавец лорд Луис Маунтбэттен, обаятельная наружность которого вполне соответствовала его репутации. После обеда мы отправились в подвальное бомбоубежище, где нам продемонстрировали только что законченный фильм Ноэля Коуарда «В котором мы служим». Главный герой фильма был, конечно, списан с Маунтбэттена, послужившего источником вдохновения для автора сценария.

На протяжении всего просмотра Маунтбэттен несколько отвлекал нас непрерывными замечаниями о событиях, положенных в основу сценария.

Я просидел с матерью в ее комнате до глубокой ночи, и мы оба стучали зубами от холода. К тому времени я уже знал, что готовится высадка в Африке; как выяснилось позднее, она тоже знала об этом. Но, беседуя в тот вечер, мы тщательно обходили эту тему, высказываясь очень осторожно, чтобы не выдать друг другу тайны, которую оба знали. Все же она сообщила мне одну новость: отец больше чем когда-либо стремится приехать сюда для встречи с Черчиллем и, как они оба надеются, — также и со Сталиным. Мать основательно устала от воздушного путешествия, но охотно согласилась поехать смотреть мою часть.

В тот день, когда она отправилась в Стипл Морден, погода была специально изготовлена тем из английских чертей, на которого возложена в аду задача стряпать английскую погоду. Было холодно, ветрено, мрачно и сыро. Когда дождь не моросил, он лил как из ведра. Под руководством целой комиссии сопровождавших ее англичан мать запоздала на час, и все это время моя злополучная часть стояла, выстроившись на асфальтовой дорожке перед зданием штаба. Наконец, мать приехала, все повеселели, и она вместе со мной обошла строй, пожав чуть ли не две тысячи рук и поговорив со всеми, с кем могла. Затем мы проводили ее в помещение и угостили чаем (спутники ее попросили виски, и мы их заставили пить из чайных чашек, чтобы скрыть это от матери).

* * *

На следующий день всем, кому предстояло участвовать во вторжении в Африку, было запрещено покидать свои базы. В конце октября наземные эшелоны моей части выступили по направлению к портам посадки. Воздушные эшелоны вылетели на промежуточные базы 5 ноября.

9 ноября мы высадились в Африке. Моя группа приземлилась, когда вокруг еще шли бои, и приступила к работе на следующий же день, действуя с захваченного аэродрома.

Следующие два месяца были целиком заполнены труднейшей работой, какую мне когда-либо приходилось выполнять, причем она была повседневно связана со столькими срочными проблемами, что у меня не оставалось ни малейшей возможности думать о каких-либо военных событиях, кроме тех, центром которых был аэродром Мэзон Бланш, расположенный возле самого Алжира.

Но вдруг 11 января 1943 г. мне было приказано немедленно явиться в Алжир к начальнику штаба экспедиционных сил

союзников генерал-майору Уолтеру Биделлу Смиту. На этот раз благодаря намеку матери я довольно ясно понимал, зачем я понадобился «Бидлу». Однако сам он мне этого не сказал; он лишь приказал мне вылететь с адмиралом Ингерсоллом в Касабланку. Начальник местного аэродрома подтвердил мои надежды и с большим удовольствием посвятил меня в тайну.

— Ваш отец, — сказал он, — и Черчилль, а возможно, и Сталин должны прибыть сюда.

Кроме того, он посоветовал мне никуда не выходить дня полтора, до прибытия отца, чтобы никто не узнал меня и не догадался, что я явился для встречи с ним.

Глава четвертая
Конференция в Касабланке

К тому времени, когда я стирал с подбородка остатки шестого яйца (настоящего, а не превращенного в порошок), отец со своими спутниками прибыл в Бразилию. В моем распоряжении было еще много времени, чтобы поразмяться, отдохнуть, забыть на время о войне, встретиться с друзьями, которые могли оказаться здесь, и осмотреть место, где я находился.

Это была крайняя южная точка высадки, произведенной ночью в воскресенье 8 ноября. Я лично участвовал в операции в Северо-Западной Африке, в Алжире, и теперь впервые увидел, с чем пришлось столкнуться силам, атаковавшим Касабланку.

Прошло уже больше двух месяцев, но в гавани все еще стоял жестоко потрепанный французский линкор «Жан Барт». В самом городе, раскинувшемся над гаванью по склонам холмов, заметны были следы войны. Теперь, в январе, узкие улички были заполнены американскими солдатами, «виллисами» и грузовиками. Выше, там, где белели красивые виллы и дачи богатых французских колонистов, ранняя африканская весна все расцветила своими красками. Здесь было светло, тепло, весело. Это была прямая противоположность Арджентии, как будто принадлежавшей к какой-то другой геологической эпохе.

Я уверен, что Касабланка была избрана для встречи не только потому, что по-испански Касабланка означает белый дом. Но какова бы ни была причина выбора, когда он был сделан, мы отправили туда агентов своей секретной службы во главе с Майком Рейли,[2] чтобы выбрать место, где «высокие персоны» должны были жить, встречаться и совещаться. Я наткнулся на Майка в первый же день. Он немного поворчал по поводу трудностей, с которыми ему пришлось столкнуться, выполняя полученное задание — обеспечить в Касабланке такую же безопасность, как в Белом Доме.

Прежде всего возникал вопрос о целой армии вражеских агентов и осведомителей, рассеянных по всему Французскому Марокко. Нацисты были изгнаны отсюда лишь недавно; нашим органам безопасности предстояло еще разоблачить и арестовать многих французских фашистов, которых гитлеровцы оставили здесь с полными карманами немецких денег. Кроме того, Касабланка расположена не слишком далеко от Испанского Марокко, а в январе 1943 г. никто из нас не питал иллюзий насчет дружественных чувств Франко и фалангистов.

В довершение всего, лишь за три недели до конференции нацисты произвели самый настоящий воздушный налет на Касабланку. Возможно, что это был удар наугад, возможно, что они метили в огромные склады горючего генерала Паттона, но все их бомбы попали в невоенные объекты, и они добились лишь того, что их возненавидели арабы, семьи которых погибли. Однако этот налет дал Майку Рейли более чем достаточно оснований призадуматься. В самой Касабланке и вокруг нее было дополнительно установлено множество зенитных батарей, и фрицы в своих коротковолновых передачах на Северную Африку стали строить всевозможные догадки. (Подручные Геббельса в Берлине были так недалеки от истины, что сообщили об ожидавшемся приезде генерала Маршалла на совещание с английскими начальниками штабов.)

Большинство офицеров из состава Объединенного совета начальников штабов, которые должны были присутствовать на конференции, разместились в отеле Анфа — уютной курортной гостинице, небольшой, без особых претензий, но вполне современной и очень комфортабельной. Район этого отеля был отгорожен колючей проволокой и получил название «лагеря Анфа». В этом же районе находились и виллы, предназначенные для отца и Черчилля. Вдоль ограды из колючей проволоки расхаживали патрули генерала Паттона, которые проверяли у всех документы, но сами не знали, что должно было происходить в этом лагере.

Пока большая летающая лодка отца находилась еще где-то над Южной Атлантикой, между Бразилией и Британской Гамбией, я рыскал по лагерю, стараясь разузнать, как будут кормить прибывающих персон. Последние два месяца я просидел на американском армейском пайке, а еще два месяца до этого — на английском пайке. Все это лишило мои органы пищеварения всякой способности критически относиться к пище, и я готов был заявить, что офицеры, заведывавшие питанием, превзошли самих себя.

Во вторник в конце дня мы с Майком Рейли отправились на аэродром Медуина, чтобы встретить отца и его спутников; их прибытие ожидалось в начале седьмого.

Мы стояли возле места, отведенного для самолета отца.

Вдруг меня осенила мысль.

— Послушайте! — сказал я. Майк Рейли что-то буркнул и посмотрел на меня. — Ведь отец сейчас впервые пользуется самолетом с тех пор, как летом 1932 г. он летал в Чикаго в связи с выдвижением его кандидатуры на пост президента.

— Немало других вещей он сейчас делает впервые, —

ответил Майк с таким видом, будто он подсчитывал все неприятности, причиняемые ему этим обстоятельством. — Впервые президент пользуется самолетом для путешествия вне Соединенных Штатов. Более того — вообще впервые президент пользуется самолетом, будь то внутри страны или за границей по официальному или неофициальному делу. — Майк выразительно посмотрел на меня и сделал такой жест, точно отирал пот со лба.

Наконец, точно в назначенное время (все мы машинально посмотрели на свои часы; майор Отис Брайан рассчитал свой полет с точностью до шестидесяти секунд) мы увидели самолет «С-54», на котором летел отец. Сделав круг, самолет совершил безупречную посадку. Я подбежал к нему. Конечно, я увидел отца; тут же были Гарри Гопкинс, адмирал Макинтайр, капитан Маккри, полковник Бизли — всего человек двенадцать — и, кроме того, примерно столько же агентов секретной службы, считая и тех, которые прибыли несколько раньше.

Отец нисколько не устал и был в превосходном настроении. Он был полон впечатлений от своего путешествия и от всего виденного; пока мы ехали в лагерь в большом старом французском лимузине, который кто-то где-то реквизировал, отец все время говорил о полетах.

— Конечно, это был уже не первый мой полет. В июне 1932 г…

— Зачем ты это рассказываешь мне, папа? Ведь в тот раз и я летал с тобой.

— Ах, да, верно. Но я летал раньше, — тогда ты был ребенком, а я служил во флоте, — и летал на морских самолетах. Инспекционные поездки. Тебе-то уже никогда не придется испытать ничего подобного.

— И слава богу!

— Но для меня это очень существенно, Эллиот, — видеть, как работают американские летчики, в каком состоянии находится сейчас наша авиация, ее прогресс. Это великолепно. Это дает мне перспективу…

Он рассказал о только что совершенном полете.

— Мы летели над Дакаром. Это ведь не обычный маршрут: обычная трасса проходит над сушей.

— Знаю, папа. Я летал по этой трассе три или четыре раза.

— Ладно, ладно. Для тебя все это не ново. Но дай возможность поговорить и такому новичку, как я. — Он нахмурился и тут же улыбнулся мне — Видел «Ришелье» на рейде в Дакаре. Да, не забудь напомнить мне, чтобы я тебе рассказал о положении в Батерсте, в Британской Гамбии. И не говори мне, что ты там сам бывал: мне это известно. Держу пари, что за полдня в

Батерсте я узнал больше, чем ты за два месяца.

Так оно и было.

Приехав в лагерь, мы отправились прямо к вилле отца — Дар-эс-Саада. Это было прекрасное здание. Двухсветная гостиная имела футов двадцать восемь в высоту; огромные венецианские окна выходили в чудесный сад. Очевидно, для сохранности окон владельцы виллы снабдили их опускающимися стальными шторами, которые закрывали их целиком. С точки зрения Майка Рейли, лучшего нельзя было и придумать. В бассейне для плавания, находившемся рядом с садом, было устроено импровизированное бомбоубежище.

В доме были три спальни: две наверху — для Гарри Гопкинса и для меня с Франклином — моим младшим братом, которого ожидали через день-два. Спальня внизу предназначалась для отца. О ней можно было сказать все, кроме того, что она отвечала своему новому назначению. Увидев ее, отец свистнул.

— Единственное, чего нам теперь не хватает, — это хозяйки дома, сказал он смеясь.

Было совершенно очевидно, что эта спальня принадлежала весьма женственной и знатной француженке. Множество драпировок, всякие безделушки и кровать, быть может, не слишком мягкая, но зато шириной не меньше трех ярдов. В ванной комнате красовалась вделанная в пол ванна из черного мрамора.

В нескольких шагах от нас находилась вилла Черчилля «Мирадор», и Гарри Гопкинс отправился туда пригласить премьер-министра к нам на обед. Кроме отца, английского премьер-министра и Гарри Гопкинса, за стол уселись американские начальники штабов — генерал Маршалл, адмирал Кинг, генерал Арнольд и английские начальники штабов — генерал сэр Алан Брук, адмирал сэр Дадли Паунд, главный маршал авиации сэр Чарльз Портал, а также лорд Маунтбэттен и Аверелл Гарриман.

В этот первый вечер, несмотря на усталость, настроение у всех было превосходное. Единственный спор за обедом был связан с вопросом о тайне, или, вернее, недостатке ее, — окружавшей конференцию в Касабланке. Присутствовавшие офицеры, в особенности англичане и поддержавший их Черчилль, беспокоились по поводу возможности воздушного налета нацистов, если бы последние убедились, что здесь происходит важное совещание. Англичане считали, что все мы должны немедленно перебраться в Маракеш. Отец возражал против этого так настойчиво и решительно, что его точка зрения восторжествовала. Беда, однако, заключалась в том, что ему

пришлось отстаивать свою точку зрения не только в тот день, но также в последующие в пятницу, в субботу и в воскресенье, так как вопрос о Маракеше то и дело всплывал вновь, о чем бы ни заходила речь.

После обеда отец с Черчиллем уселись на большой удобный диван, поставленный спинкой к высоким окнам, стальные шторы которых были опущены. Остальные расположились полукругом перед ними. Беседа была посвящена политическим вопросам. В течение следующих двух-трех часов генералы и адмиралы один за другим прощались и уходили. Наконец, к полуночи остались только отец, Черчилль, Гопкинс, Гарриман и я. Беседа носила непринужденный характер. Ее главными темами были Сталин и положение на французской политической арене. (Меньше чем за три недели до этого разговора был убит Дарлан.)

По первому пункту прежде всего возник вопрос, приедет ли Сталин. Ответ гласил — нет. По словам отца, Сталин отказался приехать по двум причинам: во-первых, потому, что он непосредственно руководил военными операциями Красной Армии (а все мы в это время были взволнованы чрезвычайно важными сообщениями, поступавшими с Восточного фронта), и, во-вторых, потому, что все мы знали, что сказал бы он, прибыв на конференцию такого рода: Западный фронт.

— Во всяком случае, — сказал Черчилль, — мы можем приступить к делу и без него. Мы будем поддерживать с ним постоянную связь и можем представить на его одобрение все свои планы. Ведь Гарриман здесь.

Со своей стороны, Гарриман (являвшийся в то время руководителем нашего управления по ленд-лизу) заявил, что, если не считать, конечно, вторжения всеми нашими силами в Европу, наибольшую помощь Советам могут оказать поставки по ленд-лизу при условии, что они будут выполнены в срок. Отец был обеспокоен ходом выполнения наших производственных планов. Наша промышленность отставала от намеченного уровня, и это должно было отразиться не только на Восточном фронте, но и на выполнении наших обязательств перед Англией и перед собственными армией и флотом США.

В тот вечер ни у кого не было особого желания сразу погрузиться в дела. Всем хотелось посидеть развалившись, зевая и потягиваясь, выпить и отдохнуть. Это был первый вечер за много месяцев, когда отец мог отвлечься от срочных военных дел. То же могли бы сказать о себе и многие другие из присутствовавших. Я взял на себя обязанности виночерпия. Отец и Гарри перевели разговор на вторую тему и стали расспрашивать премьер-министра о де Голле. — Де Голль, — вздохнул Черчилль,

многозначительно подняв брови.

— Пусть ваш «трудный ребенок» приедет сюда, — сказал отец. С этих пор эта кличка укрепилась за де Голлем; в течение всей конференции его называли «трудным ребенком» премьер-министра. «Трудным ребенком» отца был Жиро.

Политический узел, завязавшийся в результате нашего вторжения в Северную Африку, мягко выражаясь, никого не радовал. Как бы ни трактовать создавшуюся сложную ситуацию, нельзя забывать, что наши политические маневры спасли жизнь многим американским солдатам. Это имело огромное значение и с военной и с патриотической точки зрения. С другой стороны, теперь ясно (отец понимал это и тогда), что тут была допущена ошибка и притом серьезная. В первый вечер подход отца к вопросу определялся, по-видимому, двумя соображениями. Во-первых, он стремился найти наилучший и самый быстрый выход из невозможно запутанного положения. Во-вторых, отец понимал, что государственный департамент уже связал себя определенной политикой, и, учитывая предстоящие дипломатические переговоры, нужно было сделать все возможное для спасения его престижа. Плохо, когда совершается ошибка; но отнюдь не лучше делать вид, будто никакой ошибки не произошло. Этой общеизвестной истиной и определялся подход отца к данному вопросу. Однако, когда ошибку совершают ваши подчиненные, которым в ближайшие годы придется изо дня в день вести сложные переговоры с вашими союзниками, являющимися одновременно вашими конкурентами, вы поможете только этим последним, если оставите подчиненных в затруднительном положении. Такова вторая, в равной мере общеизвестная истина, тоже определившая подход отца к вопросу, и здесь возникало противоречие.

Во всяком случае, в вечер первой встречи было совершенно очевидно, что отцу просто интересно услышать, что скажет Черчилль, и таким образом попытаться угадать, что он на самом деле думает.

— Де Голль зазнался, — сказал премьер-министр, — и отказывается приехать сюда. Категорически! — Казалось, что Черчиллю почему-то доставляет удовольствие рассказывать о своих затруднениях.

— Не могу заставить его выехать из Лондона, — продолжал премьер-министр бодрым тоном. — Он в бешенстве от тех методов, которые мы применили, чтобы взять под свой контроль Марокко, Алжир и Французскую Западную Африку. Он воображает себя Жанной д'Арк. А теперь, когда «Айк»[3] отдал здесь власть Жиро, конечно… — Черчилль горестно покачал

головой.

Сперва мягко, потом тверже и, наконец, очень настойчиво отец потребовал, чтобы де Голль был вызван в Касабланку, потому что нельзя предоставить формирование временного правительства одному человеку, будь то де Голль или Жиро, и потому что для создания организации, которая будет управлять Францией до ее полного освобождения, потребуется сотрудничество обоих этих французских деятелей.

В этот вечер у меня создалось впечатление, что в какой-то особенно тяжелый момент в прошлом Черчилль и Антони Иден либо дали де Голлю прямое обещание, либо не возражали против его требования, чтобы решающее слово в деле возрождения Франции принадлежало ему. На протяжении всего разговора премьер-министр держался очень осторожно.

— Мой «трудный ребенок», — сказал он, — рассматривает официальное признание Жиро здесь как недружественный акт по отношению к его движению Свободной Франции. — Голос Черчилля звучал торжественно. Мне снова показалось, что на самом деле его мало волновали выходки его «трудного ребенка». — Он хотел бы, — продолжал Черчилль, — чтобы ему одному было предоставлено решать, кто должен войти в состав какого бы то ни было временного правительства. Но, конечно, это не годится.

Отец предложил, чтобы Англия и Соединенные Штаты сделали де Голлю энергичное представление, указав ему, что он тотчас же лишится всякой поддержки, если не перестанет капризничать и не прибудет немедленно на конференцию. Черчилль кивнул головой.

— Я считаю, что это будет самым лучшим решением, — сказал он. — Но, конечно, в данный момент я не могу поручиться за то, как он поступит.

Далеко за полночь премьер-министр попрощался и ушел. Отец устал, но был еще полон впечатлений от своей поездки, возбужден, обрадован встречей со мной, и ему хотелось поговорить. Он улегся в постель, и потом мы с ним за разговором выкурили еще по две-три папиросы. Я был рад новой встрече с ним и, кроме того, я хотел, чтобы он разрешил некоторые недоумения, возникшие у меня в тот вечер.

— Может быть мне это только кажется, — начал я, — но я сомневаюсь в том, что премьер-министра действительно беспокоит недовольство де Голля.

Отец рассмеялся.

— Не знаю, но надеюсь выяснить это в ближайшие дни. Однако я сильно подозреваю, — на этих словах он сделал особое

ударение, — что наш друг де Голль не прибыл до сих пор в Африку только потому, что наш друг Уинстон пока еще не счел нужным пригласить его сюда. Я более чем уверен, что в данный момент де Голль сделает решительно все, о чем его попросят премьер-министр и английское министерство иностранных дел.

— Почему?

— Совпадение интересов. Англичане намерены не выпускать свои колонии из рук и хотят помочь французам удержать их колонии. Уинни — великий поборник «статус-кво». Ведь он и сам похож на «статус-кво», не правда ли?

Я уловил в этих словах нотки, памятные мне еще по старому спору в Арджентии, только, быть может, они звучали теперь отчетливее. Отец улыбался каким-то своим мыслям.

— В чем дело, папа?

— Я вспомнил о Маунтбэттене, — ответил он. — Знаешь, зачем Уинстон привез сюда Маунтбэттена? Чтобы вдалбливать мне, как важно направить десантные суда в Юго-Восточную Азию.

Я удивленно и недоверчиво взглянул на отца.

— Конечно, — продолжал он, — Бирма! Англичане хотят отвоевать Бирму. Они впервые проявляют подлинный интерес к войне на Тихом океане. Почему? Из-за своей колониальной империи!

— Но какое отношение имеет к этому Маунтбэттен?

— Он — их кандидат на пост союзного верховного главнокомандующего на совершенно новом театре военных действий — в Юго-Восточной Азии.

— А как же с Европой? — спросил я. — Как со вторжением через Ла-Манш? И как обстоит дело с «уязвимым подбрюшьем Европы»?[4]

— Не беспокойся. Маунтбэттен говорит очень убедительно, но я сильно сомневаюсь в том, чтобы ему удалось убедить Эрни Кинга. У этого попробуй-ка, отними какие-нибудь десантные суда на Тихом океане! Или попробуй снять какие-нибудь десантные суда с атлантического театра!

История с Бирмой все же беспокоила меня, хотя отец и был уверен в том, что она не имеет никакого значения.

— Все это часть вопроса об английских колониях, — продолжал отец. Положение в Бирме отражается и на Индии, и на Французском Индо-Китае, и на Индонезии — все они связаны между собой. Если кто-нибудь из них добьется свободы, в остальных начнется брожение. Вот почему Уинстон так упорно стремится сохранить за де Голлем его положение. Де Голль не менее Черчилля заинтересован в сохранении колониальных империй.

Я спросил отца, какова роль Жиро во всем этом деле.

— Жиро? О нем я получил очень хорошие отзывы от работников нашего государственного департамента, и Мэрфи…

— Мэрфи?

— Роберт Мэрфи…, который вел все наши переговоры с французами в Северной Африке еще до вторжения.

— А, помню…

— Он сообщил нам, что Жиро — это как раз такой человек, которого можно использовать в качестве противовеса де Голлю.

— В качестве противовеса де Голлю? А я и не предполагал, что де Голлю нужен какой-то противовес. Все сообщения, которые мы получаем… знаешь, из газет и т. д., говорят о его большой популярности и во Франции и вне ее.

— Эта версия выгодна тем, кто ставит на де Голля.

— Ты хочешь сказать — Черчиллю и англичанам вообще?

Отец кивнул головой.

— Эллиот, — сказал он, — де Голль стремится создать во Франции автократическое правительство. Никто не внушает мне большего недоверия, чем он. Все организации движения Свободной Франции кишат полицейскими агентами де Голля, которые шпионят за его же людьми. Для него свобода слова — это свобода от критики… по его адресу. А если так, то какие у нас основания питать полное доверие к силам, поддерживающим де Голля?

Это вернуло мои мысли к словам отца о Бирме. Конечно, с точки зрения Черчилля, подобная авантюра была вполне уместной. Такой удачный, эффектный ход, как возврат Сингапура, произвел бы огромное впечатление на все колониальные народы Азии и Ближнего Востока и укрепил бы престиж Англии.

Но сколько войск, материалов, десантных судов потребовалось бы для такой операции! А длина коммуникаций! И как раз в тот момент, когда все ресурсы должны быть мобилизованы для сокрушительного удара по Гитлеру!

Отец зевнул, и я встал, собираясь уйти, но он остановил меня движением руки.

— Не уходи, — сказал он. — Еще не поздно, и мне хочется поговорить.

Он продолжал говорить о де Голле, о том, что тот весь принадлежит англичанам — душой, телом и даже штанами, что англичане снабжают его деньгами, техникой и оказывают ему моральную поддержку, в которой он нуждается, чтобы создать в Лондоне правительство Свободной Франции и начать подпольную деятельность во Франции. И снова отец как бы излагал свои мысли вслух, чтобы проверить их, привести в систему,

упорядочить, готовясь к переговорам, которые должны были начаться завтра и продолжаться десять дней.

Он обратился к проблеме колоний и колониальных рынков, которая, по его мнению, представляла собой ключ к разрешению всех проблем будущего мира.

— Дело в том, — сказал он задумчиво, заменяя окурок в мундштуке новой папиросой, — что колониальная система ведет к войне. Эксплуатировать ресурсы Индии, Бирмы, Явы, выкачивать из этих стран все их богатства и не давать им ничего взамен — ни просвещения, ни приличного жизненного уровня, ни минимальных средств здравоохранения, — это значит накапливать горючий материал, способный вызвать пожар войны, и заранее обесценить всякие организационные формы обеспечения мира еще до того, как он наступит.

— Обрати внимание на выражение лица Черчилля, когда ты упоминаешь об Индии!

— Индия должна немедленно стать доминионом. Через несколько лет — пять или десять, она должна будет сама решить, остаться ли ей частью империи или стать совершенно независимой. Как доминион она была бы вправе иметь правительство современного типа, удовлетворительную систему просвещения и здравоохранения. Но как может она создать все это, если Англия год за годом отнимает у нее все народное богатство? Каждый год индийский народ видит в перспективе только смерть, налоги и совершенно неизбежный голод. Ведь индусы так и называют одно из времен года — сезон голода.

Отец задумался.

— Я должен рассказать Черчиллю, что я видел сегодня в его Британской Гамбии, — сказал он решительно.

— В Батерсте? — подсказал я.

— Сегодня около половины девятого утра, — продолжал отец, и в голосе его слышалось неподдельное волнение, — мы проезжали через Батерст на аэродром. Туземцы как раз шли на работу. В лохмотьях, угрюмые… Нам сказали, что к полудню, когда солнце прогонит росу и холод, они повеселеют. Мне сообщили, что они зарабатывают в среднем один шиллинг и девять пенсов. Это меньше пятидесяти центов.

— В час? — спросил я необдуманно.

— В день! Пятьдесят центов в день! Кроме того, они получают полчашки риса. — Отец беспокойно заворочался на своей большой кровати. — Грязь. Болезни. Огромная смертность. Я спросил, какая здесь средняя продолжительность жизни. Ты не поверишь. Двадцать шесть лет! С этими людьми обращаются хуже, чем со скотом. Их скот живет дольше!

Он помолчал.

— Может быть, в прошлый раз Черчилль не понял, что я говорил серьезно. На этот раз он меня поймет. — Отец задумчиво посмотрел на меня. — А как обстоит дело там, где ты находишься, в Алжире? — спросил он.

Я сказал ему, что и там положение не лучше. Богатая страна, богатые ресурсы — и отчаянная нищета туземцев; очень хорошо живется только немногим белым колонистам и нескольким туземным князькам. Удел всех остальных нищета, болезни, невежество. Отец кивнул головой.

Затем он заговорил о том, что, по его мнению, нужно сделать: Францию нужно восстановить как мировую державу и отдать ей под опеку ее бывшие колонии. Как опекун она должна будет ежегодно отчитываться в своем руководстве, в том, как повышается уровень грамотности, как падает смертность, как идет борьба с болезнями, как…

— Погоди, — прервал я его. — Перед кем же она будет отчитываться?

— Перед организацией Объединенных наций, когда она будет создана, ответил отец. Тогда-то я впервые услышал об этом плане.

— А как же иначе? — сказал отец. — «Большая четверка» — мы, Англия, Китай, Советский Союз — будет нести ответственность за мир во всем мире, когда…

— «Если»… — поправил я. — Если… Я сказал это отчасти в шутку, отчасти всерьез, из суеверия.

— Нет, «когда», — твердо сказал отец. — Когда мы выиграем войну, четыре великие державы будут нести ответственность за мир. Пора нам уже подумать о будущем и начать готовиться к нему. Возьми, например, Францию. Франция должна будет занять подобающее ей место в этой организации. Великие державы должны будут взять на себя обязанность нести просвещение всем отсталым, угнетенным колониям в мире, поднять их жизненный уровень, улучшить санитарные условия их существования. И когда они достигнут зрелости, мы должны предоставить им возможность стать независимыми, после того как Объединенные нации в целом решат, что они к этому готовы. Если мы этого не сделаем, мы можем с полным основанием считать, что нам предстоит еще одна война.

«Слишком поздний час для таких гнетущих мыслей», — подумал я.

— Половина четвертого, папа.

— Да, теперь я чувствую, что устал. Поди и ты спать, Эллиот.

Пятница, 15 января

Спустившись из своей комнаты к завтраку, я обнаружил, что уже проспал кое-какие свои обязанности. Было еще только десять часов, но несколько человек, которых я должен был встретить и проводить к отцу, уже засели с ним за работу в его комнате. Наспех проглотив кофе, я заглянул туда. Там были Маршалл, Кинг, Арнольд, Гопкинс и Гарриман; затем к ним присоединился секретарь американских начальников штабов генерал Дин. Прислушавшись к разговору, я понял, что они обсуждают повестку совещаний Объединенного совета начальников штабов на несколько дней вперед. Меня всегда удивляло, зачем люди тратят столько часов, чтобы решить, что им предстоит обсуждать. В данном случае они просидели за этим делом далеко за полдень.

Стояла великолепная погода. Достаточно было выйти в сад и взглянуть на цветущие олеандры, чтобы понять, что завтракать нужно на воздухе. Мы завтракали вшестером — Гопкинс, Гарриман, Черчилль со своим адъютантом коммодором Томпсоном, отец и я. За столом беседовали о том, что сегодня ожидается прибытие Айка Эйзенхауэра, Роберта Мэрфи, который в свое время провел комбинацию с Дарланом, и других. Черчилль попросил у отца разрешения представить ему командующего вооруженными силами на Ближнем Востоке генерала сэра Гарольда Александера в случае, если тот прибудет. Мы с удовольствием поели и побеседовали, причем никто не затрагивал проблем, которые предстояло разрешить.

До сих пор наше наступление в Северной Африке развивалось хорошо, но не слишком. Мы готовились прижать все силы Роммеля к морю, но военная сторона этой операции еще вызывала сомнение. Было решено, что на сегодняшнем совещании будет сделан обзор военных операций, необходимый для того, чтобы определить направление очередного удара. Неразрешенным оставался еще вопрос о вторжении через Ла-Манш, то есть об открытии второго фронта в 1943 г.; эта операция носила условное наименование «Раундап». Как и всегда, во всех переговорах, американцы торопили, а англичане не поддавались.

После завтрака Черчилль, его адъютант и Гарриман ушли; вскоре прибыл генерал Эйзенхауэр. За последнее время я встречался с ним один или два раза и знал, что он был болен; но сегодня он выглядел лучше. До прихода к нам он позавтракал с Маршаллом и Кингом и, придя, сразу приступил к докладу о ходе войны в Африке. Отец слушал его с интересом. Эйзенхауэр рассказывал о трудностях снабжения при наличии лишь одной

одноколейной (и притом не слишком современной) железной дороги, идущей вдоль побережья. Шоссейные дороги также мало облегчали положение.

— Какие-нибудь осложнения со стороны нацистских агентов? Не ощущается ли угроза со стороны Испанского Марокко? — спросил отец.

— Мы следим за ними, сэр. Они еще ничего не пытались сделать и, как мне кажется, вряд ли будут пытаться.

— Вас, вероятно, беспокоит немало политических проблем, — заметил отец. Генерал только улыбнулся в ответ. Хоть он этого и не сказал, но у него на лице было написано: «У меня от них болит голова». Далее он рассказал о сопротивлении, с которым нашим войскам приходилось сталкиваться на участках Гафзы и Тебессы. В те дни мы еще только начинали учиться воевать, а противник сопротивлялся ожесточенно.

— Трудно приходится, насколько я понимаю, — сказал отец, выслушав Эйзенхауэра.

— Да, сэр. Тяжелая работа.

— Так как же будет? Каковы ваши расчеты?

— Простите, я не понимаю.

— Сколько времени вам нужно, чтобы покончить с этим делом?

— Разрешите мне одно «если», сэр.

Отец рассмеялся.

— Если погода будет мало-мальски сносной, к концу весны мы их всех загоним в мешок или сбросим в море.

— Что означает «конец весны» — июнь?

— Возможно, еще к середине мая. Июнь — это крайний срок.

Такие темпы показались мне необычайно быстрыми. Отец, видимо, тоже был доволен.

Часов в пять зашел на несколько минут вкрадчивый, учтивый Мэрфи. Эйзенхауэр и отец обсуждали с ним только один вопрос — политику в отношении Франции. Мэрфи стремился убедить отца в достоинствах Жиро, в том, что он очень способный администратор и вообще идеальная для американцев кандидатура. Несколько минут я присутствовал при разговоре, а потом отец кивком головы разрешил мне удалиться, и я ушел.

Объединенный совет начальников штабов должен был представить премьер-министру и отцу доклад о результатах своих совещаний, состоявшихся после завтрака; поэтому я направился к парадной двери, чтобы встретить членов Совета. Черчилль явился на несколько минут раньше назначенного срока, ведя за собой трех английских офицеров; он хотел представить их отцу до совещания, назначенного на 5.30. Я провел их к отцу. Это были

генерал Александер, главный маршал авиации сэр Артур Теддер и генерал сэр Гастингс Исмэй из министерства обороны. Теперь, точно так же, как и в Арджентии, на каждого из наших штабных офицеров приходилось чуть ли не по два английских советника.

Генерал Александер прилетел прямо из своего штаба в Западной пустыне,[5] где он руководил операциями по преследованию Африканского корпуса Роммеля. У англичан он был, пожалуй, самым одаренным из командующих. Одетый в полевую форму, небритый, загорелый и усталый, он выглядел как суровый целеустремленный воин. Кратко, но содержательно он рассказал об ударах английского молота, которые гнали гитлеровцев к американской наковальне, поджидавшей их в центральной части Северной Африки.

Воспользовавшись моментом, когда внимание отца было чем-то отвлечено, я шепнул ему на ухо:

— Папа, насколько я понимаю, на этих штабных совещаниях на каждого английского офицера должен приходиться соответствующий американский офицер?

— Да.

— Они привезли Теддера. Почему же здесь нет Спаатса?

— А ведь верно — почему? Пойди разыщи Хэпа Арнольда и попроси его возможно скорей вызвать сюда Спаатса, если только он может отлучиться с фронта.

Мой начальник «Туи» Спаатс прилетел спустя день или два и участвовал в последующих штабных совещаниях. Чтобы дать представление о том, как были организованы эти совещания, достаточно сказать, что среди участников совещания Объединенного совета начальников штабов, вызванных в тот день для доклада Черчиллю и отцу, было девять англичан и только пять американцев. Возможно, конечно, что наши начальники говорили вдвое больше. Не знаю — я не присутствовал на этом совещании.

После полуторачасовой беседы с Объединенным советом начальников штабов отцу пришлось заниматься делами еще полчаса, так как к нему пришли Аверелл Гарриман и английский министр транспорта военного времени лорд Лезерс. Это был один из тех визитов, на которые по плану отводилось «всего пять минут»; фактически он растянулся на тридцать пять.

Наконец, отец получил возможность выпить «старомодный» коктейль, который я ему приготовил.

— Как раз то, что мне нужно, — заметил он, удобно располагаясь на диване.

— Все идет хорошо?

— Как будто, как будто, — сказал он, улыбаясь какому-то

воспоминанию.

— Что такое?

— На сегодняшнем совещании англичане подняли вопрос о Бирме.

Отец не спеша прихлебывал свой коктейль.

— Знаешь, Эллиот, нам и так не легко убеждать адмирала Кинга в необходимости перебросить какое-то количество тоннажа и десантных судов на атлантические театры — основные театры войны. Так вот, представь себе, как он отнесся к разговорам о Бирме. Он блестящий поборник интересов флота. «Войны выигрывает только флот. Поэтому планы флота — это лучшие планы; единственный морской театр — это тихоокеанский театр, и поэтому он должен быть главным театром». — Отец рассмеялся. — Он рассуждает не совсем так, но очень похоже.

— Папа, — сказал я.

— Да?

— У меня есть сюрприз для тебя. Он прибыл сегодня.

В комнату вошел мой брат Франклин. Произошла радостная встреча. Франклин служил офицером на эсминце «Мэйрант», участвовавшем в штурме Касабланки. Ему очень хотелось рассказать об этом, а нам было интересно послушать его. Вместе с нами рассказ Франклина слушали Маршалл и Эйзенхауэр, которые через несколько минут пришли к нам на обед. Разговоры о боях, об участии во вторжении и в последующих боевых действиях — тут мне тоже удалось вставить словечко — вызвали у отца чувство зависти, и он вспомнил, что во время прошлой войны он тоже побывал на фронте в качестве заместителя морского министра.

— Я и теперь поеду на фронт.

Маршалл и Эйзенхауэр переглянулись и продолжали есть.

— Ну, — настаивал отец, — что же вы молчите?

— Может быть, молчание — знак согласия? — вмешался мой брат.

Маршалл бросил на него свирепый взгляд, и Франклин скромно поджал губы.

— Это невозможно, сэр, — сказал генерал Эйзенхауэр.

— Совершенно исключено, — подтвердил генерал Маршалл.

— Почему? Вряд ли опасность так уж велика. Разве вам пришлось претерпеть много неприятностей, когда вы летели сюда? Что вы скажете, Айк? Разве кто-нибудь на вас нападал между Алжиром и Касабланкой?

— Последние две сотни миль мы летели, надев парашюты, только на одном моторе, да и тот грозил остановиться каждую минуту. Никто из нас не был в большом восторге от этого полета.

— Это вопрос техники. Но ведь вы не хотите пускать меня на фронт по военным соображениям. Разве это опасно? Скажи ты, Эллиот.

Теперь выворачиваться приходилось мне, и Маршалл и Эйзенхауэр уставились на меня. Я изобразил знаками, что у меня полон рот, и промычал: «не могу говорить».

— Трус, — сказал отец и терпеливо дождался, пока я не сделал вид, что проглотил то, что у меня было во рту. — Ну, что же ты скажешь?

— Транспортные самолеты на самом деле довольно часто подвергаются нападениям на пути из Орана и Алжира в Тунис. Честное слово.

— А если взять с собой истребители для прикрытия?

— Сэр, — заметил Эйзенхауэр, — прикрытие из истребителей вокруг самолета «С-54», в особенности после всех догадок, которые строит германское радио, — да ведь вражеские истребители сейчас же слетятся, как мухи на мед.

— Приказ есть приказ, сэр, — сказал Маршалл. — Но если вы отдадите такой приказ, ни один человек в американской армии, начиная с нас самих, не возьмет на себя ответственности за последствия.

Он говорил очень серьезно, и отец вынужден был согласиться с ним, хотя и был сильно разочарован. Они пришли к компромиссу, договорившись, что отец произведет смотр трем дивизиям войск генерала Паттона севернее Рабата.

На послеобеденные часы не было назначено никаких совещаний. Спустя некоторое время оба генерала ушли, а мы с Франклином остались поболтать с отцом о домашних делах, о наших близких, о маме… на темы, о которых говорят с отцом сыновья, приехавшие в короткий отпуск. Отец привез с собой кипу нью-йоркских и вашингтонских газет. Мы немедленно погрузились в них, и в числе прочих новостей узнали, что член конгресса Ламбертсон заявил в палате представителей, что в то время, как «американские юноши сражаются и умирают вдали от своей родины», сыновья Рузвельта пьянствуют в нью-йоркских ночных клубах. Как раз в то время мой старший брат Джимми в составе ударного отряда генерала Карлсона сражался где-то на Тихом океане, а Джон проходил курс обучения, готовясь стать ревизором военного корабля. Что поделаешь, — ведь в газетах бывают и странички юмора.

Отец лег спать довольно рано — еще не было двенадцати часов: ему действительно нужно было выспаться.

Суббота, 16 января

Премьер-министр явился в десятом часу утра — для него это необычайно рано, — и всю первую половину дня он и отец совещались с Эйзенхауэром, Мэрфи и английским министром при штабе союзников сэром Гарольдом Макмилланом. Речь снова шла о французских политических делах. Мы с Франклином в последний раз виделись в Арджентии, в августе 1941 г. Более того, с тех пор я не видел ни одного из своих братьев. Поэтому мы заглянули к отцу лишь ненадолго; оказалось, что темой разговора снова были де Голль и Жиро. К тому времени Черчилль и отец нашли замену для выражений «ваш трудный ребенок» и «мой трудный ребенок»: они стали сокращенно называть их «Д» и «Ж». — Где «Д»? Почему его нет здесь? — Основная политическая задача все еще заключалась в том, чтобы попытаться найти какое-нибудь практически осуществимое решение французской политической головоломки. Вчера вечером я прочел достаточное количество американских газет, чтобы осознать, какую важную дипломатическую проблему приходится разрешать здесь. Я впервые понял, какой резкой критике подвергался Мэрфи. Судя по тем обрывкам разговора, какие мне удалось услышать, эта критика, по крайней мере отчасти, была обоснованной; главное стремление Мэрфи, по-видимому, заключалось в том, чтобы обеспечить ведущую роль во всяком будущем французском правительстве тем людям, которые в критические предвоенные годы состояли в числе главных «умиротворителей».

Мы снова завтракали в саду — отец, Гарри Гопкинс, Франклин, я и Джордж Дерно, служивший капитаном в Воздушном транспортном корпусе. До войны Джордж был несколько лет корреспондентом агентства Интернейшенел ньюс сервис при Белом Доме, и они с отцом были старыми друзьями. Отец снова имел возможность немного отдохнуть. Несмотря на напряженную работу, перемена обстановки пошла ему на пользу, у него был здоровый вид, щеки его порозовели.

За кофе он вернулся к вопросу о развитии колониальных стран: эта тема все больше привлекала его. Если учесть, что до этого он никогда не бывал в Африке, познания, которые он здесь приобрел в области ее географии, геологии и сельского хозяйства, поразительно широки. Я, конечно, считал, что знаю эту страну довольно хорошо; мне пришлось много летать над ней еще несколько месяцев назад, когда я занимался аэрофотосъемкой. Но отец каким-то образом сумел узнать о ней гораздо больше.

* * *

Мы разговаривали об огромных солончаковых равнинах Южного Туниса, которые, должно быть, некогда представляли собой дно большого внутреннего моря. Отец напомнил нам о реках, начинающихся дальше к югу, в горах Атласа, и исчезающих под песками Сахары, превращаясь в подземные.

— А что если использовать эту воду для орошения? Ведь тогда, по сравнению с этими местами, долина Империал в Калифорнии будет выглядеть, как огородная грядка! А солончаки — они ведь расположены ниже уровня Средиземного моря; можно прорыть канал к нему и снова создать здесь озеро в сто пятьдесят миль длиной и шестьдесят миль шириной. Сахара на сотни миль превратилась бы в цветущий край!

Отец был прав. Сахара — это не просто пески, В ней кроются поразительно богатые возможности. После каждого дождя она на несколько дней буйно расцветает, но потом цветы погибают от палящих лучей солнца и отсутствия влаги. Мы с Франклином перемигнулись: отец наслаждался. В беседе на тему о том, во что могла бы превратиться эта страна при разумном планировании, он дал полную волю своему деятельному уму и быстрому воображению.

— Какие богатства! — восклицал он. — Империалисты не понимают, что они могут сделать, как много они могут создать! Они выкачали из этого континента миллиарды, но по своей близорукости они не понимали, что их миллиарды — это медные гроши по сравнению с возможностями, которые открывались перед ними, — возможностями, которые должны обеспечить лучшую жизнь населению этого континента…

Американские начальники штабов снова явились днем, чтобы информировать отца о планах, которые они обсуждали с соответственными английскими представителями. Выяснилось, что имеются разногласия: английские начальники штабов вместе с Черчиллем выработали повестку дня, значительно отличавшуюся от повестки, составленной американцами и исправленной отцом и Гарри Гопкинсом два дня назад. Вместо того чтобы говорить о сильных ударах на флангах Европы, англичане сводили дело к мелким операциям на Средиземном море. Здесь я впервые услышал о Сицилии и о других промежуточных этапах на пути к победе, в том числе о Додеканезских островах как о пути в Грецию, и о наступлении через горы Балканского полуострова.

Воскресенье, 17 января

Ровно в полдень явились первые посетители — генеральный резидент в Рабате генерал Шарль Ногес, генерал Паттон и генерал Уилбур. Уилбур состоял при штабе Паттона; он должен был выступать в роли переводчика, но в этом не было надобности: отец свободно владеет французским языком и беседовал с Ногесом без посторонней помощи.

Хотя генералы Ногес и Паттон всего несколько недель назад ожесточенно сражались между собой на побережье Французского Марокко, теперь они встретились исключительно дружелюбно. Дело не только в том, что оба они профессиональные солдаты и считали себя врагами только на поле боя. По существу и тот и другой имели самое отдаленное отношение к политике. Они только выполняли приказы свыше; к счастью для нас, Паттон делал это гораздо удачнее, чем Ногес. Ногесу было приказано сопротивляться, и он сопротивлялся; затем поступил приказ прекратить сопротивление, и он его прекратил. А теперь у него новый хозяин.

Его визит к отцу был прежде всего актом вежливости. Однако это было связано и с другими обстоятельствами. Черчилль утверждал, что Ногес представляет собой главное препятствие к приезду де Голля в Касабланку. Ногес, воспитанник французской военной академии Сен-Сир, кадровый военный и колониальный администратор, хотел одного — чтобы ему давали ясные, толковые распоряжения и затем оставляли его в покое. В данный момент, однако, вокруг него разгорелся жаркий спор. Как сообщил нам Черчилль, де Голль настаивал на том, чтобы его соотечественник и коллега Ногес был немедленно арестован и предан суду за сотрудничество с врагом. Но здесь, во Французском Марокко, генерал Паттон, только недавно еще ожесточенно сражавшийся с Ногесом, настаивал на том, чтобы последний оставался на своем нынешнем посту. Впоследствии Паттон представил доклад, проникнутый сильным пристрастием к Ногесу; он утверждал, что влияние Ногеса на марокканского султана и на местное население может очень пригодиться нашей армии, пока мы используем эту страну как плацдарм.

Когда отец стал расспрашивать Ногеса о населении Марокко, о том, как можно улучшить его жизнь, на лице генерала выразилось полное недоумение. Он никогда не задумывался над такими вопросами; никто никогда и не ставил их перед ним. Но он знал с точностью до одного пенни, какие богатства можно выкачать из этой страны; он мог высчитать до последнего су, насколько безжалостно можно эксплуатировать марокканцев. Паттон рассказывал нам, что султан уже много лет находится под каблуком Ногеса, и Ногес хочет лишь одного — чтобы так оно и

оставалось.

Отец побеседовал с этим человеком, являвшимся камнем преткновения для де Голля, и генералы ушли.

— Эллиот, — сказал отец, — запиши у себя, что надо будет как-нибудь пригласить этого султана на обед. Узнай у Мэрфи или еще у кого-нибудь, какие правила этикета существуют на этот счет. А Ногес… с ним нечего считаться.

От отца Ногес, Паттон и Уилбур отправились к Черчиллю; после беседы с ними премьер-министр пришел завтракать к нам на виллу Дар-эс-Саада. Он рассказал, что побывал утром в порту и, осмотрел разбитый корпус линкора «Жан Барт».

— Вы осматривали «Жан Барт»? — сердито сказал отец. — Черт возьми, если вы могли осматривать его, ведь я тоже могу!

Мы разразились хохотом. В эту минуту отец похож был на шестилетнего мальчика, который говорит: «Как, тебе дали мороженого — я тоже хочу!»

Черчилль вновь выслушал настойчивые требования отца по поводу де Голля и ушел. Отец с каждым днем все больше убеждался в том, что Черчилль умышленно придерживает де Голля и что на самом деле он мог бы доставить сюда своего «трудного ребенка» в любую минуту. В этот момент явился генерал Марк Кларк с новостями. Он привез в Касабланку «трудного ребенка» американцев — Жиро. Теперь отец мог познакомиться с человеком, которого Мэрфи и государственный департамент расхваливали ему, как подходящего кандидата, которого мы должны поддерживать, чтобы предотвратить угрозу создания автократической власти в лице де Голля, являющегося креатурой англичан. Отец с большим нетерпением ждал встречи с тем, кому было доверено командование французскими войсками в Северной Африке.

Кларк пробыл у нас недолго, удостоверился в том, что отец готов принять Жиро, и отправился за ним. Вероятно, все обитатели виллы были взволнованы. Все мы надеялись, что дипломатическим маневрам, которые отец терпеливо проводил в своих переговорах с Черчиллем в последние несколько дней, приходит конец. Теперь отцу предстояло сделать важный ход в этой сложной и трудной игре.

Кларк вернулся с Жиро, пришли также Мэрфи и капитан Маккри, и начался решающий разговор.

Встреча с Жиро сильно разочаровала отца. Для Жиро не существовало никаких политических проб лем. Он был способен видеть только чисто материальные проблемы войны. Он сидел в своем кресле прямо, точно аршин проглотил. Даже пребывание в тюрьме не оставило на нем заметного следа — только старость

несколько смягчила его облик. Когда он освоился с обстановкой, в его голосе зазвучали настойчивые нотки.

— Дайте нам только оружие! — восклицал он. — Дайте нам орудия, танки, самолеты. Больше нам ничего не нужно.

Отец дружеским тоном, но твердо вел допрос.

— Откуда вы достанете войска?

— Мы можем навербовать десятки тысяч колониальных солдат.

— А кто будет их обучать?

— Под моим командованием много офицеров. Это не проблема. Только дайте нам оружие. Остальное…

Остальное, однако, представляло собой проблемы, не доступные его пониманию. Черчилль утверждал, что одной из главных причин раздражения де Голля, во всяком случае одной из причин, которые фигурировали официально, была задержка отмены антисемитских законов, изданных вишийским режимом. Но Жиро отмахнулся от этих вопросов. Он был одержим одной идеей.

— Единственное, в чем мы нуждаемся, — это техника. Достаточно нескольких недель обучения — и у нас будут огромные армии!

Судя по вопросам, которые задавал отец, Жиро, по его мнению, сильно недооценивал свою задачу. Однако французский генерал был так поглощен своими планами, что вряд ли заметил отрицательное отношение к ним отца. Он был твердо и непоколебимо убежден в своей правоте. Отец все же не поддавался ни на какие уговоры.

Как только Жиро и все остальные ушли, отец выразил свое впечатление мимикой и жестами.

— Боюсь, что у нас очень ненадежная опора, — сказал он, взмахнул руками и рассмеялся. — И это человек, который, по словам Боба Мэрфи, сумеет сплотить вокруг себя французов! Он нуль как администратор и будет нулем как вождь!

На обед к нам были приглашены премьер-министр, лорд Лезерс, адмирал Кэннингхем, адмирал Кинг, генерал Сомервелл и Аверелл Гарриман; это было сделано с таким расчетом, чтобы здесь можно было обсудить и решить важный вопрос о приоритетах в области распределения тоннажа. К этому времени Объединенный совет начальников штабов единодушно похоронил идею операций в Бирме; назревало решение направить следующий удар союзников на Сицилию, чтобы обеспечить коммуникации, ведущие через Средиземное море в Персидский залив и оттуда в Советский Союз. Однако мы по-прежнему испытывали острую нехватку тоннажа; в эту зиму 1942–1943 гг.

битва за Атлантику далеко еще не была выиграна. Сколько судов можно использовать для дальнейшего накопления запасов в Соединенном Королевстве? Сколько судов нужно выделить для доставки оружия Красной Армии? Какой процент тоннажа следует резервировать для переброски войск и материалов из района Средиземного моря в Англию? Можем ли мы твердо исходить из того, что африканская операция будет закончена к маю — июню? Что нужно выделить для Сицилии? По мнению англичан, можно уменьшить количество судов, предназначенных для доставки материалов в Мурманск и Персидский залив; американцы же считают, что для этих важнейших нужд следует выделить максимальные ресурсы.

Совещание по вопросу о тоннаже продолжалось до часа ночи, но я на нем не присутствовал. Мы с Франклином покинули «лагерь Анфа» и провели вечер с группой молодых офицеров в их столовой.

Понедельник, 18 января

Утром Марк Кларк и Мэрфи снова пришли к отцу, чтобы обсудить французские дела. Они провели у него часа два, подробнейшим образом разрабатывая политическую линию США в вопросе о создании временного французского правительства на период до освобождения Франции. Теперь у отца составилось, по крайней мере, четкое представление о трудностях, связанных с этим вопросом. В результате того, что американцы сильно переоценили достоинства Жиро как лидера и проводили двусмысленную политику сотрудничества с вишийской колониальной администрацией, нам теперь было очень трудно сопротивляться созданию автократического правительства Шарля де Голля, поддерживаемого англичанами. Вскоре после ухода Мэрфи и Кларка к нам на завтрак пришел Черчилль. За столом отец и Гарри Гопкинс продолжали вежливо, но метко пикироваться с Черчиллем по поводу того, что де Голль все еще не явился в Касабланку.

Днем отец впервые покинул свою виллу. Усевшись в «виллис», он отправился с генералом Джорджем Паттоном и командиром третьего батальона первого бронетанкового корпуса Паттона, подполковником Джонсоном, на развод караулов пехотной части, охранявшей «лагерь Анфа». Я встретил его по возвращении.

— Ты бы видел военный оркестр! — сказал он, — там был парень, который весит около трехсот фунтов, а играет на флейте

весом в целых четыре унции!

Объединенный совет начальников штабов явился в пять часов и пробыл у отца полтора часа. Семеро англичан и четверо американцев договорились о плане вторжения в Сицилию, носившем условное обозначение «Хаски». Решение о сицилийской операции до некоторой степени вытекало из нашего намерения очистить от противника Северную Африку. Соглашение относительно плана «Хаски» представляло собой компромисс между стремлением американцев осуществить вторжение через Ла-Манш весной 1943 г. и английскими доводами в пользу захвата Сицилии и Додеканезских островов с перспективой вторжения в Европу через Грецию или Балканы. По-видимому, Черчилль рекомендовал обойти Италию и ударить по тому району, который он назвал «уязвимым подбрюшьем Европы». Он всегда полагал, что мы должны рассчитать свое вступление в Европу таким образом, чтобы встретиться с Красной Армией в Центральной Европе и тем самым распространить сферу влияния Англии возможно дальше на восток. Во всяком случае и американцы и англичане рассматривали план «Хаски» как важный шаг вперед. Однако, приняв решение о вторжении союзных армий в Сицилию, чтобы таким образом вывести, как мы надеялись, Италию из войны, мы тем самым признавали, что вторжение через Ла-Манш придется отложить до весны 1944 г.

В этот день отец с Черчиллем решили информировать Сталина об англо-американских стратегических планах. В этот же день они занялись составлением совместного заявления о войне, обращенного к державам оси.

После неофициального обеда мы с Франклином отправились в город. Я думал, что отец рано ляжет спать, и он действительно лег рано, но в 2 часа ночи, когда я вернулся из города, он еще не спал. Посмеиваясь про себя, он читал двадцатипятицентовое издание пьесы Кауфмана и Харта «Человек, пришедший к обеду», а у его кровати лежал прочитанный и брошенный номер журнала «Нью-йоркер».

Он не засыпал, потому что хотел узнать, как мы провели вечер; как всегда, он завидовал нашей относительной свободе и выслушал мой рассказ с величайшим удовольствием. По правде сказать, мы провели вечер скучно: обошли местные рестораны с двумя офицерами в качестве гидов; однако я постарался приукрасить свой рассказ вымышленными подробностями.

Вторник, 19 января

Утром я немало провозился со своим ленивым братом. Ему нужно было вернуться на эсминец, и он чуть не проспал. Гарриман и Мэрфи с самого утра засели с отцом за работу, готовясь ко второй беседе с Жиро. Последний прибыл в полдень; его мысли по-прежнему были целиком поглощены военными деталями его туманного будущего. Отец следующим образом сформулировал политику Соединенных Штатов по отношению к Франции во время войны:

Нужно создать временное правительство, причем Жиро и де Голль должны в равной мере нести ответственность за его состав и успех.

Это временное правительство должно принять на себя управление Францией до ее полного освобождения.

Жиро отнесся к этому предложению без особого энтузиазма, но у него не было никаких контрпредложений, не было особых мнений по каким-либо конкретным вопросам; его интересовало одно — в какой мере Соединенные Штаты снабдят оружием его колониальные войска.

Когда этот безрезультатный разговор стал приближаться к концу, Гарри Гопкинс сделал мне знак.

— Ваш отец хочет купить подарки для своих. Хотите поехать со мной?

— Конечно.

— Мы, вероятно, сможем поехать только после завтрака. Кроме того, мне кажется, что вашему отцу предстоит сфотографироваться вместе с Жиро.

После завтрака за нами заехал генерал Паттон на своей штабной машине, и мы с Гарри отправились с ним в город. Нам удалось найти только ковры и изделия из сафьяна довольно низкого качества. Мы велели прислать несколько ковров к нам на виллу, чтобы отец мог сам посмотреть их и отобрать то, что ему понравится. После этого мы проехали вдоль берега и осмотрели те участки, на которых несколько недель тому назад высадились наши войска.

Вернувшись в Дар-эс-Саада, мы застали там Черчилля и его сына Рандольфа, служившего в то время капитаном в отрядах «командос». Я уже встречался с Рандольфом — мы познакомились в Алжире, в сочельник. Тогда мне очень хотелось поговорить с ним, так как я знал, что он не только офицер «командос», но и член парламента. Однако после больших ожиданий меня постигло глубокое разочарование. Я убедился в том, что для юного Рандольфа Черчилля разговор — это исключительно односторонний акт.

Теперь, когда я застал молодого мистера Черчилля у моего

отца, в присутствии его собственного отца, мне не терпелось удостовериться, будет ли он излагать им свои мнения так же безапелляционно, как он преподносил их мне. Признаться, я ожидал, что он будет несколько стесняться. Однако он с исключительной решимостью произносил поразительно многословные речи на любую тему, затрагивавшуюся в течение тех пятидесяти минут, которые он провел с нами. За это время он растолковал нам все тонкости военного и политического положения на Балканах; указал присутствовавшим государственным деятелям на кратчайший путь к сохранению английской гегемонии на Средиземном море, для чего, правда, пришлось бы затянуть мировую войну на несколько лет; вскрыл недостатки плана кампании, разработанного Объединенным советом начальников штабов по поручению английского премьер-министра и американского президента, и устранил сомнения премьер-министра и президента по щекотливому вопросу о политике в отношении Франции. Эта замечательная сцена приковала к себе внимание слушателей не только потому, что они очень устали после пяти дней работы она их немало позабавила. (Быть может, мне не следовало бы распространять свое утверждение на отца Рандольфа, но я совершенно точно изложил впечатление, которое эта сцена произвела на меня и на моего отца; последний удерживался от смеха лишь до того момента, как юный Рандольф распростился с нами.)

После ухода гостей нам с отцом удалось провести наедине всего несколько минут; тут же пришла машина генерала Паттона, чтобы отвезти нас на обед в его штаб, расквартированный в вилле Мае. Там за обеденным столом собрались контр-адмирал Кук, заместитель генерала Паттона генерал-майор Джоффри Кейс, бригадный генерал Ведемейер, бригадный генерал Уилбур, бригадный генерал Джон Хэлл и полковник Гэй. Большинство этих офицеров принадлежало к командному составу первого бронетанкового корпуса; все они, по-видимому, дожидались случая доказать президенту Соединенных Штатов, что в современной войне танки и вообще бронетанковые войска имеют первостепенное значение. В этом хоре Паттон взял на себя роль солиста, а остальные почтительно подпевали ему. — Что такое авиация? Что такое пехота?

— Броня! — с пылом восклицал Паттон. — Современная война достигла уровня развития, при котором все или почти все бои будут вестись танками и бронемашинами. Пехота? Что остается на ее долю, кроме операций по очистке и закреплению местности, захваченной танками?

Насколько мне помнится, именно я замолвил словечко в

пользу авиации. Паттон ответил с вежливым пренебрежением:

— Конечно, и она играет свою роль. Я вовсе не хочу сказать, что авиация совершенно не нужна. Я отнюдь не отрицаю, что авиация может приносить пользу, поддерживая наземные операции бронетанковых сил…

Не считая этого единственного выступления в защиту авиации, я скромно хранил молчание. За обедом отец наслаждался отдыхом. Он вовсе не намеревался позволить втянуть себя в междуведомственную военную склоку. Поэтому генерал Паттон завладел трибуной безраздельно. (Спустя месяц, когда он принял на себя командование Южным фронтом в Тунисе, я не без удовольствия вспоминал этот разговор, слушая по радио в нашем африканском штабе отчаянные просьбы Паттона об усилении воздушной разведки и тактической поддержки с воздуха; она должна была предшествовать операциям его бронетанковых сил.)

Штаб Паттона в Касабланке представлял собой настоящий музей. До нашего вторжения в этой вилле помещалась германская миссия во Французском Марокко. Противнику пришлось удирать с такой поспешностью, что он не успел увезти с собой великолепную обстановку. Генерал Паттон восторгался, как ребенок, показывая нам всю эту роскошь.

Мы с отцом вернулись на свою виллу в начале двенадцатого. Почти всю дорогу отец подтрунивал надо мной по поводу сравнительных достоинств бронетанковых сил и авиации. Он явно был в задорном настроении. Через пять минут после нашего возвращения пожаловал Черчилль побеседовать за бокалом вина о де Голле и Жиро. Окольным путем английский премьер-министр вновь вернулся к своему утверждению, что лучше было бы предоставить временное управление Францией одному де Голлю. Он знал, что Жиро произвел на отца невыгодное впечатление. Но в тот вечер отец не был настроен продолжать спор и почти категорически отказался говорить на эту тему. Быть может, из-за усталости он не слишком тактично дал Черчиллю понять, что не заинтересован в дальнейшем обсуждении данной проблемы. Поэтому мы с Гарри Гопкинсом старались направить разговор на исключительно безобидные темы. Около часа ночи Черчилль ушел, а Гарри поднялся наверх в свою комнату и лег спать. Мы с отцом отправились в его спальню.

— Теперь-то Уинстон начинает по-настоящему беспокоиться, — сказал отец. — Сегодня вечером это было заметно.

Я сделал лишь то наблюдение, что Черчилль явно хотел поднять этот вопрос, а отец столь же явно отказался обсуждать

его. Я отнес это за счет усталости отца, но, очевидно, это был тактический прием, и, по-видимому, собеседники понимали друг друга.

— Через два-три дня мы увидим развязку, — весело сказал отец. Сегодня вторник? Держу пари на небольшую сумму, что не позже пятницы Уинстон сообщит нам, что ему, пожалуй, все же удастся убедить де Голля приехать сюда.

Мы поговорили о Паттоне. («Правда, Эллиот, он очень приятный человек?»), о юном Рандольфе Черчилле («Завидная способность — ни в чем не сомневаться», — заметил отец) и о коврах, которые мы с Гарри смотрели днем.

Отец несколько беспокоился относительно впечатления, которое произведут на Сталина и вообще на русских решения, принятые нашим Объединенным советом начальников штабов.

— Если бы только Сталин мог сам приехать сюда и убедиться в том, с какими трудностями мы сталкиваемся в отношении тоннажа и в области производства…

Отец был очень утомлен, и через несколько минут я его покинул.

Среда, 20 января

В этот день первыми на повестке стояли вопросы производства и снабжения. Сомервелл условился встретиться с Гарри Гопкинсом пораньше, до завтрака, и в половине девятого, когда я спустился вниз, они уже усиленно трудились. Гарри был руководителем Управления по распределению поставок и знал лучше кого-либо другого, что американское производство военных материалов еще представляло собой относительно небольшую величину.

Около десяти часов явился мой начальник — генерал-майор Спаатс. Он прибыл в Касабланку накануне, и отец хотел побеседовать с ним лично. Туи Спаатс в то время был командующим всеми американскими воздушными силами в Африке и, кроме того, возглавлял воздушные силы в Северо-Западной Африке, руководимые Объединенным оперативным авиационным штабом союзников.

— Довольно сложная система, — заметил отец.

Спаатс кивнул головой.

— Так оно и есть, сэр, — сказал он. — И положение нисколько не облегчается тем, что командование объединено. Теддер — прекрасный человек (маршал авиации Теддер был старше Спаатса чином и числился командующим всеми

воздушными силами союзников в Африке), но, несмотря на то, что у нас с ним прекрасные отношения, некоторые трудности все же неизбежны.

— А именно?

— Дело в том, сэр, что на этом театре мы используем главным образом американские самолеты. Мы применяем преимущественно американскую тактику и стратегию. Операции проводятся американцами, а высшее командование находится в руках англичан.

Тут и я вставил словечко.

— Фактически всей войной в воздухе руководит генерал Спаатс, но он подчинен Теддеру.

— Я не хочу сказать, сэр, — продолжал Спаатс, — что мы с ним не сработались; напротив, мы работаем дружно. Я только говорю о трудностях, присущих всякому союзному объединенному руководству. Объединение руководства становится особенно сложным делом, когда союзники совместно руководят людьми и техникой, принадлежащими только одному из этих союзников.

Отец кивнул головой. Туи продолжал рассказывать о других трудностях, с которыми он сталкивался. Речь шла, главным образом, о получении достаточного пополнения самолетов и о сооружении достаточного количества аэродромов с твердой поверхностью. При тех аэродромах, которые мы застали в Африке, один сильный дождь мог прекратить операции на несколько часов, а то и на несколько дней.

Такие беседы с высшими американскими офицерами имели для отца очень большое значение. Политическим следствием нашего союза с англичанами было то, что, поскольку верховное командование на данном театре принадлежало американцу (Эйзенхауэру), англичане требовали и, пожалуй, вполне справедливо, чтобы следующая ступенька иерархической лестницы командования была отдана им. Поэтому морскими операциями руководил англичанин (Кэннингхем), а другой англичанин, Теддер, руководил воздушными операциями. Поскольку морские операции развертывались в Средиземном море, подчинение всех морских сил английскому командующему было оправдано. Но когда Спаатсу приходилось руководить войной в воздухе, находясь в подчинении у маршала Королевских воздушных сил, он сталкивался с трудностями, хотя этот маршал был весьма сведущим офицером и приятным человеком.

Утром Роберт Мэрфи снова предстал перед нами, как заводной чертик, чтобы поговорить с отцом и Гарри Гопкинсом. Еще предстояло убедить англичан, поддерживавших де Голля, что

мы действительно настаиваем на том, чтобы в любом временном правительстве Франции были представлены, кроме деголлевских, и другие силы. Во время этого разговора к завтраку явился Черчилль со своим советником Макмилланом. Я спешно распорядился поставить на стол в саду еще два прибора, и беседа продолжалась.

— Не будет ли правильнее всего убедить де Голля немедленно прибыть сюда, чтобы выяснить, какие конкретные возражения он выдвигает против проектируемого временного правительства?

— Какие уступки, по мнению английского премьер-министра, нужно было бы сделать де Голлю, чтобы побудить его приехать сюда и разрешить проблему раз и навсегда?

— Уверены ли американцы в том, что Жиро необходим в будущем правительстве?

— Существуют ли в действительности какие-нибудь конфликты, кроме личных, мешающие де Голлю и Жиро заключить достойный и прочный политический союз?

Наконец, премьер-министр встал из-за стола и отправился на новое свидание с Жиро. Я наблюдал за отцом; его лицо не выражало ничего, кроме дружеского интереса. Если он и подозревал Черчилля в неискренности, то ничем этого не проявил.

К концу дня Черчилль вновь появился в гостиной отца, вместе с Жиро. Я остался в саду и беседовал с агентами секретной службы и со случайными посетителями. В гостиной отец и премьер-министр вместе с Жиро и его штатским помощником неким г. Понятовским в энный раз тщательно обсуждали вопросы, поднятые де Голлем, мельчайшие детали намечавшегося союза, на прочность которого не приходилось рассчитывать; они улаживали, по крайней мере односторонне, личные недоразумения между обоими весьма субъективно настроенными французскими деятелями. Я столько раз слышал разговоры на эту тему, что они, вероятно, надоели мне не меньше, чем отцу и Черчиллю, с той лишь разницей, что я не обязан был принимать в них участие.

Когда все ушли, я вернулся к отцу. Меня беспокоило, что на обеде, предстоявшем у Черчилля, этот вопрос мог снова оказаться единственной темой разговора. Однако, как только отец оторвался от кипы бумаг, полученных из Вашингтона, он рассеял мои опасения.

— Мы решили сегодня больше не говорить о делах, — сказал он.

Обед доставил нам большое удовольствие. Будучи премьер-

министром военного времени, Черчилль требовал, чтобы военные планы империи находились при нем. Его адъютанты оборудовали для него великолепный штабной кабинет, увешанный картами всех театров военных действий, выполненными во всевозможных масштабах. Он с большим удовольствием показывал нам эти карты. Я подумал, что если бы война была игрой, а не таким кровавым, грязным, томительным, удручающим делом, карты Черчилля идеально подходили бы для нее. В каждой из них торчали булавки, которые можно было переставлять с места на место. Пожалуй, самой интересной была огромная карта северной части Атлантического океана — на ней миниатюрными передвижными моделями было показано местонахождение всех германских подводных лодок. На этой карте можно было видеть, сколько подводных лодок укрывается в Лориане или Бресте, сколько движется на запад навстречу нашим караванам, направляющимся в Соединенное Королевство, сколько укрыто в ангарах на побережье Ла-Манша, сколько рыщет на морских путях вокруг Азорских островов, сколько подстерегает добычу у берегов Исландии или движется на север, к Мурманску. Самые последние сведения о передвижениях судов наносились на карту ежедневно в присутствии Черчилля. Он следил за ней с напряженным вниманием — проскочит ли вот этот караван без потерь? Сколько тонн важнейшего военного имущества будет разметено взрывами торпед и пущено ко дну? Удастся ли патрулям английской береговой авиации хорошенько разбомбить вот ту «волчью стаю»? Зимой битва за Северную Атлантику должна была достигнуть своего апогея; булавки и миниатюрные модели подводных лодок на карте адмиралтейства отражали напряжение, охватившее весь земной шар в ожидании развязки, от которой зависели судьбы мира.

Мы вернулись домой сравнительно рано, и отец сразу же лег спать, так как ему предстоял утомительный день.

Четверг, 21 января

Спустившись вниз, я узнал, что отец уже встал, позавтракал и уехал к генералу Кларку в сопровождении Гопкинса, Гарримана, адмирала Макинтайра и Мэрфи. Они отправились из Касабланки на север, к Рабату, где отец произвел смотр 2-й бронетанковой, 3-й пехотной и 9-й пехотной дивизиям. Сама поездка представляла весьма внушительное зрелище — впереди отряд военной полиции на мотоциклах, затем «виллис» и разведывательная машина, потом закрытая машина отца, за ней — штабные машины, в

которых разместились остальные участники поездки, затем два грузовика с основательно вооруженными солдатами, еще две разведывательные машины, и, наконец, колонну замыкал второй отряд мотоциклистов. Майк Рейли даже настоял на том, чтобы на всем пути, в оба конца, вдоль побережья эта колонна прикрывалась с воздуха истребителями.

Через восемь часов отец вернулся, полный впечатлений.

— Хорошо провел время?

— Еще бы! Превосходно! Великолепно отдохнул…

— От Жиро и де Голля?

— Да, кстати, утром мы видели по пути французскую марокканскую пехоту и кавалерию на учениях. Я ничего не сказал, но не удивился бы, узнав, что Жиро специально организовал это для меня.

— Ты проездил весь день в своей закрытой машине?

— Вовсе нет, они дали мне «виллис» для смотра 2-й бронетанковой и 3-й пехотной дивизий. Но я должен сказать, что одной поездки на «виллисе» мне хватит надолго.

— Послушай, у тебя, может быть, дела? Потому что…

— Не беспокойся. До обеда ко мне никто не придет. Садись. Я хочу тебе рассказать. Если б ты только видел, как глазели на меня некоторые пехотинцы! Как будто они хотели сказать: «Чорт побери, ведь это сам старик!» — Отец расхохотался.

— Где ты завтракал, папа?

— Да там же, на привале. С Кларком и Паттоном и, конечно, с Гарри. Гарри! Как вам понравился этот завтрак на привале?

— Лучше всего была музыка! — крикнул сверху Гарри, принимавший там горячую ванну.

— Да, да, — сказал отец. — Они играли «Чатта-нуга Чу-Чу» и затем еще эту песенку о Техасе, знаешь, в которой хлопают в ладоши…

— «Глубоко в сердце Техаса»?

— Вот именно. И разные вальсы. Скажи, Эллиот, найдется ли в мире еще армия, в которой полковой оркестр станет играть такие песенки в то время, когда рядом главнокомандующий поглощает ветчину с зеленым горошком и бататами? А, как ты думаешь? — Он потянулся. — Да, я устал. После завтрака я смотрел 9-ю дивизию, а затем мы заехали в порт Лиотэ.

— Ты видел корабли в гавани?

— Те, что мы потопили? Конечно.

— Я не знал, что ты собирался заезжать еще и в порт Лиотэ.

— Ведь там наше кладбище, — напомнил мне отец. — Восемьдесят восемь американцев спят там вечным сном. Мы возложили венок на их могилы… и другой венок — на

французском кладбище.

— Как жаль, что сегодня была такая плохая погода.

— Да нет же, дождь начался только в половине пятого… Но наши солдаты, Эллиот! Видно, что они рвутся в бой. Крепкие, загорелые, веселые и… в полной готовности.

— А это что такое?

— Что? Вот это? Солдатский походный прибор, которым я пользовался. Они подарили его мне, и я возьму его себе на память.

— Что ты, папа! Ты собираешь все, что попало. Неужели ты не понимаешь, что в качестве главнокомандующего всеми вооруженными силами ты и дома мог бы получить такой прибор?

— Да, но этим прибором я пользовался в Рабате в тот день, когда я смотрел три дивизии американских солдат, участвующих в жестокой войне. Это хороший сувенир. Я повезу его домой.

Он направился было в свою спальню переодеться, как вдруг в передней раздался шум. В комнату влетел Черчилль, сияя широкой улыбкой.

— Я только на минуту, — воскликнул он. — Хочу сообщить вам последнюю новость, на этот раз приятную.

— Из ставки? — спросил отец. — Что случилось?

— Из Лондона, — сказал премьер-министр. — Насчет де Голля, по-видимому, нам удастся уговорить его приехать сюда и принять участие в переговорах.

Наступила пауза.

— Хорошо, — коротко сказал отец, медленно направляясь в свою комнату. — Поздравляю вас, Уинстон. Я всегда был уверен, — добавил он многозначительно, — что вам удастся это устроить.

В половине десятого отец был уже в постели. Впервые со дня прибытия в Северную Африку ему удалось так основательно выспаться.

Пятница, 22 января

Около полудня фотографы корпуса связи сфотографировали отца и премьер-министра вместе с членами Объединенного совета начальников штабов. Солнце ярко светило; все расселись на террасе виллы отца, весело и непринужденно беседуя. Самая трудная часть работы конференции приближалась к концу. Оставалось еще только уладить одно щекотливое и сложное дело заключение союза между де Голлем и Жиро, — но вся подготовительная работа была уже проделана; худо ли, хорошо

ли, военные решения были в общем приняты, и оставалось только составить коммюнике, оповещающее мир о конференции в Касабланке и о ее значении.

Когда фотографы закончили свое дело, отец позавтракал наедине с генералом Маршаллом и потом долго еще беседовал с ним в гостиной. В это время я сидел на лестнице возле самой двери на случай, если отцу что-нибудь понадобится, и слышал их разговор. Маршалл объяснил, с какими трудностями пришлось столкнуться американским начальникам штабов, настаивая на вторжении в Европу в 1943 г., поскольку мы теперь уже связали себя определенным решением в отношении Средиземноморского театра; он напомнил отцу, как решительно были отвергнуты английские планы авантюры в Бирме и сообщил о достигнутом соглашении, что в случае успеха вторжения в Сицилию операции против Италии должны проводиться в самом ограниченном масштабе. Днем, после ухода Маршалла, отец рассказал мне, что речь шла о тех препятствиях, которые пришлось преодолеть Объединенному совету начальников штабов прежде, чем удалось принять план вторжения в Сицилию; жаловался, хотя и без раздражения, на англичан, по-прежнему настаивавших на вторжении в Европу с юга, а не с запада; говорил о своих опасениях насчет того, как отнесется Сталин к сообщению о новой отсрочке вторжения через Ла-Манш.

— Война — темное дело, — продолжал отец. — Чтобы выиграть войну, нам приходится поддерживать с большими трудностями единство с одним из союзников и ради этого, по-видимому, подводить другого. Чтобы выиграть войну, мы вынуждены пойти на стратегический компромисс, который наверняка будет болезненно воспринят русскими, но зато впоследствии мы сумеем добиться другого компромисса, который безусловно будет болезненно воспринят англичанами. Война вынуждает нас идти сложными путями.

— Но ведь рано или поздно мы все равно выиграем войну, — сказал я.

— Единство, которого мы добились для ведения войны, — ответил отец, ничто по сравнению с тем единством, которое нам нужно для мира. После войны — вот когда подымется крик о том, что в нашем единстве нет больше необходимости. Тогда-то эта задача встанет перед нами во весь рост.

* * *

В этот вечер мы были вынуждены обойтись без

предобеденных коктейлей и обедать без вина. Свинина тоже была исключена из меню, ибо мы принимали султана, повелителя правоверных.

Он прибыл со своим юным наследником, с великим визирем и с начальником протокольной части. Гости были одеты в развевающиеся белые шелковые бурнусы. Они привезли подарки для моей матери — два золотых браслета и высокую золотую тиару. Бросив взгляд на тиару, отец с серьезным видом искоса посмотрел на меня, а потом торжественно подмигнул мне. Мы оба представили себе маму в роли хозяйки на каком-нибудь официальном приеме в Белом Доме с этим внушительным сооружением на голове.

За обедом султан сидел справа от отца, а Черчилль — слева. Сначала английский премьер-министр был в самом радужном настроении. Он сообщил нам, что де Голль прибыл утром, уже позавтракал с Жиро и нанес визит ему, Черчиллю. Однако в ходе разговора настроение у Черчилля заметно испортилось. Дело в том, что отец оживленно беседовал с султаном о природных богатствах Французского Марокко и об огромных возможностях их освоения. Разговор очень интересовал обоих. Они настолько владели французским языком, в котором Черчилль не слишком был силен, что имели полную возможность обсуждать вопрос о повышении жизненного уровня марокканцев. Оба были того мнения, что для этого значительная часть богатств страны должна оставаться в ее пределах.

Султан выразил горячее желание получить самую широкую помощь для введения в своей стране современного просвещения и здравоохранения.

Отец указал, что для этого султан не должен позволять иностранным концессиям выкачивать ресурсы страны.

Тут Черчилль попытался перевести разговор на другую тему. Султан, однако, вернулся к прежней теме и спросил у отца, какие последствия будет иметь его совет в отношении политики будущего французского правительства.

Отец, играя вилкой, весело сказал, что, конечно, положение после войны будет резко отличаться от довоенного, в особенности в отношении колоний.

Черчилль закашлялся и снова заговорил на совершенно другую тему.

Султан вежливо осведомился, что именно имел отец в виду, говоря о «резком отличии».

Отец вскользь упомянул о связях, существовавших в прошлом между французскими и английскими финансистами, объединявшимися в синдикаты для выкачивания колониальных

богатств. Затем он перешел к вопросу о возможности существования во Французском Марокко месторождений нефти.

Султан горячо ухватился за эту идею; он заявил, что всемерно поддерживает развитие всяких потенциальных ресурсов с тем, чтобы доходы от них шли в его пользу. Затем он выразил сожаление по поводу отсутствия среди его соотечественников ученых и инженеров, которые могли бы освоить эти ресурсы без посторонней помощи.

Черчилль заерзал в своем кресле.

Отец деликатно указал, что обучение и подготовку инженеров и специалистов из марокканцев можно было бы, конечно, организовать, например, в лучших университетах Соединенных Штатов в порядке своеобразного культурного обмена.

Султан кивнул головой. Видно было, что если бы не требования этикета, он тут же стал бы записывать названия и адреса этих университетов.

Отец продолжал развивать свою мысль, вертя в руках стакан. Он сказал, что султану, вероятно, было бы нетрудно договориться с фирмами американскими фирмами — об осуществлении такого плана освоения естественных ресурсов, какой он имел в виду. Этот договор мог быть заключен на основе определенного вознаграждения или процентных отчислений. Преимущество такой системы, утверждал ен, состояло в том, что она позволила бы суверенному правительству Французского Марокко в значительной мере сохранить контроль над своими ресурсами, получать большую часть доходов и, в конечном счете, целиком взять эти ресурсы в свои руки.

Черчилль закряхтел и перестал слушать.

Это был очень приятный обед, и все мы, за исключением одного человека, получили от него большое удовольствие. Когда мы встали из-за стола, султан заверил отца, что сразу же по окончании войны он обратится к Соединенным Штатам с просьбой помочь ему в деле освоения природных богатств его страны. Он сиял. «Перед моей страной открываются новые горизонты!»

Грызя свою сигару, разъяренный премьер-министр Великобритании вышел из столовой вслед за султаном.

* * *

Прибытие де Голля было своего рода молнией без грома, которая все же несколько освежила атмосферу. Султану явно

хотелось побыть у нас подольше, хотелось подробно и с чувством обсудить некоторые из вопросов, поднятых отцом за обедом, но отцу предстояло в этот вечер еще много работы. Он знаком предложил капитану Маккри остаться, чтобы вести записи, пригласил Роберта Мэрфи и Гарри Гопкинса; остался и я, поскольку мне предназначалась роль виночерпия. Остальные гости ушли. Все было готово к приему Шарля де Голля.

Он прибыл через десять минут. Чело его было покрыто мрачными тучами, и он не проявлял особой любезности. Его беседа с отцом продолжалась с полчаса, причем отец был обаятелен, а де Голль держался весьма сдержанно. Вот образчик их диалога:

Отец: — Я уверен, что мы сумеем помочь вашей великой стране вернуть свое место в мире.

Де Голль (Нечленораздельное мычание).

Отец: — И я заверяю вас в том, что моя страна сочтет для себя честью принять участие в этом деле.

Де Голль (мычание): — Это очень любезно с вашей стороны.

Как только этот странный разговор окончился, француз, сидевший в кресле, как будто он аршин проглотил, встал, выпрямившись во весь свой огромный рост, и торжественно промаршировал за дверь, ни разу не оглянувшись.

Через несколько минут снова прибежал Черчилль вместе с Макмилланом. В течение часа они с отцом делились впечатлениями от своих бесед с де Голлем. Дурное настроение генерала, видимо, нисколько не взволновало отца; я думаю, что это соответствовало тому представлению, которое он заранее составил себе о де Голле. Сначала говорил Мэрфи, потом Черчилль, за ним Гарри, потом отец и, наконец, снова Черчилль. Я сидел и думал: а как настроены люди в самой Франции? Как настроены участники движения сопротивления? За кого они? За де Голля? За Жиро? Ни за того и ни за другого? За обоих? Как узнать это? Кто из них прав?

Я услышал спокойный голос отца:

— Что прошло, того не воротишь. Вопрос уже почти разрешен. Возьмем этих двоих: они равны по рангу, должны нести равную ответственность за создание Консультативной Ассамблеи. Когда она будет созвана — произойдет возрождение французской демократии. Когда она начнет работать — французская демократия сделает свои первые шаги. И тогда французы сами смогут решить, как им быть с Жиро и с де Голлем. Это будет уже не наше дело.

После ухода Черчилля и остальных посетителей отец продолжал со мной разговор о Франции и ее будущем.

— В последние дни, — сказал он, — мы говорили о том, что постепенно, по мере освобождения Франции, гражданская власть должна переходить к объединенному правительству Жиро — де Голля. Это правительство будет существовать лишь временно, до тех пор, пока появится возможность снова провести свободные выборы. Решение как будто простое… но вот увидишь, как де Голль будет против него бороться! Он убежден, абсолютно убежден в том, что имеет право единолично, по собственному усмотрению, решать, кого допустить и кого не допускать к участию в любом временном правительстве Франции!

— Он как будто говорил что-то и о французских колониях? — спросил я. Я слышал это, входя в столовую…

— Да, верно. Он совершенно ясно заявил, что союзники должны возвратить французские колонии французам, как только страна будет освобождена. Но, знаешь, не говоря уже о том, что союзникам придется сохранить военную власть над французскими колониями здесь, в Северной Африке, на много месяцев, а возможно и лет, я отнюдь не уверен в том, что с нашей стороны вообще было бы правильно когда бы то ни было вернуть Франции ее колонии, не получив от нее предварительно определенных обязательств по отношению к каждой отдельной колонии, не получив от нее конкретных заверений относительно того, что именно она намерена сделать в области управления каждой колонией в отдельности.

— Постой, папа. Я не совсем понимаю. Я знаю, что колонии играют важную роль, но ведь, как бы то ни было, они действительно принадлежат Франции… как же можем мы не возвращать их?

Отец взглянул на меня.

— Что значит — они принадлежат Франции? Почему Марокко, населенное марокканцами, должно принадлежать Франции? Или возьмем Индо-Китай. Сейчас эта колония находится под властью японцев. Почему японцам удалось так легко завоевать страну? Вот почему: ее коренное население было так безобразно угнетено, что оно решило: хуже французского колониального владычества быть не может. Почему же такая страна должна принадлежать Франции? Какая логика, какие традиции, какие исторические законы требуют этого?

— Да, но…

— Я думаю о возможности новой войны, Эллиот, — продолжал отец неожиданно резким тоном. — Я думаю о том, что произойдет с нашим миром, если после этой войны мы допустим, чтобы миллионы людей снова оказались в положении полурабов!

— Кроме того, — сказал я, — мы тоже должны иметь право

голоса в этом вопросе, раз на нашу долю выпала задача освободить Францию.

— Как ты думаешь, Эллиот, пришлось бы американцам гибнуть сейчас на Тихом океане, если бы не слепая алчность французов, англичан и голландцев? Неужели же мы позволим им повторить все сызнова? Ведь лет через пятнадцать — двадцать твой сын достигнет призывного возраста.

— Когда будет создана организация Объединенных наций, она сможет взять на себя управление этими колониями — не правда ли? Она может действовать на основе мандата или осуществлять опеку в течение определенного срока.

— Еще два слова, Эллиот, и я тебя выставлю, потому что я устал. Вот что я хочу сказать: когда мы выиграем войну, я приложу все усилия, чтобы у Соединенных Штатов нельзя было выманить согласия на какой бы то ни было план, поддерживающий империалистические стремления Франции или Британской империи.

С этими словами отец указал мне пальцем на выключатель у двери, а затем и на самую дверь.

Суббота, 23 января

Отец проснулся поздно, а тем временем Гарри Гопкинс принимал его многочисленных посетителей, в числе которых были генерал Арнольд, Аверелл Гаррнман и генерал Паттон. Поскольку никто пока еще не нуждался в моих мелких услугах, я провел около часа в библиотеке, принадлежавшей нашей незнакомой хозяйке. Она, видимо, питала склонность к легкой беллетристике, вроде романов Колетт, но, наконец, я наткнулся на нечто, заинтересовавшее меня. Это была книга в бумажной обложке; я вытащил ее из шкафа и побежал к отцу, который в это время заканчивал в спальне свой запоздалый завтрак.

— Ты читал это? — спросил я, бросив книгу к нему на постель.

Это была его биография, написанная Андрэ Моруа. Отец пришел в восторг.

— Дай-ка мне ручку, Эллиот. Вот там… на туалетном столике.

И в самом цветистом французском стиле он сделал на этой книге пространную надпись, выражая признательность владелице за приятные часы, проведенные в ее доме, обращаясь к ней в самых торжественных и высокопарных выражениях, какие он только смог придумать.

— Теперь поставь книгу обратно на полку, Эллиот. Держу пари, что хозяйке никогда не вздумается взять ее в руки. А жаль: если это все же когда-нибудь случится, мне очень хотелось бы увидеть выражение ее лица.

— А я хотел бы увидеть выражение лица того букиниста, которому эта книга когда-нибудь попадет.

— Ладно, не увлекайся, — засмеялся отец. И книга была водворена на место.

Мы завтракали в этот день только вчетвером: Гарри, Черчилль, отец и я. Именно за нашим завтраком родилось выражение «безоговорочная капитуляция». В интересах истины следует сказать, что выражение это принадлежало отцу, что оно сразу же очень понравилось Гарри и что Черчилль, медленно пережевывая пищу, думал, хмурился, снова думал и, наконец, улыбнувшись, заявил: «Превосходно! И я представляю себе, какой вой подымут Геббельс и вся эта компания!»

В последние несколько дней «Геббельс и вся эта компания» уже начали повизгивать в предварительном порядке. Рядом со столовой находилась буфетная комната, в которой обычно сидели и болтали агенты секретной службы. В этой комнате стоял коротковолновый приемник, и здесь мы слушали передачи из Германии на английском языке: немцы в сильном раздражении строили догадки относительно того, что происходит в Касабланке, и все больше и больше приближались к истине.

Когда формулировка отца была одобрена остальными, он начал размышлять о том, какое впечатление она произведет в другом месте.

— Конечно, это именно то, что нужно русским. Лучшего они не могли бы и желать.

— Сразу же после завтрака мы займемся проектом коммюнике, — сказал Гарри.

— Не забывайте, Гарри, что завтра сюда прибудут корреспонденты.

— Знаю. К половине шестого, когда сюда явится Объединенный совет начальников штабов, у нас уже кое-что будет готово.

В течение дня дважды забегали Мэрфи и Макмиллан, пребывавшие в большом волнении. Назавтра у отца была назначена решающая встреча с де Голлем и Жиро одновременно. К концу дня Объединенный совет начальников штабов собрался за большим столом в столовой вместе с отцом и премьер-министром.

Это было последнее широкое совещание конференции; оставшиеся незначительные разногласия были уже

урегулированы; был ориентировочно намечен срок вторжения в Сицилию; премьер-министр заявил, что с его точки зрения можно отказаться от вторжения в Италию в пользу вторжения в Европу по ту или другую сторону Балканского полуострова; план «Раундап», предусматривавший вторжение в Европу через Ла-Манш в 1943 г., был с сожалением отложен и вместо него принят «Оверлорд» — план вторжения в 1944 г.; были разработаны планы переброски войск и снаряжения в Соединенное Королевство немедленно после закрепления наших позиций в Сицилии и завершения операций в Северной Африке. Совещание окончилось около восьми часов; все были в приподнятом настроении.

Был заслушан первый проект коммюнике, предложены поправки к нему, после чего он был сдан на переработку. Можно было начинать укладываться. Конференция близилась к концу.

Мы обедали без гостей, вчетвером — Гарри, его сын Боб (он прилетел сюда дня два-три назад, грязный и обросший, прямо с фронта, где он работал в качестве полевого фотокорреспондента), отец и я. Никаких деловых разговоров за обедом не было.

После обеда и до поздней ночи отец, премьер-министр и Гарри работали над окончательными текстами совместного коммюнике и послания Сталину. В течение некоторого времени присутствовали также Мэрфи и Макмиллан, вносившие свои предложения по поводу той части коммюнике, которая касалась французской политической ситуации. В начале третьего они оба ушли, а в половине третьего Черчилль поднял свой неизменный бокал и провозгласил тост:

— Безоговорочная капитуляция! — Он сказал это без всякого пафоса, но с твердой решимостью, и все мы осушили бокалы.

Воскресенье, 24 января

Времени оставалось немного. В 11 часов утра явился генерал Жиро, и отец сразу взялся за дело.

— Мы хотим, генерал, получить от вас заверение, что вы совместно с де Голлем…

— С этим человеком? Но ведь он карьерист…

— Я могу сказать вам, что разделяю некоторые из ваших опасений, и именно поэтому я прошу вас…

— Кроме того, он плохой генерал. Мне нужна только помощь для армий, которые я могу сформировать…

— Я вас понимаю и очень прошу вас встретиться с ним и выработать совместно план создания временного правительства вашей страны. Два таких человека, как вы и он, генерал…

И так продолжалось минут тридцать. Наконец, Жиро сказал:

— Договорились, господин президент, договорились.

Во время их беседы приехал де Голль. Он стоял в приемной и злился. Входя к отцу, он столкнулся с Жиро в дверях.

Почва была уже подготовлена, но примадонна хотела, чтобы ее упрашивали. Подобно девице из известного анекдота, де Голль разыгрывал неприступность. Отец постепенно переходил от любезностей к уговорам, от уговоров к настояниям, от настояний к прямым требованиям. В этот момент он кивком указал мне на дверь. Я вышел из комнаты, пригласил генерала Жиро, и мы вместе вошли обратно.

Генералы высокомерно смотрели друг на друга. Отец с самым благодушным видом предложил им пожать друг другу руки, чтобы скрепить соглашение, которое каждый из них в отдельности заключил с ним. Генералы напоминали двух готовых подраться псов, но все же нехотя обменялись рукопожатием. В этот момент появился Черчилль. Отец сиял, но по выражению его лица видно было, что он хочет сказать де Голлю: «Повторите же ему то, что вы сказали мне».

— Мы решили, — кратко сказал де Голль, — постараться сделать все возможное для того, чтобы выработать удовлетворительный план… — он запнулся, — совместных действий.

Жиро кивнул головой в знак согласия.

— А теперь давайте снимемся! — воскликнул отец, и они вчетвером отправились на террасу, где их ожидали фотографы. Генералы снова обменялись рукопожатием, которое было запечатлено фотографами и кинооператорами. Отец облегченно вздохнул.

Около полудня корреспондентов и фоторепортеров, собравшихся перед домом, пригласили на лужайку. Сидя рядом, отец и Черчилль отвечали на вопросы. Все сверкало яркими красками под лучами солнца, и единственным диссонансом были темные круги под глазами отца, креп на его рукаве и его черный галстук (он все еще носил траур по бабушке). Фетровая шляпа премьер-министра залихватски сидела на его голове, сигара кочевала из одного угла рта в другой; он был в «прекрасной форме». «Безоговорочная капитуляция» — застрочили карандаши корреспондентов.

Пресс-конференция была краткой. Когда она закончилась, отец и премьер-министр пожали руки всем присутствовавшим.

— Вам повезло, — сказал отец. — На обычных пресс-конференциях в Белом Доме бывает столько журналистов, что нет никакой возможности пожать им всем руки.

Потом я пришел к нему в комнату попрощаться, так как через несколько минут я должен был отправиться обратно в свою часть.

— Итак?

— Итак?

— Я бы сказал, папа, что очень хорошо!

— Да, мы сделали немало. И потрудились не зря!

— К тому же и перемена обстановки пошла тебе на пользу.

— Мне хотелось бы проверить одно свое впечатление, Эллиот. Я хочу спросить тебя об одной вещи.

— О чем?

— Мне хотелось бы знать… — он замолчал и потом начал снова. — Видишь ли, всегда в истории, на протяжении веков англичане действовали по одному и тому же образцу. Они умно и удачно выбирали союзников. Им неизменно удавалось выходить победителями из всех войн, в которых они участвовали, и сохранять реакционную власть над народами мира и над мировыми рынками.

— Да…

— На этот раз союзники Англии — мы. И это вполне правильно. Однако… и в Арджентии, и в Вашингтоне, и теперь здесь, в Касабланке… я пытался заставить Уинстона и всех остальных понять, что, хотя мы и являемся их союзниками и будем поддерживать их до самой победы, они отнюдь не должны считать, что мы делаем это только ради того, чтобы они могли по-прежнему жить своими архаическими средневековыми имперскими идеями.

— Я тебя понял, — сказал я медленно. — И мне кажется, что они тоже поняли.

— Надеюсь, что так. Они понимают, я надеюсь, что не им принадлежит руководящая роль в нашем союзе; что мы не намерены после победы безучастно наблюдать, как их система уродует развитие всех азиатских народов, да еще и доброй половины европейских… Великобритания подписала Атлантическую хартию. Надеюсь, англичане понимают, что правительство Соединенных Штатов намерено заставить их соблюдать ее.

Гарри просунул голову в дверь.

— Ногес пришел попрощаться с вами. И Мишелье тоже.

— Мишелье?

— Командующий французским северо-африканским флотом.

— Ладно. Сейчас выйду… Ну, сынок?

— До свидания, папа.

— До свидания.

— Передай привет маме, поцелуй ее за меня к береги себя.

— Ты сам береги себя. Ведь опасности подвергаешься ты, а не я.

Через двадцать минут автоколонна отца тронулась в путь, а я отправился назад, в Алжир, навстречу войне.

Глава пятая
От Касабланки до Каира

События в Сталинграде придали всем нам в Алжире бодрости, а надо сказать, что в течение следующих нескольких месяцев на долю моей части пришлась такая мучительно тяжелая работа, что время от времени мы действительно нуждались в бодрящих известиях. Не говоря уже о том, что мы были обязаны снабжать наши стратегические воздушные силы всеми данными для налетов на Италию и вести учет всем передвижениям нацистских войск и воздушных сил перед фронтом наших наземных войск, снабжая этими данными нашу тактическую авиацию, нам пришлось взять на себя еще и всю фоторазведку, связанную с подготовкой к вторжению в Сицилию.

Об этом последнем задании надо сказать несколько слов: для фотографирования с воздуха пилот должен лететь по прямой, на заданной высоте, так, чтобы все снимки были выдержаны в одном и том же масштабе. Он должен лететь на самолете, с которого снято все вооружение, так что в случае нападения ему нечем обороняться, и он не может прибегать к противозенитным маневрам. Короче говоря, это занятие не из приятных. Мы ежемесячно теряли двадцать процентов своих самолетов. Через девяносто дней после прибытия в Северную Африку из девяноста четырех летчиков моей части в строю осталось меньше десяти процентов.

В связи со всем этим весной и в начале лета мне приходилось работать с крайним напряжением. Один-два раза генерал Эйзенхауэр приглашал меня к себе в штаб на партию бриджа. Обычно в игре принимали участие морской и армейский адъютанты генерала — Гарри Бутчер и «Текс» Ли. (Когда моим партнером оказывался Айк, мы выигрывали; в противном случае мне оставалось только надеяться на счастье.)

В последний раз мы собрались за карточным столом за несколько дней до вторжения в Сицилию. Я был в очень хорошем настроении в связи с тем, что моя часть сыграла видную роль в захвате укрепленного острова Пантеллерия: эта операция была выполнена исключительно воздушными силами. Окрыленный нашим успехом, я готов был кричать нацистам; — Давайте-ка выходите все сразу — мы вам покажем! — Генерал Айк пристально посмотрел на меня, что-то соображая.

— Гм… Пантеллерия?

— Впервые в истории наземные силы капитулировали перед

воздушными силами, — ликовал я. — Теперь мы, конечно, можем вторгнуться в Европу в любом районе.

— Когда мы вторгнемся в Европу, — спокойно сказал генерал Эйзенхауэр, — мы будем обладать таким превосходством в технике и огневой мощи, что ничто не сможет нас остановить. Но пока этого нет, — добавил он, — мы не вторгнемся в Европу. Беда лишь в том, — признался он после некоторого раздумья, — что даже тогда нас все-таки могут остановить.

Наступила пауза; все мы представили себе французское побережье, трупы солдат, сбитые самолеты, потопленные суда.

— Еще много миль и много месяцев боев отделяют нас от Европы, — сказал генерал, как бы размышляя вслух. — Надо начать с того, что стоит первым в порядке дня. А первой на очереди стоит Сицилия.

Я знал, что генерал Эйзенхауэр настаивал на открытии второго фронта в 1942 г. и что его планы были отвергнуты англичанами. Я знал, что он поддерживал американских начальников штабов, настаивавших на открытии второго фронта в Европе в 1943 г. Однако теперь англичанам легче удалось уговорить своих американских коллег отказаться от своего плана, поскольку мы уже очень сильно связали себя на Средиземноморском театре. Услышав трезвое и скромное заявление генерала теперь, в начале лета 1943 г., я проникся еще большим уважением к нашему американскому командующему за его внимание к людям, за то, что он настаивал на обеспечении нашим войскам максимальных преимуществ, какие могла им дать американская промышленность. Я понял, что даже весной 1944 г., когда, по моему мнению, вторжение в Западную Европу уже не могло не состояться, генерал Эйзенхауэр подойдет к своей задаче с такой же скромностью и осторожной уверенностью, несмотря на то, что он всецело поддерживал этот план.

Затем началось вторжение в Сицилию. Наша часть хорошо подготовила эту операцию, и мы испытывали большое удовлетворение. В конце июля, когда наши войска в Сицилии занимались ликвидацией последних остатков нацистов, мой командующий получил от военного министерства приказ командировать меня в Соединенные Штаты для консультации по вопросу о реорганизации разведывательной службы. Одновременно с Тихоокеанского театра был вызван полковник Карл Полифка, выполнявший работу, аналогичную моей. Мне предстояло провести в Вашингтоне август и сентябрь, и, хотя мне жаль было покидать свою часть, я рад был возможности повидать отца, мать и всех остальных членов семьи.

В военном министерстве мне была поручена очень

интересная работа, имевшая большое значение для наших дальнейших разведывательных операций. К счастью, у меня все же осталось время, чтобы несколько раз встретиться с отцом. Он выглядел хуже, чем я ожидал: заметно состарился, даже по сравнению с тем, каким он был всего полгода назад в Касабланке; к тому же летом у него снова началось воспаление лобных пазух. И все же он был в очень хорошем настроении. Он был проникнут поразительно спокойной уверенностью в военном успехе союзников. Обычно я урывал время, чтобы заглянуть к нему либо после его завтрака, часов с девяти до десяти утра, либо попозже вечером, около одиннадцати, после ухода последнего посетителя.

Он так ясно представлял себе весь ход войны, что брался даже назвать срок окончательной победы.

Однажды вечером, в сентябре, он назвал мне этот срок:

— В Европе победа придет к концу 1944 г.

От удивления я присвистнул.

— Посмотри, как Красная Армия нажимает на центральном фронте.

— Но подумай — конец 1944 года!

— Конечно, если только мы сумеем нанести во Франции достаточно сильный и быстрый удар.

— Во Франции? — переспросил я не без задней мысли.

Он был невозмутим.

— Не знаю, — сказал он, — это было бы естественно. Но вполне возможно, что это будет в Голландии. А, может быть, и в Германии или в Норвегии. Не знаю. — Его лицо было совершенно непроницаемым.

— А как с Японией? Ведь прыжки с острова на остров требуют много времени… Конец 1946 г.?

— Ничего подобного. Конец 1945 г. Самое позднее — начало 1946 г. Подумай только, ведь когда Гитлер будет разгромлен, и мы сможем обрушить на Японию все, все, чем мы располагаем, — на что ей тогда еще надеяться?

— А что будут делать англичане? А русские? Будут помогать нам или зализывать свои раны?

— Ты ведь помнишь декларацию, принятую в Касабланке. С ней согласился Черчилль, а потом и Сталин.

— Насколько я знаю англичан, война им осточертеет, как только Гитлер будет разбит. И потом, можно ли доверять русским?

— Доверяем же мы им сейчас. Какие у нас основания не доверять им завтра? Во всяком случае… я надеюсь довольно скоро увидеться со Сталиным.

— Что ты?! Да неужели?

Отец кивнул головой. — Сейчас мы с ним договариваемся по этому поводу. Он хочет, чтобы мы приехали к нему, в его страну, указывая на то, что он лично руководит Красной Армией. Должен сказать, что пока Красная Армия продолжает действовать так, как сейчас, никто не вправе предлагать ничего такого, что могло бы замедлить ее наступление.

— К тому же он, должно быть, несколько опасается.

— Опасается? Чего?

— Скажем, того, что вы с Черчиллем объединитесь против него или чего-нибудь в этом роде.

Отец усмехнулся. — Я подозреваю, что русские довольно хорошо осведомлены о том, какие мы «друзья» с Уинстоном, — сказал он несколько загадочным тоном.

* * *

Очень скоро после этого разговора отец с группой своих советников выехал по железной дороге в Квебек, где ему предстояла новая встреча с английским премьер-министром и его начальниками штабов. Я не имел возможности присутствовать на этой конференции, носившей условное обозначение «Квадрант», так как в августе, в связи с полученным мною заданием, мне пришлось раза три или четыре выезжать в Калифорнию и посетить там ряд заводов и аэродром в районе Мюрок для разработки некоторых специальных проблем разведки. Однако отец уже раньше сообщил мне об этой конференции и даже познакомил меня, правда, в самых общих чертах, с ее повесткой. Поэтому в конце августа, когда он вернулся из Квебека, я спросил его, как идет Великий спор.

— Похоже на то, — сказал он, — что спор закончен. Англичане разработали план вторжения через Ла-Манш. Правда, по мнению Джорджа Маршалла, в этом плане еще много сомнительных мест, но во всяком случае он уже составлен и даже утвержден.

Отец невесело усмехнулся.

— Уинстон настоял на том, чтобы мы утвердили его «лишь в принципе»; он хочет оставить себе лазейку на всякий случай.

Я заметил отцу, что если бы только ему удалось устроить встречу со Сталиным, последний помог бы ему убедить англичан в необходимости открыть фронт на Западе.

* * *

Примерно через неделю мы снова вернулись к этой теме, правда, несколько окольным путем. Отец еще раньше говорил мне, что совершенно спокоен за военную сторону дела, но что политическое положение оставляет желать лучшего. Он все конкретнее представлял себе организацию будущего мира, и это заставляло его искать встречи с руководителями остальных великих держав для обсуждения вытекающих отсюда проблем.

— Объединенные нации… Они еще не совсем едины, но идут к единству, и мы можем значительно укрепить его. В данный момент…

— В чем, собственно, дело? Мне кажется, что дело обстоит не так уж плохо. По крайней мере, все мы стремимся к единой цели.

Отец отодвинул кипу бумаг (дело было около полуночи, мы сидели в его кабинете, на втором этаже Белого Дома) и начал рисовать на блокноте.

— Беда в том, — сказал он, — что в действительности мы вовсе не идем к единой цели, если говорить не о показной стороне. Возьмем, например, Чан Кайши. Ему действительно приходится сталкиваться с трудностями, но это не оправдывает того, что его армии не дерутся с японцами. Война — дело сугубо политическое. Если страна не находится в слишком уж отчаянном положении, она старается вести войну таким образом, чтобы в конечном счете извлечь из нее наибольшие политические выгоды, а не так, чтобы окончить ее возможно скорее.

— Кого ты имеешь в виду, папа? Китай? Англию?

Отец кивнул головой.

— Даже в нашем союзе с Англией, — продолжал он, — заложена опасность: Китай и Россия могут подумать, что мы полностью поддерживаем английскую внешнюю политику… — Он сосредоточенно чертил на бумаге очень большую цифру «4» со всевозможными завитушками. — Соединенные Штаты должны будут взять на себя руководство, — сказал он, — руководить и действовать в качестве посредника, примиряя и улаживая противоречия, возникающие между остальными — между Россией и Англией в Европе; между Британской империей и Китаем и между Китаем и Россией на Дальнем Востоке. Мы сумеем играть такую роль, — продолжал он, — потому что мы велики и сильны, потому что у нас есть все, что нам нужно. Англия сейчас на ущербе; Китай все еще живет в восемнадцатом веке; Россия относится к нам с подозрением и вызывает у нас подозрения на свой счет. Америка — единственная из великих держав, которая может закрепить мир во всем мире. Это исключительно ответственная обязанность. И единственный способ приступить к ее выполнению заключается в том, чтобы начать разговоры с

этими людьми лично.

— А каковы перспективы? Сообщил ли тебе еще что-нибудь Дядя Джо? (Наедине со мной отец всегда называл Сталина Дядей Джо.)

— Да. Он готов принять нас с Уинстоном в Москве в любое время, по нашему усмотрению.

Итак, в середине сентября перспектива встречи «Большой четверки» была столь же отдаленной, как и в январе.

* * *

В последнюю нашу встречу с отцом мне пришлось пойти на хитрость, чтобы заставить его разговориться. Был холодный, дождливый сентябрьский день, отец лежал еще в постели после завтрака и чувствовал себя неважно. Сначала он заставил говорить меня, расспрашивая о моей работе. Его интересовала техника ночной разведки. Мне пришлось производить первые опытные разведывательные полеты над Сицилией, и я рассказал о приемах, которые мы выработали для наблюдения за ночными передвижениями нацистских войск. Мы пользовались для этой цели осветительными бомбами, сбрасывая их с промежутками в тридцать секунд. Эти бомбы вспыхивали, пролетев две трети расстояния до земли, и освещали площадь размером в квадратную милю, позволяя нам делать превосходные снимки колонн противника на марше.

Наконец, мне удалось ввернуть в разговор, что, как я надеюсь, скоро вся эта работа придет к концу, и стал в свою очередь задавать вопросы о положении на политическом фронте.

— Нам, вероятно, удастся организовать те совещания, о которых я тебе говорил, Эллиот, — сказал отец. — Можно считать почти решенным, что встреч будет две: одна с Чан Кайши, другая с Дядей Джо. Им нельзя встретиться лично, пока на границе Сибири стоит наготове первоклассная японская армия и пока Россия еще не объявила войны Японии.

Я спросил, не появилась ли возможность уговорить Сталина встретиться на нейтральной почве.

— Как будто да… Как будто да… И если это удастся…

— То?

— И если это удастся, то свидание, вероятно, состоится где-нибудь в твоих краях.

Этого-то я и ждал. Это значило, что мне, может быть, снова удастся быть прикомандированным к отцу в качестве адъютанта. После этого сообщения мне было уже не так трудно расстаться с

ним в конце сентября; я надеялся, что не пройдет и нескольких месяцев, как мы снова увидимся где-нибудь в районе Средиземного моря.

Как только я вернулся в свою часть, мы стали готовиться к переводу нашего штаба из Ла Марса — небольшого дачного поселка в нескольких милях от Туниса — на южную оконечность итальянского «сапога». К ноябрю мы обосновались в Сан-Северо и оттуда штурмовали крепкую немецкую оборону, проклиная погоду, слишком редко позволявшую нам атаковать противника с воздуха. Поскольку Италия к этому времени была уже выбита из войны и в течение всего лета и осени нацисты подвергались сокрушительным ударам в русских степях, они, конечно, пали духом. С другой стороны, дух союзных войск в Италии тоже был не слишком высок, так как темпы нашего наступления резко снизились. Кроме того, нашим солдатам все время приходилось буквально глядеть в жерла 88-миллиметровых пушек, которыми гитлеровцы ощетинили все горные перевалы, и это отнюдь не способствовало поднятию настроения.

В ноябре стало еще холоднее и пасмурнее. Слова «солнечная Италия» звучали злой насмешкой. Мне не терпелось узнать, как же обстоит дело с совещанием «Большой тройки» или «Большой четверки», о которой говорил отец; вдруг я получил от начальника штаба Эйзенхауэра, генерала Смита, секретное предписание немедленно выехать в Оран для встречи с «важным лицом». Это могло означать только то, чего я ожидал.

19 ноября я вылетел через Средиземное море в Оран и немедленно явился во временную ставку генерала Эйзенхауэра. Оказалось, что мой брат Франклин, с которым я не виделся около года, тоже был отпущен со своего эсминца. На этот раз отец прибыл не на самолете, а на нашем новом большом линкоре «Айова»; в тот момент, когда мы с Франклином беседовали за стаканом виски с содовой водой, он, вероятно, уже миновал Гибралтар.

В Оране собралось много высшего начальства; кроме генерала Эйзенхауэра, здесь были английский адмирал Кэннингхем, наш вице-адмирал Хьюитт, полный комплект бригадных генералов и коммодоров и, наконец, милый старый Майк Рейли, снова прилетевший сюда заранее, чтобы следить за всем и всеми. Мне кажется, что Майк способен был взять под подозрение даже собственную бабушку, настолько добросовестно он относился к своим обязанностям по охране президента.

В субботу все мы поднялись очень рано. День был ясный, солнечный, что нас немало обрадовало, после того как накануне весь день моросил дождь. К половине девятого мы собрались на

пристани в военно-морской базе Орана Мерс-эль-Кебире. В бинокль мы видели, как кто-то спускается с палубы «Айовы» в подошедший катер.

Через двадцать минут отец широким жестом приветствовал нас. Он заметно поправился; его загорелое лицо сияло радостной улыбкой. «Рузвельтовская погодка!» — крикнул он.

Мы вчетвером — отец, генерал Эйзенхауэр, мой брат Франклин и я — сели в машину генерала Айка и направились по извилистой горной дороге на аэропорт Ла Сения, расположенный в пятидесяти милях от Мерс-эль-Кебира. Морское путешествие пошло отцу впрок: у него был бодрый вид, и он был радостно взволнован в ожидании предстоящих событий.

— Сначала Каир, потом Тегеран, — сообщил он нам, — сначала встреча с Чан Кайши, потом с Дядей Джо. — Отец был всецело поглощен своими планами.

— Война — и затем мир, — сказал он тоном, в котором чувствовалось удовлетворение. — Хватит у вас терпения, Айк?

— Конечно, сэр.

Мы с Франклином засыпали отца вопросами о домашних делах, о матери, о сестре Анне. Он сообщил, что привез с собой газеты и мы сможем заняться ими вечером, если у нас будет время.

Среди спутников отца были и старые знакомые и новые лица. Кроме Гарри Гопкинса, генерала Уотсона, адмирала Брауна и адмирала Макинтайра, на конференцию прибыл адмирал Леги. Если не считать беглых замечаний об окружающей местности и нескольких слов о домашних делах, отец не в состоянии был говорить ни о чем, кроме предстоящей конференции. Незаметно мы очутились в Ла Сения. Отец тотчас же сел в свой самолет «С-54», за штурвалом которого опять оказался майор Отис Брайан. Мой брат Франклин, Гарри Гопкинс и все высшее начальство уселось вместе с отцом, и они немедленно вылетели в Тунис. У меня в Ла Сения была своя машина — ночной разведчик типа «Б-25», и меня сопровождал командир одной из моих эскадрилий майор Леон Грей. Мы пережили несколько минут волнения, пока один из наших моторов капризничал; но все же через полчаса после отлета начальства мы тоже поднялись в воздух, дали побольше газа и, в конце концов, прилетели на аэродром Эль Ауина первыми.

Мы с отцом, генералом Эйзенхауэром и Франклином снова уселись в одну машину и отправились с аэродрома на виллу, приготовленную для отца в Карфагене (оказалось, что и эта вилла называлась «Белый дом»). Дорога проходила мимо развалин Карфагенского цирка; отец был в этих краях впервые и

категорически потребовал остановки для осмотра развалин.

Вилла отца, стоявшая на самом берегу Тунисского залива, представляла собой очаровательное зрелище, и он пришел от нее в восторг. Проезжая через Карфаген, я вспомнил, что мой тыловой штаб и база половины моих частей расположены недалеко отсюда, в Ла Марса. Такой случай нельзя было упустить.

— Папа!

— Что?

— Не произведешь ли ты смотр моим частям в Ла Марса?

— С удовольствием! Но когда? Может быть, мы успеем сделать это сегодня же днем, скажем, часов в пять?

Я засмеялся.

— Не знаю, успею ли подготовить все к этому времени, но постараюсь.

Я поспешил в свой штаб, чтобы организовать парад и смотр. В то время я командовал соединением воздушной фоторазведки в Северо-Западной Африке; оно насчитывало около 6 000 человек, принадлежавших к различным союзным армиям. Около 2 800 из них находились здесь, остальные — в Южной Италии. Мы с Леоном Греем и Франком Данном (моим помощником) поспешили привести все в образцовый порядок, пока отец в Карфагене разбирал почту, доставленную из Вашингтона.

К половине шестого мои люди выстроились; и надо сказать, что выглядели они довольно нарядно. Отец проехал на «виллисе» по всему фронту.

— Папа, обрати внимание на их форму. Это — настоящие Объединенные нации.

— Да, конечно, американцы, французы, англичане, канадцы… а это что за форма?

— Южноафриканская. А вот новозеландцы и австралийцы.

— У тебя, как видно, прекрасная часть, Эллиот, Ты можешь гордиться ею.

— Я и горжусь, можешь не сомневаться.

За обедом наше общество украшали две девушки — шофер генерала Эйзенхауэра Кэй Сомерсби и дочь адмирала Гэтча Нэнси, работавшая здесь в Красном Кресте. Отец собирался вылететь из Туниса рано утром, но Эйзенхауэр тотчас же наложил вето на этот план.

— Лучше вылететь в ночь с воскресенья на понедельник, сэр. К утру вы будете в Каире.

— Лететь ночью? Почему? Мне очень хотелось осмотреть места боев вплоть до Эль-Аламейна.

— Слишком рискованно, сэр. Нам пришлось бы послать с вами прикрытие из истребителей до самого Каира, а это значило

бы напрашиваться на неприятности. Да и помимо того, лететь ночью гораздо спокойнее.

— Но…

— Ночные полеты — это ТУП, сэр.

— Твердо установленный порядок, папа, — пояснил я.

— Спасибо, — ответил отец подчеркнуто вежливым тоном. Главнокомандующий немного знаком с армейским жаргоном. Ладно, Айк, продолжал он, обращаясь к генералу. — Здесь — вы хозяин. Но зато я потребую кое-чего и от вас.

— А именно, сэр?

— Раз вы хотите заставить меня остаться в Карфагене на все воскресенье, вы должны организовать для меня экскурсию по местам боев древних и современных — и сопровождать меня в ней.

— Согласен, сэр.

Мои служебные обязанности в Ла Марса не позволили мне отправиться вместе с отцом в эту экскурсию, но Франклин, поместившийся на откидном сиденье впереди генерала Айка и отца, рассказал мне вечером о ней. Отец подробно расспрашивал Айка не только о военных операциях, закончившихся прорывом союзников у Меджез-эль-баба и Тебурбы, но и о войнах, которые в глубокой древности вели карфагеняне. Айк знал назубок все подробности древних и современных битв. Это показывало, что он, как и сам отец, питал пристрастие к истории. Когда они вернулись на виллу, отец сиял. Возле «Белого дома» генерал хотел выйти из машины, но отец удержал его за руку.

— Знаете, Айк, я боюсь, что мне придется доставить вам одну неприятность.

Франклин насторожил уши. В чем дело? Не собирается ли отец отстранить генерала от командования театром военных действий? Или он шутит и хочет тут же назначить его на новый, более высокий пост?

— Я знаю, как вы цените Гарри Бутчера, Айк, — сказал отец. Айк кивнул головой. — Но несмотря на то, что он ваша правая или уж во всяком случае левая рука, мне, возможно, придется забрать его у вас.

Лицо Айка слегка омрачилось.

— Но, сэр…

— Дело в том, что Элмер Дэвис снова подал в отставку. Что бы вы сказали, если бы я мобилизовал «Бутча» на его место?

— Господин президент, я, конечно, не скажу, что мне это будет легко. Но если он вам нужен, если вы этого хотите, я, конечно, отвечу — берите его.

Отец промолчал, но по лицу его было видно, что он очень

доволен, рассказывал Франклин. Именно такие ответы ему нравились. Это должно было еще больше усилить его симпатию к Эйзенхауэру, особенно поскольку он понимал, как трудно было бы генералу обходиться без Бутчера.

— Я еще посмотрю, Айк. Быть может, это и не понадобится. Я вас извещу. Если вы будете говорить об этом с Бутчером, обязательно скажите ему, что Элмер сам назвал его кандидатуру. Во всяком случае, дело решится не раньше января.

Я уверен, что через два месяца, когда было решено, что Элмер Дэвис остается на своем посту, Бутчер был очень доволен.

Вечером, когда я вернулся на виллу, отца волновали две темы. Он зло ругал конгрессменов, мешавших стране напрячь все силы для ведения войны. В тот вечер многим в Вашингтоне должно было икаться, особенно Ванденбергу, Тафту, О'Даниэлю и Фишу. Второй темой была совершенная отцом поездка, которая дала ему очень много интересных впечатлений. Он видел кочующее арабское племя с его караваном верблюдов, он видел десятки сожженных танков и грузовиков, разбросанных по полям недавних боев; он долго осматривал высоту 609 — невзрачный холм, где погибло столько американцев, но где зато наши солдаты стали зрелыми воинами.

Общество отца за обедом составляли суровый и молчаливый Леги, адъютанты отца Браун и «папаша» Уотсон, адмирал Макинтайр, Франклин и я. Мы с братом знали, что не сможем сопровождать отца в Каир. Франклин должен был вернуться на свой эсминец, а у меня еще были дела в Ла Марса. Все же мы поехали в Эль Ауина проводить отца и его спутников. На аэродроме к нам присоединился Гарри Гопкинс; одно место в самолете было отведено для него.

Перед самым вылетом отец снова вернулся к вопросу, по которому он уже спорил с Франклином в субботу, — почему бы Франклину сейчас же не отправиться с ним в Каир. Но брат только улыбнулся и помахал ему рукой на прощанье; около половины одиннадцатого грузный «С-54» оторвался от земли. На обратном пути в Карфаген Франклин объяснил мне суть своего спора с отцом. Дело заключалось в том, что его эсминец «Мэйрант» был поврежден в бою у Палермо; две немецкие бомбы взорвались очень близко от него, а третья попала прямо в корабль. Через несколько дней эсминец должен был выйти из Гибралтара в долгий и опасный путь в Соединенные Штаты, чтобы стать там на ремонт. Франклин и слышать не хотел о том, чтобы он, офицер «Мэйранта», не принял участия в плавании, грозившем опасностью экипажу корабля.

У меня в тыловом штабе оставалось еще работы на сутки. Во

вторник вечером я явился к генералу Эйзенхауэру, вместе с которым я должен был вылететь в Каир. Кроме генерала Айка и меня, на этом самолете летело еще с полдесятка его штабных офицеров и мой зять майор Джон Беттигер, прибывший из Италии, где он был прикомандирован к союзной военной администрации. Самолет «С-54» генерала Эйзенхауэра вылетел из Туниса после наступления темноты; на рассвете мы приближались к Египту, а утром уже кружились над каирским аэродромом нашего Воздушного транспортного корпуса. В третий раз за время войны мне предстояло присутствовать на конференции.

Глава шестая
Первая Каирская

Когда мы летели ночью над огромной пустыней, лежащей между Тунисом и Египтом, я в течение некоторого времени слышал, как мой зять жаловался генералу Эйзенхауэру на трудности, с которыми приходилось сталкиваться офицерам военной администрации в Италии. Потом я задремал и проснулся, когда мы уже приближались к Каиру.

Этот город представляет собой эффектное зрелище. Сотни миль вы летите над коричневым однообразием пустыни, и вдруг, совершенно неожиданно, перед вами возникает ослепительно яркая зеленая полоса. Это тянущаяся с севера на юг узкая лента плодородной земли, орошаемой Нилом. Мы на короткое мгновение высунули головы, пытаясь разглядеть пирамиды у Гиза. «Где же Сфинкс? Вот это?» — И тут наш самолет стал снижаться, направляясь к зеленой полосе, и, сделав вираж над грязно-голубым Нилом, приземлился на аэродроме Пэйн, к юго-востоку от города. Здесь нас поджидали штабные машины, на которых мы снова пересекли Нил, на этот раз в обратном направлении, и, проехав по тесным улицам Каира, прибыли в его западный пригород Мена, где уже два дня шла конференция.

Так же, как и в Касабланке, Майк Рейли со своими людьми позаботился о том, чтобы район конференции был отгорожен колючей проволокой. Большинство участников конференции разместилось в гостинице «Мена хауз», которую, по-видимому, строил архитектор викторианской эпохи. Отец поселился на вилле нашего посла Кирка, а Чан Кайши с женой и Черчилль, прибывшие днем раньше, заняли соседние виллы. Думаю, что, несмотря на колючую проволоку, Майк пережил во время Каирской конференции немало волнений: в его представлении Каир просто кишел политическими фанатиками, которые с удовольствием убили бы любого или даже всех руководящих деятелей, поселившихся по соседству, в пригороде Мена.

Около половины одиннадцатого штабная машина доставила меня к вилле Кирка. Я отправился прямо к отцу, который в это время еще завтракал в постели. У него был бодрый, отдохнувший вид. Я спросил его, что происходит на конференции.

— Что происходит? Очень многое. Очень многое!

— А именно?

— Как тебе сказать… Я познакомился с генералиссимусом Чан Кайши, ездил осматривать пирамиды, получил телеграмму от

Дяди Джо…

— Вот как! О чем же?

— Он сообщает, что будет в Тегеране в следующее воскресенье, двадцать восьмого.

— Значит, встреча определенно состоится?

— Как будто, — сказал отец, отправляя в рот кусок яичницы и подмигивая мне.

— Как тебе понравился генералиссимус Чан Кайши?

Он пожал плечами. — Впечатление примерно такое, как я и ожидал. Они с женой обедали у меня вчера и потом сидели часов до одиннадцати. Он знает, чего он хочет, и понимает, что не может получить всего, что хочет. Но мы что-нибудь придумаем. — Отец отодвинул поднос. — Помоги мне, Эллиот, — он оперся на мою руку, встал и начал одеваться, продолжая разговаривать. В это время я стащил с подноса несколько кусочков поджаренного хлеба и налил себе кофе.

— Уже состоялось два пленарных заседания с участием Объединенного совета начальников штабов. Но эти совещания носили, пожалуй, слишком официальный характер. Во всяком случае, действительное положение в Китае, в Бирме, в Индии не обсуждалось. Из вчерашней беседы с супругами Чан Кайши я узнал больше, чем за те четыре часа, что я провел на заседаниях с Объединенным советом начальников штабов.

— Что же ты узнал?

— Я узнал, что война не ведется и почему она не ведется. Что бы там ни писали газеты, войска Чан Кайши вовсе не дерутся. Он утверждает, что его войска не обучены и не имеют вооружения — и нетрудно ему поверить. Но этим все же нельзя объяснить, почему он так упорно мешает генералу Стилуэллу обучать китайские войска. И этим нельзя объяснить, почему он держит сотни тысяч своих лучших солдат на северо-западе, на границах Красного Китая.

Вошел камердинер Артур Приттимен, вынес поднос и вернулся, чтобы помочь отцу одеться.

Отец продолжал говорить. Он рассказывал о трудностях снабжения, о сопротивлении англичан строительству дороги Ледо,[6] о нежелании англичан вести наступление через бирманские джунгли, о проблемах, связанных с доставкой грузов по воздуху через Гималаи, и об огромных потерях, которыми сопровождаются эти транспортные операции. Мне приходилось раньше беседовать со многими летчиками Воздушного транспортного корпуса, которые досконально знали условия работы на китайско-бирманско-индийском театре, и слышать от них очень много жалоб. Я рассказал об этом отцу. Он кивнул

головой.

— Да, работать там — не шутка, — сказал он. — Тихоокеанский театр называют забытым театром. Но по сравнению с китайско-бирманско-индийским театром это самое оживленное место на свете. Здесь нельзя позавидовать никому, начиная со Стилуэлла и кончая последним из его подчиненных. На их долю выпало вести большую войну почти с пустыми руками. Нельзя винить их, если они забывают, что сейчас самое главное — война в Европе и что, как только мы ее выиграем, центр тяжести передвинется по направлению к Японии и Филиппинам. По направлению к Стилуэллу он никогда не передвинется, но мы не можем порицать генерала за то, что он пытается добиться этого. На днях я видел Стилуэлла на штабном совещании и попросил его как-нибудь урвать время, чтобы побеседовать со мной наедине. Я даже не представляю себе, что делалось бы сейчас в Китае, если бы не он. Фактически, конечно, в Китае задача сводится к одному — надо, чтобы Китай продолжал воевать, сковывая тем самым японские войска.

Я спросил, что делают англичане на китайско-бирманско-индийском театре.

— Я предполагал, что с появлением Маунтбэттена там начнутся большие дела, — заметил я.

Отец улыбнулся.

— Вероятно, и Маунтбэттен так думал, — ответил он. — Сейчас он пытается заполучить достаточное количество десантных судов для нападения на Андаманские острова.

— Андаманские острова? Это где же?

— Послушать Черчилля, так это важнейший стратегический пункт к востоку от его любимых Балкан. Острова эти расположены в Бенгальском заливе, у Южной Бирмы. Англичане рассчитывают использовать их в качестве базы для наступления на Рангун.

— Но ведь, очевидно, все наличные десантные суда предназначаются для второго фронта, который должен быть открыт весной?

— Поверишь ли, Эллиот, англичане опять начинают высказывать всяческие сомнения насчет западного фронта.

— Насчет операции «Оверлорд»? Но ведь мне казалось, что в Квебеке этот вопрос был уже окончательно решен!

— Всем нам так казалось. И вопрос действительно был решен. Но Уинстон продолжает говорить всем о своих сомнениях.

— Чем он их объясняет?

— Он по-прежнему носится с планом вторжения через Балканы. «Общий фронт с русскими», изволите ли видеть.

Генерал Маршалл… очень терпелив, очень вежлив и очень тверд. Мне кажется, что Уинстон начинает сильно недолюбливать Джорджа Маршалла. Он понял, что как бы он себя ни держал заискивал, убеждал, сердился, — Маршалл все же предпочитает стратегию удара прямо Гитлеру в зубы.

— Не позавидуешь тому, кому приходится спорить с английским премьер-министром.

— А ведь я знаю человека, — сказал отец, — который заслуживает медали за то, что умеет ладить с Черчиллем. Это — Айк Эйзенхауэр.

— Кстати! — воскликнул я. — Это напоминает мне…

— Что? — спросил отец. — И, пожалуйста, говори поскорей, потому что в одиннадцать, то есть всего через пять минут, у меня назначена встреча с Объединенным советом начальников штабов.

— Ты всерьез говоришь, что Айк заслуживает медали?

— Конечно, всерьез, но он отказывается от наград. Когда Макартур был награжден медалью Почета, мы предложили такую же медаль Эйзенхауэру, но Айк отказался принять ее. Он сказал, что эта медаль дается за личную доблесть, а он не проявил никакой доблести.

— Примерно месяц назад мне случилось беседовать с Бидлом Смитом, сказал я. — И он мне сообщил, что существует и такая медаль, которую хочет получить Айк, — медаль Заслуженного Легиона. Как утверждает Бидл, Айк говорил ему однажды, что это единственная медаль, которую он действительно хотел бы иметь. По словам Смита, она нравится ему потому, что ее может получить всякий солдат, хотя бы за то, что он превосходный повар. Но Айк еще не получил ее.

Отец задумался и затем улыбнулся.

— А могли бы мы сохранить это дело в тайне?

— Почему бы нет?

— Ладно. Если бы ты мог послать Смиту телеграмму с просьбой составить наградной лист с перечислением заслуг Айка — Северо-Африканская кампания, Сицилийская кампания и т. п. — и если бы он сумел во-время доставить эту медаль сюда, я бы сам приколол ее на грудь Айку до отъезда в Тегеран.

— Я сейчас же займусь этим, — сказал я.

* * *

Пока отец совещался с Объединенным советом начальников штабов, я отправился наверх в приготовленную для меня комнату, умылся и затем устроил себе настоящий завтрак. Он был

подан в очень приятном месте — на залитой солнцем плоской крыше виллы Кирка, откуда открывался прекрасный вид на пирамиды. Эта роскошь напомнила мне о том, что в Каире будет не так, как в Касабланке: на эту конференцию флот командировал восемь старших официантов и поваров-филиппинцев, обладающих изумительным умением устраивать вполне приличные банкеты из армейского пайка и заботиться о вкусах каждого в отдельности. В частности, это значило, что мне больше не придется играть роль виночерпия, и, следовательно, хотя я по-прежнему буду адъютантом отца, мне не придется теперь быть у него под рукой каждую минуту и на каждом совещании. Это значило, что я буду свободнее и смогу даже время от времени покидать виллу.

Сидя на крыше в это солнечное утро, я отдыхал телом и душой, лениво разглядывая пирамиды и размышляя, как, вероятно, делал бы всякий на моем месте, о времени и вечности, о войнах, бушевавших возле этих пирамид, о полководцах прошлого, о фараонах, цезарях, королях, фельдмаршалах…

Личный врач отца адмирал Макинтайр своим приходом прервал (слава богу!) эти размышления за чашкой кофе. Его беспокоил намеченный полет отца в Тегеран.

— Как можно беспокоиться о чем бы то ни было под этим солнцем, Мак?

— Я говорю серьезно, Эллиот. По-моему, он должен лететь только до Басры, а оттуда ехать поездом. Ведь в Иране горы — ему придется лететь на довольно большой высоте, а высота…

— Но ведь там наверное есть и перевалы.

— И все-таки… Вы будете завтракать с ним?

— Как будто.

— Вас он послушает. Очень прошу вас, скажите ему, что, по-вашему, он должен проехать последнюю часть пути поездом. Я говорю совершенно серьезно.

— А вы советовались с Отисом Брайаном?

— Нет.

— Я попрошу его разобраться в этом деле и выяснить, нет ли там перевалов. На какой высоте отцу можно лететь?

— Не выше семи с половиной тысяч футов. Но это предел.

— Ладно, я поговорю с Брайаном. Он достаточно летал с отцом и поймет, в чем дело. Можете не беспокоиться, Мак, я беру это на себя.

Происходившее внизу совещание закончилось около часа дня. Я спустился, чтобы пожать руку Черчиллю, Гарри Гопкинсу и всем остальным, кого я не видел с Касабланки, — генералу Маршаллу, генералу Арнольду, адмиралу Кингу, генералу Сомервеллу и их

английским коллегам. Перед завтраком я имел возможность провести несколько минут наедине с отцом. Я спросил его, как идут дела с планом «Оверлорд».

— Весьма неопределенно, — ответил он, улыбаясь. — Во всяком случае, с английской точки зрения. Все же планы, принятые в Квебеке, остаются в силе.

Он на секунду задумался и затем продолжал:

— Они выдвинули идею операции небольшого масштаба, например, вторжения в Норвегию, с тем, чтобы центр тяжести все же оставался на Средиземном море. Но вопрос еще не решен.

Отец многозначительно кивнул головой в сторону Маршалла и продолжал:

— Генерал Маршалл — по-прежнему наша главная фигура на совещаниях. С его точки зрения, единственный подлежащий разрешению вопрос — это кандидатура командующего нашими силами вторжения на Западе.

К нам подошли Гарри Гопкинс и Джон Беттигер, и отец отправился посидеть с ними в саду до завтрака. За столом деловых разговоров было очень мало; Гарри лишь напомнил отцу, что в этот день супруги Чан Кайши устраивали прием.

— Да, да, верно. Но мне не удастся туда попасть. Послушай, Эллиот, вот как раз дело для тебя. Ты не возражаешь?

— Итти к Чан Кайши на прием? Конечно, пойду, если у тебя нет для меня других поручений.

— Сегодня, — сказал отец, — если не считать нескольких официальных визитов, у меня будет немного дел. Ты оставайся здесь и занимай моих посетителей, а около половины пятого можешь отправиться к супругам Чан Кайши.

— Что мне сказать по поводу твоего отсутствия?

— У меня на пять часов назначена встреча с Лоренсом Штейнгардтом.

Штейнгардт был нашим послом в Турции, а вопрос о вступлении Турции в войну на стороне союзников служил в то время темой для бесчисленных догадок. Я спросил отца, принято ли уже какое-нибудь решение по этому вопросу.

— Окончательное решение еще не принято, — ответил он. — Но для меня это вопрос решенный.

Гарри Гопкинс усмехнулся. Видно было, что они уже обсуждали этот вопрос и что кто-то другой возражал против их решения. Нетрудно было также догадаться, что этот другой был английский премьер-министр.

— А твое решение о Турции совершенно секретное, папа?

Отец засмеялся. — Я, кажется, уже говорил о нем всем и каждому, сказал он. — Турция вступит в войну на нашей стороне

лишь в том случае, если мы дадим ей очень много вооружения по ленд-лизу. Зачем ей это нужно? Для того, чтобы быть сильной после войны? Уинстон считает необходимым дать ей оружие, чтобы она вступила в войну. Но почему он так считает? Ведь производить поставки Турции значит дать меньше оружия для вторжения в Европу.

— Может быть вступление Турции в войну на нашей стороне явилось бы для Черчилля лишним доводом в пользу того, чтобы ударить по Гитлеру со стороны Средиземного моря? — сказал я.

— Вполне возможно, — сказал отец ироническим тоном.

После завтрака начались «официальные визиты», о которых говорил отец; вилла Кирка при этом выглядела, как центральный вокзал в Нью-Йорке в часы «пик».

Мы организовали нечто вроде конвейера: встречали посетителей в передней, провожали их в гостиную, угощали их папиросами, болтали с ними в течение нескольких минут и затем, в условленное время, по определенному сигналу, провожали их в сад, где сидел отец либо с Гарри, либо со мной, либо со своим адъютантом Уотсоном.

В числе посетителей, явившихся между четвертью третьего и половиной пятого, были: глава канцелярии египетского короля Ахмед Мохаммед Хассеейн-паша; египетский премьер и министр иностранных дел Мустафа Нахас-паша (он представлял его величество короля Фарука I, который недавно расшибся во время автомобильной катастрофы и поэтому не мог явиться лично); его величество греческий король Георг (о нем отец сказал: «Милейший парень, хоть и совершенный болван!»); премьер-министр и министр иностранных дел греческого эмигрантского правительства Эммануэль Цудерос; английский посол в Египте лорд Киллерн; его величество король Югославии Петр (я спросил отца, какое впечатление на него произвел Петр, по-видимому, просивший, чтобы американцы помогли ему удержаться на шатающемся троне; отец был искренне удивлен тем, что кто-нибудь может всерьез интересоваться его мнением о Петре. «Что же можно о нем думать? Ведь это просто мальчик. Все, что он говорит, придумано за него другими»); премьер-министр и министр иностранных дел Югославии Пурич; греческий принц Павел; главнокомандующий английскими силами на Среднем Востоке генерал сэр Генри Мэйтланд Вильсон вместе с главнокомандующим американскими силами на Среднем Востоке генералом Ройсом; командующий английской авиацией на Среднем Востоке главный маршал авиации сэр Шолто Дуглас; командующий английскими военно-морскими силами в районе Леванта адмирал сэр Алджернон Уиллис и командующий

английскими войсками в Египте генерал Р. Стоун.

Когда наплыв посетителей спал, мне удалось перемолвиться несколькими словами с Гарри Гопкинсом.

— Насколько я понимаю, снова разгорелся старый спор отца с премьер-министром, — сказал я.

Гарри пожал плечами.

— Да, но в несколько иной обстановке, — ответил он. — Во-первых, теперь наша промышленность заработала по-настоящему. Мы даем танки, суда, орудия. Это новое обстоятельство. Отныне война будет вестись при помощи американской техники и, в основном, американцами. Разве это не меняет дела?

— Еще бы!

— Кто же тут старший партнер и кто младший? — Гарри посмотрел на меня и задумался. — И все же Уинстон знает, что эта конференция происходит на территории Британской империи. Это играет какую-то роль. И вот еще что: эта конференция по своей повестке отличается от всех других. Она посвящена, главным образом, дальневосточным и ближневосточным делам, т. е. речь идет о людях и вопросах, сравнительно новых для американцев, в том числе и для вашего отца. А Черчилль и Иден изучали все тонкости дальневосточных и ближневосточных дел еще с приготовительного класса. Им все это давно знакомо — на этом зиждется их империя.

— Так кто же все-таки старший и кто младший партнер? — спросил я.

— На этот счет можете не беспокоиться, — заверил меня Гарри. — Старший партнер по-прежнему — ваш отец. Но он не торопится. Он хочет еще посмотреть и послушать. Он изучает обстановку, но хозяином по-прежнему остается он.

В половине пятого я сложил с себя обязанность встречи посетителей и отправился выполнять свою новую роль — представлять отца на приеме у супругов Чан Кайши. Явившись на их виллу, расположенную в одной-двух милях от нашей, я обнаружил, что дочь Черчилля Сара выступает там в аналогичной роли — как представительница своего отца. Однако не успел я побеседовать с ней, как г-жа Чан Кайши увела меня и усадила рядом с собою. Она произвела на меня впечатление очень способной актрисы. Минут тридцать с лишним она с большим увлечением поддерживала оживленный разговор и при том все время устраивала так, чтобы этот разговор вращался вокруг моей персоны. Уже много лет никто не удостаивал меня такой искусной лести и не расточал мне таких чар. Она говорила о своей стране, но это послужило ей только поводом к тому, чтобы уговаривать меня приехать после войны в Китай и поселиться

там. Не интересуюсь ли я животноводством? В таком случае мне не найти лучшего места, чем Северо-Западный Китай. Расписывая самыми радужными красками, какое состояние может составить себе там энергичный и способный человек, используя труд китайских кули, она вся подавалась вперед, улыбалась мне, соглашаясь со всем, что я говорил, и уверенно опираясь рукой на мое колено. В течение первых нескольких минут я старался убедить себя в том, что эта дама совершенно искренне и чистосердечно поглощена беседой и что у нее нет никаких задних мыслей. Но в ее манере держаться чувствовался какой-то холодный расчет, отнюдь не совместимый с полной искренностью. Я вовсе не думаю, что она придавала моей персоне столь большое значение, чтобы из каких-либо скрытых побуждений пытаться покорить меня и завоевать мою прочную дружбу. Мне просто кажется, что г-же Чан Кайши в разговорах с людьми, особенно с мужчинами, так часто приходилось пускать в ход свои чары и симулировать интерес к собеседнику, что это стало ее второй натурой. И, откровенно говоря, мне не хотелось бы познакомиться с ее подлинной натурой — она, должно быть, ужасна.

Когда она отошла от меня и направилась к другому гостю, я выпил большой стакан виски и стал обходить комнату, беседуя со знакомыми. Вокруг блистали золотом генеральские и адмиральские мундиры; здесь были в полном составе все три союзные миссии, за исключением только их глав. Разговоры сливались в сплошной гул. Меня представили генералиссимусу, который не говорит по-английски, и мы, через переводчика, обменялись несколькими пустыми любезностями. Примерно через час я распрощался и поспешил к отцу. Он в это время еще беседовал с Штейнгардтом; здесь же был один из экспертов государственного департамента по ближневосточным делам Джордж Аллен. Когда я вошел в комнату, они уже собирались уходить.

— Как прошел прием? — спросил отец.

— Хорошо, — сказал я.

Штейнгардт и Аллен пробыли еще несколько минут, договорились с отцом о новой встрече после его возвращения из Тегерана в Каир и обсудили с ним вопрос о целесообразности приезда в Каир президента Турции Исмета Иненю, учитывая отношение отца к возможности вступления Турции в войну. Когда они ушли, я сказал:

— Насколько я понимаю, они, как и ты, считают, что Турция не должна вступать в войну.

Отец кивнул головой в знак согласия и вернулся к вопросу о

приеме у генералиссимуса. Ему хотелось знать, какое впечатление произвели на меня супруги Чан Кайши. Я особенно подробно рассказал ему о своем впечатлении от г-жи Чан Кайши. Он выслушал меня, задумался и сказал нахмурясь:

— Я, пожалуй, не стал бы отзываться о ней так резко. Она, без сомнения, человек беспринципный. И я, конечно, не хотел бы слыть ее врагом, если бы жил в Китае. Но кто в Китае мог бы сейчас заменить Чан Кайши? Там просто нет другого лидера. При всех недостатках супругов Чан Кайши, нам приходится опираться на них.

Я рассказал отцу, что встретил на этом приеме генерала Ройса, который пригласил меня пообедать у него и потом провести с ним вечер в Каире. Отец разрешил мне воспользоваться этим приглашением.

— Все равно сегодня вечером не предстоит никаких особых дел. Здесь будут только Гарри, Билль Леги, Уотсон и Мак. Был даже разговор о картах. Иди. Можешь повеселиться.

Я провел вечер в одном из каирских ночных клубов с генералом Ройсом и еще несколькими офицерами. В начале первого, когда я вернулся на виллу отца, его гости уже расходились; мы с ним отправились в его комнату. Он поинтересовался, как я провел вечер, а я спросил, не знает ли он, как прошло совещание Объединенного совета начальников штабов. Проходя мимо гостиницы «Мена хауз», я всякий раз видел на балконах офицеров, очевидно, умудрявшихся одновременно заниматься деловыми разговорами, дышать свежим воздухом и загорать.

Отец сказал, что, по словам Леги, некоторые успехи уже имеются, но окончательное соглашение еще не достигнуто. Англичане по-прежнему очень настойчиво (эта настойчивость, по мнению отца, объяснялась влиянием премьер-министра) указывали на различные действительные и воображаемые недостатки плана «Оверлорд», который был составлен летом и пересмотрен осенью. Однако американцы с еще большей твердостью (которая, как нетрудно было догадаться, объяснялась влиянием отца и генерала Маршалла) настаивали на целесообразности этой операции и отвергали всякие второстепенные варианты, предусматривавшие операции в Норвегии или в районе Средиземного моря.

— Насколько я понимаю, — продолжал отец, — Маршалл и Кинг очень недовольны тем, что им приходится снова бороться за дважды принятый план, и, по правде говоря, я понимаю их недовольство.

По-видимому, упорство, с каким англичане возражали против

намечавшейся на западе операции, было в какой-то мере связано с трениями между английским и американским командующими на китайско-бирманско-индийском театре. Разногласия состояли, во-первых, в том, что англичане считали совершенно невозможным сколотить из китайцев сколько-нибудь боеспособную армию, тогда как Стилуэлл пытался это сделать, правда, пока еще безрезультатно. Во-вторых, в Бирме англичане проводили тактику медленного развертывания операций малого масштаба, тогда как мы настаивали на самом быстром развитии операций возможно более крупных масштабов. Я высказал мнение, что, с точки зрения имперских интересов англичан, их военная доктрина вполне разумна.

— Конечно, — раздраженно сказал отец. — Но их имперские идеи — это идеи девятнадцатого, если не восемнадцатого или даже семнадцатого века. А мы воюем в двадцатом веке. Слава богу, сейчас положение несколько изменилось, и мы уже не боремся за самое свое существование; но ведь нам угрожала серьезная, исключительно серьезная опасность, и одной из основных причин было то, что они считают Британскую империю вечной. Я указывал Уинстону, в качестве примера, на отношение Америки к Филиппинам — наши первые шаги в области народного просвещения, наши попытки переложить ответственность за Филиппины на самих филиппинцев…

— Что же он ответил?

— Только представь себе! Говорит, что филиппинцы — люди другого сорта, что они обладают от природы большей самостоятельностью, готовы взять на себя большую ответственность. Он утверждает, что мы просто не понимаем индийцев, бирманцев, яванцев и даже… китайцев.

Отец спокойно отдыхал; на следующий день предстояло не слишком много работы, и ему хотелось еще поговорить. Мы закурили и в течение некоторого времени болтали о всякой всячине. Мы пытались предугадать, что даст конференция в Тегеране, как будет держать себя Дядя Джо.

— Я уверен в одном, — сказал отец, — в его лице я найду союзника в вопросе о необходимости вторжения в Европу с запада. Ведь если дела в России пойдут и дальше так, как сейчас, то возможно, что будущей весной второй фронт и не понадобится!

В то время Красная Армия стремительно наступала по равнинам России, продвигаясь все ближе к старой польской границе, от которой ее отделяло сперва сто, потом шестьдесят и, наконец, только пятьдесят миль. Уже был освобожден Киев. Настроение у нас было прекрасное: чувствовалось, что конец

войны уже близок, и, не боясь сглазить, я напомнил отцу о его предсказании, что Германия падет через двенадцать месяцев.

— Дай мне лучше тринадцать месяцев, а не двенадцать, Эллиот, — сказал он. — Нет, пожалуй, даже четырнадцать, только не тринадцать.

— Но ведь все равно в какой-то момент до победы останется тринадцать месяцев.

— Нет, с четырнадцати месяцев мы сразу перескочим на двенадцать, знаешь, как в мамином доме на Вашингтон-сквер, где за двенадцатым этажом сразу идет четырнадцатый. Тринадцатого этажа там вовсе нет.

— Послушай, ведь уже первый час, то есть четверг. Значит, я могу поздравить тебя с Днем Благодарения.[7]

— Да, и надо сказать, нам есть, за что поблагодарить бога.

Я ушел спать в половине второго, оставив отца с детективным романом в руках.

* * *

Утром отец принял Аверелла Гарримана и сэра Александра Кадогана, а потом целый час занимался дипломатической почтой, прибывшей из Вашингтона. Около полудня явились Черчилль и супруги Чан Кайши вместе со своими военными и военно-морскими советниками, и все общество отправилось в сад, где ожидали фотографы. За завтраком снова зашел разговор о проблемах снабжения, причем главными его участниками были лорд Лезерс, посол Вайнант, Льюис Дуглас и помощник американского военного министра Джон Макклой. Когда мы вышли из-за стола, мне сообщили, что майор Отис Брайан вернулся; по нашей просьбе он с Майком Рейли летал в Тегеран, чтобы проверить, насколько обоснованы опасения Макинтайра по поводу высоты гор, над которыми отцу предстояло лететь. Увидев меня, Отис показал мне большой палец в знак того, что все обстоит благополучно.

— Все в порядке, — заявил он. — Если погода будет не слишком скверной, нам вряд ли придется набирать много больше семи тысяч футов.

Отец был очень доволен: его отнюдь не прельщала перспектива поездки в медленно ползущем душном поезде.

В это время в огромной кухне нашей виллы шли приготовления к большому банкету в честь Дня Благодарения. Супруги Чан Кайши не могли присутствовать на нем, и поэтому генералиссимус с женой пришли к нам просто на чашку чая. Мы

сидели вчетвером в тенистом саду. Разговор вела главным образом г-жа Чан Кайши. Она убедительно излагала свои планы повышения уровня грамотности в Китае после войны на основе своего рода «бэйсик чайниз» (упрощенного китайского языка), в котором число иероглифов было бы сокращено до тысячи двухсот или полутора тысяч, то есть почти до числа слов в «бэйсик инглиш». Она рассказывала и о других намеченных реформах, и отец, всегда относившийся к китайскому народу с большим уважением и серьезно интересовавшийся проблемами Китая и перспективами его развития, слушал ее очень внимательно. Я помнил слова отца о том, что в настоящее время в Китае нет другого лидера, который мог бы продолжать войну; у меня создалось впечатление, что, по мнению отца, с реформами придется подождать, пока на смену супругам Чан Кайши не придут новые руководители.

Незадолго до ухода г-жа Чан Кайши, выступая в качестве переводчика своего мужа, упомянула о каком-то предварительном соглашении, достигнутом между ним и отцом для укрепления внутреннего единства Китая и касавшемся конкретно китайских коммунистов. Я насторожил было уши, но разговор сразу же перешел на другую тему: очевидно, этот вопрос уже подробно обсуждался ранее, причем между Чан Кайши и отцом было достигнуто полное согласие.

Обед по случаю Дня Благодарения доставил всем нам истинное удовольствие. Прежде всего, этот день был отмечен самыми счастливыми предзнаменованиями. Как мы уже констатировали накануне вечером, советские войска двигались вперед, сметая все на своем пути; конференция союзников близилась к успешному, как все надеялись, концу; предстояла новая, быть может, самая плодотворная и важная из всех конференций; единство союзников, несмотря на все испытания, которым оно подвергалось, достигло, казалось, своей высшей точки, и в ближайшие дни ожидалась личная встреча с четвертым членом «Большой четверки»; захват островов Тарава и Макин и группы островов Гилберта, сопровождавшийся кровавыми жертвами, был уже пройденным этапом; мощь наших воздушных армад над Европой непрерывно возрастала, в чем убедился Берлин после пятого массированного налета.

Итак, рассаживаясь в День Благодарения за большим столом на вилле Кирка, все мы были в праздничном настроении. Отец привез из дому индеек, полученных им в подарок от Эдуарда Стеттиниуса — в то время помощника государственного секретаря, и от некоего Джо Картера из города Бэрнт Корн в штате Алабама.

— Только представьте себе удивление этого Джо, когда он узнает, как далеко залетели его птицы, прежде чем попасть на стол, — сказал отец, разрезая индейку (он очень любил это занятие). За столом сидели Черчилль со своей дочерью Сарой, Иден, коммодор Томпсон, лорд Моран, Леги, Вайнант, Гарриман, Гопкинс со своим сыном Бобом, Уотсон, адмиралы Макинтайр и Браун, Штейнгардт, наш хозяин Кирк, Джон Беттигер и я. За окнами, в саду, оркестр, прибывший из нашего военного лагеря Хэкстеп, расположенного недалеко от Каира, играл танцевальную музыку.

К концу обеда отец произнес тост. Он вкратце коснулся обычая праздновать День Благодарения; напомнил, что сегодня американские солдаты и матросы знакомят население более двух десятков иностранных государств с этой американской традицией; затем он сказал:

— И это, конечно, заставляет меня еще раз подумать о том, что я имею удовольствие обедать в День Благодарения с премьер-министром Великобритании.

Черчилль встал, чтобы ответить на этот тост, но отец еще не кончил.

— Большие семьи, — продолжал он, — бывают обычно дружнее маленьких… и поэтому сейчас, когда народы Соединенного Королевства вошли в нашу семью, мы представляем собой большую и еще небывало дружную семью. Я пью за наше единство, и да пребудет оно вовеки!

Премьер-министр произнес ответный тост. Он прекрасно говорил экспромтом. Он тоже восхвалял единство, достигнутое нами в годы войны, и призывал к его сохранению и укреплению.

Лишь вечером, после обеда, отцу удалось встретиться для частной беседы с генералом Стилуэллом. Высокий тощий генерал пришел около десяти часов; к половине одиннадцатого они с отцом сидели рядом на диване в гостиной и беседовали. Мы с зятем Джоном и Гарри Гопкинсом сидели неподалеку, время от времени перебрасываясь словами, но больше прислушивались к беседе.

Стилуэлл, он же «Джо Уксус», говорил непринужденно, откровенно и спокойно. Он ни разу не повысил голоса и почти не жаловался, хотя и то и другое было бы вполне оправдано. На его долю выпала нелегкая задача. Он рассказал о трудностях, с которыми встречался в своих отношениях с Чан Кайши и с китайским военным министром генералом Хо Инцином, но тут же, в ответ на вопрос отца, добавил, что сумеет их преодолеть. Стилуэлл заметил, что, будь в его распоряжении больше материалов по ленд-лизу, работать было бы легче, но,

предвосхищая ответ, признал, что увеличить поставки почти невозможно. Отец расспрашивал генерала о дороге Ледо: ему хотелось узнать из первоисточника, с какими трудностями связана эта работа и насколько возможно успешное разрешение столь небывало сложной технической задачи. Стилуэлл сообщил отцу, что англичане возражают против постройки дороги, ссылаясь на всевозможные причины, начиная с малярии и кончая погодой. Но к тому времени на совещаниях в «Мена хауз» уже одержала верх американская точка зрения, и Стилуэлл спокойно и убедительно объяснил отцу, почему дорога должна быть построена.

В Каире англичане пытались добиться пересмотра принятого в Квебеке решения относительно военных материалов, предназначенных для китайско-бирманско-индийского театра; при этом они добивались, главным образом, не уменьшения поставок, а переадресования их в другие пункты. Стилуэлл изложил отцу свои соображения. Он настаивал на том, что утвержденные в Квебеке нормы можно пересмотреть только в сторону их повышения.

Стилуэллу не пришлось доказывать, что из китайцев можно сделать хороших солдат; в этом вопросе отец готов был полностью поддержать генерала. Отец поинтересовался, какие успехи достигнуты в обучении китайских войск. Стилуэлл ответил, что в составе действующей армии уже имеются две китайские дивизии, обученные американцами.

— Пока они дерутся хуже, чем им следовало бы, — добавил он. — И, по правде говоря, мне хотелось бы поскорее вернуться туда, чтобы помочь им пережить испытание первых боев. Я уверен, что их поведение — просто результат необстрелянности, но, к сожалению, англичане узнали, что произошло, когда эти дивизии впервые попали под огонь, и тотчас подняли шум.

Стилуэлл был уверен, что, в конечном счете, его оценка боеспособности китайцев подтвердится. Сейчас приятно сознавать, что, как это всегда бывает с такими прекрасными полководцами, он оказался прав.

Стилуэлл явно понравился отцу; он продержал генерала на диване рядом с собой целый час и выразил сочувствие по поводу трудностей, с которыми ему приходилось сталкиваться. Затем Стилуэлл ушел.

Позднее, когда я проводил отца в его комнату, и мы закурили перед сном, он опять заговорил о тернистом пути Стилуэлла. Отец рассказал мне, что англичане не согласны и с нашей стратегией на Тихом океане.

— Они не одобряют прыжков с острова на остров, — сказал

он, — и совершенно не способны понять наш план использования Филиппин как базы для будущих операций против Японии. — Отец иронически улыбнулся. — Возможно, им не верится, что филиппинцы нас поддержат, поскольку сами они вряд ли могут рассчитывать на поддержку со стороны населения своих колоний. Во всяком случае, — продолжал он, — англичане считают, что мы должны отказаться от этих скачков и заняться только очищением Малайского полуострова, после чего мы смогли бы медленно двигаться дальше вдоль китайского побережья и создать там базу для будущих операций против Японии.

Через наших моряков до меня уже дошли слухи о предстоящих высадках на китайском побережье, и я сказал об этом отцу.

— Да, конечно, — ответил он, — это тоже входит в наши планы, но мы намечаем эти операции значительно севернее, англичане же считают их там практически неосуществимыми. Кроме того, картина, которую рисует наша разведка, сильно отличается от того, что видят англичане. Англичане считают, что побережье Китая наводнено японцами, мы же хорошо знаем, что значительная часть этого побережья находится в руках китайских партизан.

Я спросил, не являются ли эти партизаны китайскими коммунистическими войсками; отец утвердительно кивнул головой.

— Между прочим, — сказал он, — Чан Кайши старается убедить нас в том, что китайские коммунисты совершенно не воюют с японцами. Но мы знаем, каково истинное положение дел.

Мне случайно стало известно, что все данные воздушной фоторазведки китайской территории, производившейся нашей 14-й воздушной армией, хранились в строгой тайне от англичан, и я сказал об этом отцу.

— Мы уже давно договорились об этом с китайцами, — ответил он. Китайцы усиленно добивались от нас обещания не показывать англичанам карт, составленных нашей воздушной разведкой. Они даже заставили нас дать такое обещание еще до того, как мы приступили к работе. Их точку зрения не трудно понять. Они знают, что англичане хотят получить доступ к этим картам из коммерческих соображений, имея в виду интересы послевоенной торговли. Кстати, несколько дней назад мы беседовали об этом с Чан Кайши за обедом. Он усиленно добивается нашей поддержки, чтобы не позволить англичанам вернуться в Гонконг, Шанхай и Кантон с теми же правами экстерриториальности, которыми они пользовались до войны.

Я спросил отца, намерен ли он поддержать китайцев в этом

вопросе.

— Не безоговорочно, — ответил отец. — Еще до того, как Чан Кайши поставил этот вопрос, я выразил ему неодобрение по поводу характера его правительства. Я сказал, что оно отнюдь не является демократическим в современном смысле слова. Я заявил, что еще до окончания войны он должен будет сформировать правительство национального единства совместно с яньаньскими коммунистами. И он пошел на это, правда, с одним условием: он хочет получить от нас заверение в том, что Советский Союз согласится уважать границу Манчжурии. Последний вопрос будет обсуждаться в Тегеране.

— Значит, если тебе удастся уладить эту сторону дела со Сталиным, Чан Кайши согласится сформировать в Китае более демократическое правительство? И в качестве компенсации за это…

— Совершенно верно. В качестве компенсации за это мы будем поддерживать его позицию, заключающуюся в том, что Англия и другие страны не должны больше пользоваться особыми империалистическими правами в Гонконге, Шанхае и Кантоне.

Несомненно, это соглашение сулило много хорошего.

— Меня особенно обрадовало то, что генералиссимус Чан Кайши согласился привлечь коммунистов к участию в национальном правительстве еще до выборов, — добавил отец. — Фактически, в качестве гарантии, что мы его не обманем, он хочет от нас только одного: чтобы после капитуляции Японии мы обеспечили такое положение, при котором английские военные корабли не будут входить в китайские порты. Эти порты должны быть открыты только для американских военных кораблей. И я лично поручился ему за это.

— Тебе трудновато будет добиться согласия Черчилля на такое условие, заметил я.

— Он не сможет особенно спорить, потому что разгром Японии будет осуществлен на девяносто девять процентов американским оружием и американскими войсками, — возразил отец решительным тоном. — После войны задачей американской внешней политики будет заставить англичан, французов и голландцев понять, что они могут управлять своими колониями только на основе тех методов, какие применяем мы на Филиппинах.

Отец заметил, что большинство китайцев считает японскую колониальную политику лучше английской, французской и голландской.

Он беседовал с генералиссимусом не только о будущем Китая, но и о Малайских княжествах, о Бирме, об Индо-Китае и об

Индии; и, очевидно, Чан-Кайши был очень ободрен позицией отца в этих вопросах. Отец заявил ему, что англичанам придется удовлетвориться сохранением преимущественного экономического положения в Индии, предоставив стране политическую независимость, французы же после войны не получат права вернуться в Индо-Китай и снова вступить во владение этой богатой страной на том единственном основании, что она некогда была их колонией. Самое большее, на что могут рассчитывать французы, — это получить опеку над своими колониями и нести за нее ответственность перед организацией Объединенных наций. В конечном же счете этим колониям будет предоставлена независимость, как только Объединенные нации убедятся в том, что они уже созрели для самоуправления. Отец высказывал такой же взгляд почти год назад, и время лишь укрепило его убеждение.

* * *

На следующее утро отец был очень занят. Ему пришлось принять Джемса Лэндиса, Аверелла Гарримана, лорда Луиса Маунтбэттена (который хотел изложить свою особую точку зрения по поводу споров о китайско-бирманско-индийском театре), г-жу Чан Кайши, адмирала Леги и посла Вайнанта. Наконец, мне все же удалось прорваться к нему на минуту и сообщить, что затребованная мною по его поручению медаль Заслуженного Легиона доставлена.

— Прекрасно! — воскликнул отец, очень любивший такие сюрпризы. Устрой так, чтобы после завтрака Айк пришел сюда.

В половине третьего пришли генералы Эйзенхауэр и Маршалл, и отец объявил, что у него приготовлен небольшой сюрприз. По просьбе отца Уотсон зачитал заранее заготовленный приказ. Генерал Эйзенхауэр стоял в это время навытяжку. Когда приказ был прочитан, отец попросил Айка подойти к нему и сам приколол медаль к его кителю.

— Вы это заслужили, Айк, и заслуживаете гораздо большего, — сказал отец.

Айк ответил со слезами на глазах:

— Это счастливейшая минута в моей жизни, сэр. Такая награда для меня ценнее всякой другой.

* * *

После завтрака состоялось заключительное политическое совещание. Супруги Чан Кайши, Черчилль, Гарриман, Идеи и Кадоган собрались в саду и в течение двух часов совместно с президентом разрабатывали текст коммюнике, которое должно было быть опубликовано после Тегеранской конференции. Из него мир должен был узнать, что Манчжурия, Формоза и Пескадорские острова будут возвращены Китаю, а Корея после долгих лет угнетения вновь обретет свободу.

Мы обедали в своем кругу; отец и его спутники рано легли спать, так как им предстояло встать в пять часов утра, чтобы попасть в Тегеран до наступления темноты. На всем пути ожидалась хорошая погода. Я не полетел вместе с ними, так как у меня в Каире был свой самолет, на котором прилетел майор Леон Грей. Я хотел отправиться в Тегеран на этом самолете, потому что не знал, сколько времени мне удастся пробыть в Иране, и должен был иметь возможность вылететь оттуда в любой момент. Кроме того, генерал Эйзенхауэр пригласил меня на экскурсию для осмотра достопримечательностей Луксора.

Поэтому, когда отец и его спутники вылетели, мы с Леоном Греем и еще одним членом нашего экипажа, сержантом Крамом, отправились вниз по течению Нила, чтобы встретиться с Айком и его спутниками. В субботу вечером мы прибыли в Луксор и остановились в местном отеле, где для нас были приготовлены номера. Нас ожидал там приятный сюрприз — в комнате рядом с вестибюлем стояло старое потрепанное пианино, и сержант Крам с радостным возгласом бросился к нему. В мирное время он был пианистом в оркестре Кэй Кайзера; сейчас он с наслаждением уселся за пианино, размял пальцы и принялся за дело. После обеда он играл часа два с лишним; все мы, включая Айка, сидели и слушали, как зачарованные. Стоило только закрыть глаза, и казалось, что ты снова дома и войны уже нет.

На следующий день мы посетили гробницы фараонов, потом на нескольких старых «фордах» выехали на пикник и закончили этот день отдыха и безделья осмотром огромного, величественного храма в Карнаке.

Все мы отбросили всякие заботы; только одного генерала Эйзенхауэра все время мучила мысль, что в результате совещаний в Каире и Тегеране и всех споров о вторжении в Европу командование этим последним наступлением союзников будет поручено генералу Маршаллу, а ему, Эйзенхауэру, дадут почетное повышение, назначив на какую-нибудь кабинетную должность в военном министерстве.

Три или четыре раза он с тоскою в голосе заговаривал о своих опасениях; я вполне допускаю мысль, что он делал это потому,

что рядом с ним находился сын главнокомандующего; но я тут ничего не мог сделать, если бы даже и считал себя вправе вмешаться. Я мог только высказаться в таком духе, что мол, «начальники штабов, несомненно, посоветуются с вами, сэр, прежде чем принять окончательное решение». Однако даже в этом я не был уверен.

Мы с Леоном Греем и сержантом Крамом собирались вылететь в Тегеран на следующий день, но наш «Б-25» закапризничал, и с ним пришлось повозиться. Мы вылетели только под вечер в понедельник 29-го, рассчитывая пересечь Аравийскую пустыню с одной лишь посадкой в Хабанайе для заправки горючим.

Приземлившись на тегеранском аэродроме в половине десятого во вторник, мы узнали, что невольно причинили множество забот и хлопот. Из-за плохого состояния средств связи в этой части света нам не удалось известить отца, что мы задержимся на день в Луксоре; все были уверены, что нам пришлось совершить вынужденную посадку где-то в Аравийской пустыне, и уже собирались послать самолеты на розыски. Такая вынужденная посадка действительно не доставила бы нам особого удовольствия, так как всем известно, что кочевники Саудовской Аравии — люди весьма неприятные. Поэтому отец, узнав о нашем благополучном прибытии, почувствовал облегчение.

Признаться, я испытывал то же чувство.

Глава седьмая
Тегеранская конференция

Перед глазами 77 американцев, прибывших на конференцию в Тегеран, совершенно неожиданно предстал современный город. Его дома и железнодорожные сооружения теснятся кучками у подножья невысокого горного хребта. Этот хребет вместе с горами, высящимися к западу и югу от него, замыкает котловину, внутри которой и лежит Тегеран, а кругом на много миль простирается пустынная местность с редкими деревнями, пересекаемая одной или двумя железнодорожными ветками. Решение «Большой тройки» встретиться здесь было компромиссом, и мне думается, что ни один из трех основных участников встречи не был вполне удовлетворен этим выбором. Сталин, загруженный своими обязанностями командующего, настаивал на том, чтобы встреча состоялась в городе, расположенном не далее дневного перелета от Москвы. В результате «Большая тройка» собралась в столице государства, соблюдавшего дружественный нейтралитет, в столице одной из Объединенных наций; впрочем, сказать об этой стране еще что-нибудь положительное было бы трудно.

Зато было очень легко найти здесь много отрицательного. Во-первых, до самого последнего времени Тегеран был центром всей шпионской сети держав оси на Среднем Востоке, и представитель нашей секретной службы Майк Рейли разделял убеждение агентов советской секретной службы в том, что, несмотря на все предосторожности, среди тысяч беженцев, нахлынувших в Тегеран из Европы, были десятки нацистских агентов и профашистов. Во-вторых, Тегеран одно из самых скверных мест в мире в отношении гигиенических условий. Питьевая вода течет в город с гор по открытым каналам. Ваше счастье, если вы живете в верхних предместьях города, так как вы можете первым пользоваться этой водой. Но в то же время вы становитесь и врагом общества, ибо пользуетесь этими каналами не только как водопроводом, но и как канализацией. Таким образом, те, кто имеет несчастье жить в центре или в нижних предместьях города, получают в качестве питьевой воды помои своих соседей, и надо удивляться, если люди не заболевают тифом, малярией или дизентерией. Почему этот город с широкими, гладко замощенными улицами, сравнительно современными больницами, университетом, музеями, хорошей электростанцией и даже телефонной сетью не позаботился о том, что, казалось бы,

следовало сделать в первую очередь — о надлежащей системе водоснабжения и канализации, — остается тайной.

И хотя во всех остальных отношениях Тегеран выглядит как современный цветущий город, сразу же заметно, что экономику Ирана нельзя назвать ни современной, ни цветущей. Вокруг столицы простираются степи, в которых пасутся стада, принадлежащие кочевым племенам. Кочевники прозябают в крайней нищете, за исключением разве севера страны, где земля более плодородна и где поэтому жить легче. На юге расположены нефтяные промыслы английское концессионное предприятие, приносящее огромные богатства тонкой прослойке знатных персов и правительственных чиновников, но ровным счетом ничего не дающее остальным гражданам.

И в довершение всего, война породила сильнейшую инфляцию: цена мешка муки превысила годовой доход любого иранца, если не считать правительственных чиновников в Тегеране. Беженцам приходилось платить за пачку американских папирос сумму, равную 5 американским долларам, за автомобильную шину — 2 000, за радиоприемник — 8 000, за швейцарские ручные часы — 15000.

Перед лицом такой бешеной дороговизны иранские чиновники только разводили руками, но ничего не предпринимали.

Все это, конечно, стало нам известно лишь после того, как мы провели в Тегеране несколько дней. Приземлившись на аэродроме, мы потратили целый час на ожидание армейской машины, которая отвезла бы нас в город. От нечего делать мы осматривали тем временем аэродром, на котором рядами стояли доставленные по ленд-лизу самолеты «П-39» со свеженарисованными на крыльях красными звездами. После этого я провел еще час в разъездах по Тегерану по неверным адресам. Я направился, разумеется, прежде всего в американскую миссию, но там мне сказали, что отец остановился в советском посольстве. Как мне стало позднее известно, это объяснялось серьезными причинами. Вначале отец отклонил приглашение, исходившее от самого маршала Сталина, мотивируя это тем, что он чувствовал бы себя более независимо, не будучи ничьим гостем; кроме того, он уже раньше отклонил приглашение, полученное от англичан, и теперь боялся обидеть их, приняв приглашение русских. Но все же соображения удобства и, что было еще важнее, безопасности, в конечном счете, побудили его согласиться. Американская миссия находится довольно далеко как от английского, так и от советского посольств, которые разделяет только улица. И поскольку город, несомненно, был наводнен шпионами держав

оси (впоследствии агенты советской секретной службы сообщили об аресте нескольких лиц, подготовлявших покушение на жизнь членов «Большой тройки»), было совершенно разумно поселиться в самом безопасном месте. Посол Гарриман указал отцу, что, случись что-нибудь с английскими или советскими представителями на пути в американскую миссию, отец счел бы себя ответственным за это.

Разумеется, русские приложили все усилия, чтобы сделать отцу приятным его пребывание в посольстве: Сталин сам поселился в одном из домов поменьше, предоставив отцу главное здание. Как и в Каире, питанием отца ведали прекрасные повара и официанты — филиппинцы, находившиеся на службе во флоте США и прибывшие сюда вместе с отцом.

Большим удобством для отца было также расположение комнат: его комнаты выходили прямо в зал посольства, где должны были происходить все пленарные заседания конференции.

* * *

Мне удалось увидеть отца лишь в двенадцатом часу утра; только тут я узнал, что мое опоздание его встревожило.

— Разве ты мало занят в связи со встречей со Сталиным и другими делами, чтобы волноваться еще из-за моего опоздания?

— Что же случилось? Мы запросили Палестину…

Дело в том, что первоначально Эйзенхауэр собирался совершить двухдневную экскурсию по Палестине, и лишь после отъезда отца решил вместо этого отправиться в Луксор.

— Прости меня, папа. Если бы мы имели возможность связаться с вами по радио…

— И особенно после того, как англичане рассказали нам о судьбе людей, совершающих вынужденные посадки в Аравии, — добавил он.

Я спросил у отца, не занят ли он и не следует ли мне сейчас убраться.

— У меня нет никаких дел, только несколько писем из Вашингтона, ответил он. — Посиди со мной.

Мы находились в его гостиной — простой, удобной, хорошо обставленной комнате на первом этаже. Окна ее выходили на территорию посольства с ее живописными цветущими садами. Я сел на кушетку рядом с отцом. Несмотря на усталость от долгого ночного полета, я был возбужден и очень хотел узнать, как обстоят дела. Встреча, над организацией которой отец свыше года

работал в это тяжелое, кровавое время, теперь должна была состояться.

— Какой он, папа? Или ты его еще не видел?

— Дядю Джо? Как же, я видел его. В субботу я хотел пригласить его на обед, но он ответил, что очень устал. Вчера под вечер, когда я приехал сюда, он зашел ко мне.

— Прямо сюда?

Отец рассмеялся.

— Маршал сидел вот здесь, на этой кушетке, Эллиот, как раз на том месте, где сейчас сидишь ты.

— А премьер-министр?

— На первый раз были только я и Дядя Джо. Ну и его переводчик Павлов, разумеется.

Я спросил отца, не присутствовал ли при этом и эксперт государственного департамента по русским делам Чарльз Болен.

— Знаешь, — улыбнулся отец, — мне советовали пригласить его. Но я рассудил, что Сталин воспримет отсутствие нашего переводчика как свидетельство того, что я доверяю ему и не питаю никаких подозрений. И к тому же, по существу говоря, это намного упрощает дело и экономит время.

Я кивнул в знак согласия. Это было действительно правильное решение, даже если бы Сталин и относился к англичанам и американцам без всяких подозрений. Оно должно было создать неофициальную, не стесненную дипломатическим этикетом атмосферу дружбы и сердечного союза.

— О чем вы говорили? — спросил я. — Или это государственная тайна?

— Вовсе нет, — возразил отец. — Разговор проходил большей частью в таком духе: «Как вам понравилось ваше помещение?», «Я вам очень благодарен за то, что вы предоставили мне этот дом», «Что нового на Восточном фронте?» (Кстати, оттуда поступают прекрасные новости. Сталин очень доволен; он надеется, что еще до того, как мы отсюда разъедемся, Красная Армия перейдет границу Польши.) В общем, вот такой разговор. У меня и не было особенного желания сразу же приступить к делу.

— Прощупывали друг друга, так что ли?

Отец нахмурился:

— Я бы выразился не так.

— Я пошутил, — поправился я.

— Мы знакомились друг с другом, выясняли, что мы за люди.

— Что же он за человек?

— Как тебе сказать… У него густой низкий голос, он говорит неспеша, кажется очень уверенным в себе, нетороплив — в общем, производит сильное впечатление.

— Он тебе понравился?

Отец решительно кивнул головой.

Сталин пробыл у него всего несколько минут, затем явился с официальным визитом министр иностранных дел Молотов, а в 4 часа состоялось первое пленарное заседание «Большой тройки». Англичане снова были представлены лучше всех. У них было восемь делегатов во главе, разумеется, с Черчиллем. Американских представителей было семеро: отец, Гопкинс, Леги, Кинг, генерал-майор Дин (наш военный атташе в Москве), капитан Ройал и Болен; в меньшинстве оказались русские: Сталин, Молотов, Ворошилов, один секретарь и переводчик Сталина Павлов.

— Сталину показали наш план операции «Оверлорд», — сказал отец с улыбкой. — Он взглянул на него, задал один-два вопроса и затем прямо спросил: «Когда?»

Я заметил, что это заседание было, вероятно, очень интересным, и спросил, где были в это время Маршалл и Арнольд. Оказалось, что они перепутали программу дня и предприняли поездку на машине по Тегерану.

— Я уверен, что мы со Сталиным поладим, — сказал отец. — В ближайшие дни будет ликвидировано немало недоразумений и подозрений прошлого, надеюсь, раз и навсегда. Что же касается Дяди Джо и Уинстона…

— Не так гладко, что ли?

— Здесь мне придется основательно потрудиться. Они так непохожи друг на друга. Такая разница во взглядах, в темпераментах…

Отец рассказал мне об обеде, который он дал накануне в честь Сталина, Черчилля и высших дипломатических советников, и о том, как после обеда они просидели до 11 часов, осторожно и неторопливо беседуя о политике. При этом необходимость в переводе оказалась незначительной помехой; зато очень серьезной помехой была диаметральная противоположность взглядов Сталина и Черчилля.

Отцу показалось забавным, что в одном отношении Черчилль реагировал на присутствие маршала Сталина, как самый обыкновенный смертный: хотя в Касабланке Черчилль обычно носил синий в полоску костюм, а в Каире, как правило, белый летний, в Тегеране, увидев маршала Сталина в военном мундире, Черчилль тоже надел свой мундир высшего офицера Королевских воздушных сил.

Я полюбопытствовал, какие именно политические вопросы обсуждались после обеда.

— Мы говорили обо всем, что нам приходило на ум, —

ответил отец. — Он перечислил темы беседы: послевоенная организация мира, организация трех государств, которые должны будут поддерживать мир, точная договоренность насчет того, что мир до такой степени зависит от единства действий этих трех государств, что в важных вопросах отрицательная позиция хотя бы одного из них должна будет налагать вето на спорное предложение в целом. Отец сказал, что вопрос о праве вето подлежит еще тщательному обсуждению, но, что, вообще говоря, он поддерживает этот принцип, учитывая бесспорную необходимость сохранения единства «Тройки» в будущем.

— Мы пришли к согласию относительно того, — добавил он, — что в случае необходимости мир надо будет поддерживать даже силой. Главное для нас договориться о том, что будет являться в послевоенном мире зоной общей безопасности для каждой из наших стран. Эта работа еще впереди, но мы уже приступили к ней.

Секретарь отца лейтенант Ригдон просунул голову в дверь и напомнил об ожидавшей просмотра вашингтонской почте. Я направился к выходу, но отец вернул меня.

— Кстати, — сказал он торжествующе, — ты, вероятно, еще не слышал о результате субботнего матча.

— Матча? — спросил я в полном недоумении.

— Армия против флота. Ты уж, конечно, ставил на армию. Плати десять долларов. Счет — 13:01 — и он протянул руку.

— Я предпочел бы, чтобы ты занимался государственными делами, — заявил я недовольным тоном, отдавая ему деньги.

Выйдя в переднюю, я услышал голоса в зале заседаний, где в это время усердно работали представители американского, английского и советского штабов. Я вышел из дома, чтобы осмотреть территорию посольства. Повсюду была расставлена русская охрана, состоявшая в большинстве из офицеров. Все они отличались очень высоким ростом, не ниже 6 футов 2 дюймов. Я разгуливал по двору довольно долго и при этом обнаружил, что в результате соответствующего расположения охраны и установки специальных щитов советское и английское посольства были фактически превращены в одну большую усадьбу, окруженную со всех сторон бдительной стражей. Многие из охраняющих, как я заключил по их штатской одежде, были агентами советской секретной службы. У всех подозрительно оттопыривались пиджаки: очевидно, эти люди были основательно вооружены. Сталин явно не хотел рисковать безопасностью своих гостей.

После завтрака отец принял американских начальников штабов, чтобы заслушать их доклад об успехах, достигнутых на утреннем заседании. Леги, Маршалл и остальные выражались

лаконично и точно. Не прошло и 15 минут, как они закончили свои доклады о переговорах, касавшихся, главным образом, операции «Оверлорд»: ее сроков, масштабов и руководства ею.

Когда они ушли, чтобы продолжать совещание со своими английскими коллегами и немногочисленными советскими представителями, я направился к отцу, ожидая с некоторым волнением условленного визита Сталина и Молотова. Они прибыли точно в назначенное время в сопровождении худощавого Павлова. Меня представили. Мы пододвинули кресла к кушетке отца; я уселся, собираясь с мыслями. Я был удивлен тем, что Сталин ниже среднего роста, хотя мне и раньше рассказывали об этом. К моему большому удовольствию он весьма приветливо поздоровался со мной и так весело взглянул на меня, что и мне захотелось улыбнуться.

Когда Сталин заговорил, предложив предварительно мне и отцу по русской папиросе с двухдюймовым картонным мундштуком, которая содержит на две-три затяжки крепкого темного табаку, я понял и другое: несмотря на его спокойный низкий голос, размеренную речь и невысокий рост, в нем сосредоточена огромная энергия; он, по-видимому, обладает колоссальным запасом уверенности и выдержки. Слушая спокойную речь Сталина, наблюдая его быструю, ослепительную улыбку, я ощущал решимость, которая заключена в самом его имени: Сталь.

В последующие 45 минут говорили, главным образом, отец и он. Вначале я больше разглядывал нашего гостя и отметил, что он был одет в хорошо сшитый военный костюм цвета беж. Через некоторое время я стал прислушиваться к разговору. Они беседовали о Дальнем Востоке, о Китае, о вопросах, которые отец ранее обсуждал с генералиссимусом Чан Кайши. Отец говорил о стремлении Чан Кайши покончить с экстерриториальными правами Англии в Шанхае, Гонконге и Кантоне, о его тревоге по поводу Манчжурии и о том, что Советский Союз должен уважать границу Манчжурии. Сталин ответил, что для него основной принцип — международное признание суверенитета Советского Союза и что, само собой разумеется, он, в свою очередь, будет уважать суверенитет других стран, больших и малых. Затем отец перешел к другим темам, затронутым в его беседах с Чан Кайши, рассказал об обещании последнего ввести китайских коммунистов в правительство до всенародных выборов в Китае и провести эти выборы как можно скорее после победы. На каждое замечание отца после перевода Сталин отвечал кивком головы: казалось, он полностью соглашается с ним.

Собеседники не обсуждали других политических вопросов. В

остальном беседа была совершенно неофициальной и непринужденной. Примерно в половине четвертого «папаша» Уотсон заглянул в дверь и объявил, что все готово. Мы встали и направились в зал заседаний.

Оказалось, что там все было подготовлено для официальной церемонии: Черчилль должен был вручить Сталину от имени короля и английского народа большой двуручный меч — дань уважения героям и героиням легендарного Сталинграда, где был окончательно сломлен хребет наступавшей нацистской армии и навсегда развеян миф о непобедимости нацистов.

Зал заседаний был полон: почетный караул, состоявший из офицеров Красной Армии и английских «томми», красноармейский оркестр, руководители армий и флотов трех великих держав, объединившихся против фашистов. Когда мы с отцом вошли, Сталин и Черчилль были уже в зале. Оркестр сыграл сначала советский национальный гимн, затем английский. Музыка наполняла комнату и лилась в открытые окна. Торжественность момента отражалась на всех лицах. Премьер-министр произнес: «Его Величество король Георг VI повелел мне вручить Вам для передачи городу Сталинграду этот почетный меч, сделанный по рисунку, выбранному и одобренному Его Величеством. Этот почетный меч изготовлен английскими мастерами, предки которых на протяжении многих поколений занимались изготовлением мечей. На лезвии меча выгравирована надпись: «Подарок короля Георга VI людям со стальными сердцами — гражданам Сталинграда в знак уважения к ним английского народа».

Черчилль принял меч из рук английского офицера, повернулся и передал его маршалу, позади которого стоял почетный караул красноармейцев-автоматчиков. Молча, но с видимым интересом они наблюдали, как их главнокомандующий взял меч у Черчилля, подержал его одно мгновение, затем поднес к губам и поцеловал его рукоятку.

Нам перевели ответ Сталина:

— От имени граждан Сталинграда я хочу выразить свою глубокую благодарность за подарок короля Георга VI. Граждане Сталинграда высоко оценят этот подарок, и я прошу Вас, г-н премьер-министр, передать их благодарность Его Величеству королю.

Наступила пауза. Маршал медленно обошел кругом стола, приблизился к отцу и протянул ему меч для осмотра. Черчилль держал ножны, а отец вынул из них 50-дюймовый клинок из закаленной стали. Я был ослеплен его блеском. Руки отца казались маленькими в сравнении с размерами рукоятки, на

которой уместились бы четыре руки. Король, глава империи, послал через своего премьер-министра-консерватора этот подарок, изготовленный мастерами, которые сами были своего рода аристократами, занимаясь аристократическим средневековым ремеслом. И этот подарок был вручен сыну сапожника, большевику, вождю диктатуры пролетариата, и он спокойно наблюдал, как руководитель величайшей в мире производственной машины поднял этот меч ввысь.

— Действительно, у них стальные сердца, — тихо произнес отец.

Меч со звоном вернулся в ножны. По окончании этой демонстрации величайшего единства премьер-министр и маршал направились вместе с отцом на террасу посольства, чтобы сфотографироваться.

Все трое уселись в кресла, поставленные в центре террасы, украшенной шестью большими колоннами. Вокруг них разместились министры, послы, генералы и адмиралы. Фотографы становились на колени, приседали, нагибались над штативами кинокамер, бегали взад и вперед в поисках лучшей перспективы. Делегаты ближе придвинулись друг к другу для группового снимка. Среди них была Сара Черчилль-Оливер в форме женского вспомогательного корпуса военно-воздушных сил. Ее представили маршалу, который вежливо встал и склонился над ее рукой. В 15 минут съемки были закончены. Снова начались переговоры.

На этот раз в совещании приняло участие 12 американцев, 11 англичан и 5 русских, и оно длилось более трех часов. В ожидании конца совещания я успел вздремнуть, что было очень кстати. Пробило пять, шесть, семь часов… Наконец, около четверти восьмого отец разбудил меня. По его лицу было видно, что он очень устал.

— Мне придется переодеться к обеду, — пожаловался он, — я безусловно предпочел бы сначала прилечь.

— А почему бы и нет?

— Знаешь, мне кажется, что я слишком устал и издерган.

— Может быть ты почувствуешь себя лучше, если выпьешь?

— Спасибо, потом. Я подожду, может быть выпью коктейль перед тем, как начать одеваться. Теперь мне только хочется прилечь. Сегодня мы будем в гостях у Сталина, — добавил отец, — а это значит, что обед будет в русском стиле и, если наши эксперты из государственного департамента опять не напутали, за обедом будет множество тостов!

Отец закрыл было глаза, но не заснул. Сняв очки, он протер глаза обеими руками, затем протянул руку за папиросой.

— Этот человек умеет действовать. У него цель всегда перед глазами. Отец говорил медленно и задумчиво. — Работать с ним — одно удовольствие. Никаких околичностей. Он излагает вопрос, который хочет обсудить, и никуда не отклоняется.

— «Оверлорд»?

— Да, он говорил об этом. И мы тоже обсуждали этот вопрос.

— Англичане все еще возражают?

— Как сказать… сейчас Уинстон говорит о двух одновременных операциях. Мне кажется, он понимает, что теперь уже нечего и пытаться возражать против вторжения на западе. Маршалл слушает слова премьер-министра с таким выражением, как будто не верит собственным ушам. Вспомнив об этом, отец рассмеялся. — Уж если есть американский генерал, которого Черчилль не выносит, то это Маршалл. И происходит это, бесспорно, потому, что Маршалл прав. Я надеюсь, когда-нибудь вся Америка поймет, чем она обязана Джорджу Маршаллу. Никто не может сравниться с ним. Никто!

— Что же подразумевает Черчилль под двумя одновременными вторжениями?

— Одно на западе, а другое… угадай где.

— На Балканах?

— Конечно. — Отец снова рассмеялся, вспоминая то, что происходило на совещании. Он приподнялся на локте, чтобы видеть меня, и сказал:

— Знаешь, Эллиот, в одном отношении эти пленарные заседания поразительны. Всякий раз, когда премьер-министр настаивал на вторжении через Балканы, всем присутствовавшим было совершенно ясно, чего он на самом деле хочет. Он прежде всего хочет врезаться клином в Центральную Европу, чтобы не пустить Красную Армию в Австрию и Румынию и даже, если возможно, в Венгрию. Это понимал Сталин, понимал я, да и все остальные…

— Но он этого не сказал?

— Конечно, нет. А когда Дядя Джо говорил о преимуществах вторжения на западе с военной точки зрения и о нецелесообразности распыления наших сил, он тоже все время имел в виду и политические последствия. Я в этом уверен, хотя он об этом не сказал ни слова. — Отец снова лег и замолчал.

— Я не думаю… — начал я нерешительно.

— Что?

— Я хочу сказать, что Черчилль… словом, он не…

— Ты думаешь, что он, быть может, прав? И, быть может, нам действительно было бы целесообразно нанести удар и на Балканах?

— Ну…

— Эллиот, наши начальники штабов убеждены в одном: чтобы истребить как можно больше немцев, потеряв при этом возможно меньше американских солдат, надо подготовить одно крупное вторжение и ударить по немцам всеми имеющимися в нашем распоряжении силами. Мне это кажется разумным. Того же мнения и Дядя Джо и все наши генералы. И они придерживались этого мнения всегда, с самого начала войны. Пожалуй, даже раньше, с тех самых пор, как наш отдел оперативного планирования впервые начал размышлять о том, что нужно будет делать, если начнется война. Представителям Красной Армии это тоже кажется разумным. Так обстоит дело. Таков кратчайший путь к победе. Вот и все. На беду, премьер-министр слишком много думает о том, что будет после войны и в каком положении очутится тогда Англия. Он смертельно боится чрезмерного усиления русских. Может быть, русские и укрепят свои позиции в Европе, но будет ли это плохо, зависит от многих обстоятельств. Я уверен в одном: если путь к скорейшей победе ценой минимальных потерь со стороны американцев лежит на западе, и только на западе, и нам нет нужды понапрасну жертвовать своими десантными судами, людьми и техникой для операций в районе Балкан, — а наши начальники штабов убеждены в этом, — то больше не о чем и говорить. Отец хмуро усмехнулся.

— Я не вижу оснований рисковать жизнью американских солдат ради защиты реальных или воображаемых интересов Англии на европейском континенте. Мы ведем войну, и наша задача выиграть ее как можно скорее и без авантюр. Я думаю, я надеюсь, Черчилль понял, что наше мнение именно таково и что оно не изменится. — Отец снова закрыл глаза, и наступила тишина, нарушавшаяся лишь тиканьем часов; это напомнило мне о времени.

— Устроить тебе ванну, папа?

— А который час? Ого! Да… и позови Артура. И как насчет коктейля, о котором ты говорил?

— Сделать тебе «старомодный» коктейль?

— Но только не крепкий, Эллиот. Не забывай, сколько тостов мне предстоит!

* * *

Обед состоялся в столовой, смежной с залом заседаний. Кроме отца и премьер-министра, маршал Сталин пригласил Антони Идена, Молотова, Гарримана, Гарри Гопкинса, Кларка

Керра и в качестве переводчиков Болена, Бережкова и майора Бирзе.

Я не получил приглашения, но, в то время когда подавали первое, один из русских, стоявший за спиной Сталина, заметил меня у бокового входа и, наклонившись к Сталину, шепнул ему что-то. Увидев, что маршал посмотрел в мою сторону, я в замешательстве поспешно ретировался, но он сразу встал и пошел за мной. Прибегнув к жестам, он совершенно ясно выразил желание, чтобы я присоединился к обществу; переводчик подтвердил это любезное приглашение по-английски; как он объяснил мне, маршалу не было известно, что его секретарь не пригласил меня. Маршал взял меня за руку и привел обратно в комнату; для меня освободили место между Иденом и Гарриманом.

Итак, я впервые попал на банкет в русском стиле. Разумеется, была водка, но, к счастью, было также и легкое сухое белое вино, и русское шампанское, которое мне очень понравилось. Я говорю «к счастью», так как ни один разговор не обходился без бокала, иначе это противоречило бы самому значению слова «разговор»: ведь мы разговаривали только тостами. Такой вид беседы может показаться несколько громоздким, но если у вас достаточно крепкая голова, это даже очень весело. Так, если вы хотите сказать что-нибудь даже на такую скучную тему, как погода, вы заявляете:

— Я хочу предложить тост за прекрасную погоду! — Затем вы встаете, чтобы выпить, и все остальные тоже поднимаются и пьют. Целая система. Тост может быть даже политическим.

— Я хочу предложить тост, — воскликнул один из русских, — за ваши будущие поставки по ленд-лизу, которые, я уверен, начнут прибывать вовремя, не запаздывая, как сейчас! — Все встали, осушили бокалы и снова уселись.

Блюда следовали одно за другим в величайшем изобилии. Относительно блюд на русском обеде у меня тоже есть своя теория: их так много потому, что у вас почти нет возможности попробовать каждое из них. Слишком часто вам приходится вставать, чтобы обмениваться речами, вернее, тостами. Примерно на середине обеда Гарри Гопкинс, который с самого начала чувствовал себя не очень хорошо, извинился и ушел. Это было единственным дезертирством с американской стороны. Остальные американцы с твердой решимостью и в несколько более веселом, чем обычно, настроении, остались за своими бокалами.

К концу обеда Дядя Джо поднялся, чтобы предложить тост по вопросу о нацистских военных преступниках. Я не могу точно

припомнить его слова, но он произнес примерно следующее:

— Я предлагаю выпить за то, чтобы над всеми германскими военными преступниками как можно скорее свершилось правосудие и чтобы они все были казнены. Я пью за то, чтобы мы объединенными усилиями покарали их, как только они попадут в наши руки, и чтобы их было не меньше пятидесяти тысяч.

Как ужаленный, Черчилль вскочил с места. (Кстати, премьер-министр во время всех тостов пил только свой излюбленный коньяк. Поглощая каждый вечер солидную дозу этого напитка, он хорошо натренировался для беседы такого рода. Все же я подозреваю, что в данный вечер даже этот заядлый пьяница владел языком хуже обычного.) Его лицо и затылок побагровели.

— Подобная установка, — выкрикнул он, — коренным образом противоречит нашему, английскому чувству справедливости! Английский народ никогда не потерпит такого массового наказания. Я пользуюсь этим случаем, чтобы высказать свое решительное убеждение в том, что ни одного человека, будь он нацист или кто угодно, нельзя казнить без суда, какие бы доказательства и улики против него ни имелись!

Я взглянул на Сталина. Видимо, этот разговор очень его забавлял, но он оставался серьезным; смеялись только его глаза. Он принял вызов премьер-министра и продолжал поддразнивать его, очень вежливо опровергая все его доводы и, по-видимому, нисколько не беспокоясь по поводу того, что Черчилль уже безнадежно потерял самообладание.

Наконец, Сталин повернулся к отцу и осведомился о его мнении. Отец давно уже еле сдерживал улыбку, но, чувствуя, что атмосфера начинает слишком накаляться, решил обратить дело в шутку.

— Как обычно, — сказал он, — мне, очевидно, приходится выступить в качестве посредника и в этом споре. Совершенно ясно, что необходимо найти какой-то компромисс между вашей позицией, м-р Сталин, и позицией моего доброго друга премьер-министра. Быть может, вместо казни пятидесяти тысяч военных преступников мы согласимся на меньшее число. Скажем, на сорок девять тысяч пятьсот?

Американцы и русские рассмеялись. Англичане, ориентируясь на своего премьер-министра, который приходил все в большую ярость, сидели молча с вытянутыми лицами. Сталин оказался на высоте положения, подхватил предложенную отцом компромиссную цифру и начал опрашивать всех сидевших за столом, согласны ли они с ней. Англичане отвечали осторожно.

— Данный вопрос, — заявляли они, — требует и заслуживает внимательного изучения. — Американцы отвечали в более

шутливом тоне. Они говорили:

— Давайте прекратим эту дискуссию. До Германии еще очень много миль; до победы над нацистами еще очень много месяцев.

Я надеялся, что Сталин удовольствуется первыми ответами и переменит тему раньше, чем очередь дойдет до меня, но ему, бесспорно, присуща настойчивость. Он обратился с этим вопросом и ко мне и я, несколько нетвердо держась на ногах, встал с места.

— Как сказать, — ответил я и перевел дух, стараясь соображать быстро, несмотря на действие паров шампанского. — Не слишком ли академичен этот вопрос? Ведь когда наши армии двинутся с запада, а ваши будут продолжать наступление с востока, вся проблема и разрешится, не так ли? Русские, американские и английские солдаты разделаются с большинством из этих 50 тысяч в бою, и я надеюсь, что такая же судьба постигнет не только эти 50 тысяч военных преступников, но и еще сотни тысяч нацистов.

И, сказав это, я собрался снова сесть. Но Сталин, сияя от удовольствия, обошел вокруг стола и обнял меня за плечи.

— Превосходный ответ! Тост за ваше здоровье! — Я вспыхнул и уже готов был выпить, так как по русскому обычаю полагается пить даже за свое собственное здоровье, — как вдруг я увидел, что перед самым моим носом кто-то гневно потрясает пальцем.

— Вы что же, хотите испортить отношения между союзниками? Вы понимаете, что вы сказали? Как вы осмелились произнести подобную вещь? Это был Черчилль, взбешенный не на шутку.

Потрясенный тем, что премьер-министр и маршал пикировались прямо над моей головой, я молча уселся на свое место.

К счастью, обед вскоре окончился, и я пошел за отцом в его комнату, чтобы извиниться. Шутка сказать, испортить отношения между союзниками!

Отец хохотал во все горло.

— Не волнуйся, — успокаивал он меня, — ты ответил совершенно правильно. Прекрасный ответ. Уинстон просто потерял голову, увидев, что никто не принимает его слова всерьез. Дядя Джо так допек его, что Уинстон готов был обидеться на любые слова, особенно если они понравились Дяде Джо. Не огорчайся, Эллиот.

— Но ты ведь знаешь… я меньше всего…

— Брось, — сказал отец и снова рассмеялся. — Ведь и Уинстон проспится и забудет все.

Но мне кажется, что он этого так и не забыл. За многие

месяцы, что мне пришлось впоследствии провести в Англии, я уже ни разу не получал приглашения на вечер в Чекерс. Очевидно, Черчилль ничего не забывает.

После этого инцидента я еще больше оценил умение отца находить компромисс между взглядами этих двух людей в конструктивных целях. Я бы не взялся за такое дело.

На следующий день премьер-министр праздновал свое 69-летие; вечером в его честь в английском посольстве должно было состояться большое торжество. Поэтому утром отец воспользовался киоском, открытым специально для него в русском посольстве, чтобы подобрать подходящий подарок. Командующий войсками в районе Персидского залива генерал-майор Конноли доставил в этот киоск довольно много произведений персидского искусства. Среди ножей, кинжалов и ковров отец нашел более или менее старинную чашу. Затем он вернулся к себе, чтобы принять молодого иранского шаха Мохаммеда Реза Пехлеви, прибывшего с официальным визитом в сопровождении своего премьер-министра, министра иностранных дел, а также министра шахского двора Хосейн Ала. Молодой шах слыл весьма легкомысленным человеком, но здесь он держался серьезно и сосредоточенно. Он привез в подарок очень красивый коврик, за который отец поблагодарил его от имени матери.

Покончив с этой формальностью, они повели неофициальную беседу.

Отец, как всегда, интересовался жизнью страны и доискивался методов разрешения стоявших перед ней проблем. Он говорил с представителями Ирана о бесплодных пустынях, составляющих значительную часть страны. Они рассказали ему, что в давние времена их страна была покрыта густыми лесами, а теперь превратилась в море песка. С этой темой отец был хорошо знаком. Воодушевившись, он поставил вопрос о широкой программе лесонасаждения, затем перешел к бедственному положению большинства подданных шаха, связал эти два вопроса и, наконец, выслушал рассказ своих гостей о том, как Англия прибрала к рукам нефтепромыслы и месторождения руд в Иране. Отец сочувственно кивал головой и соглашался с тем, что следует принять меры для охраны природных богатств страны. Простившись с гостями, отец подозвал меня.

— Эллиот, окажи мне одну услугу. Разыщи Пата Хэрли и попроси его заняться составлением проекта меморандума, гарантирующего независимость и экономическую самостоятельность Ирана. Я точно не знаю, когда я смогу с ним встретиться, но попробуй найти свободную минуту, чтобы привести его ко мне. Я хотел бы переговорить с ним

дополнительно по этому поводу.

Мне не удалось разыскать генерала Хэрли до завтрака, на который отец пригласил Сталина, Черчилля и их переводчиков, но как только они ушли, нам с Хэрли удалось зайти к отцу на несколько минут. Отец объяснил, чего он хочет. Хэрли подтвердил, что понял указания, и ушел.

— Побольше бы нам таких людей, — заметил отец, когда Хэрли вышел. Помоги ему, если это понадобится. Соглашение с русскими и англичанами, гарантирующее суверенитет и политическую независимость Ирана… Это было бы хорошим примером того, что мы сумеем осуществить впоследствии. Я хотел бы иметь больше таких людей, как Пат, людей, на которых можно положиться. Чиновники государственного департамента, эти профессиональные дипломаты… я часто сомневаюсь, можно ли им доверять.

На последнем совещании американских, английских и русских начальников штабов, назначенном на четыре часа, присутствовали также отец, премьер-министр и Дядя Джо. Во время совещания я постоял несколько минут на галерее, выходившей в большой зал с круглым столом. По этой галерее непрерывно, молча, настороженно ходили офицеры русской охраны. То, что происходило в зале, можно было назвать демонстрацией единства наших усилий и нашей объединенной мощи: те же двенадцать американцев, одиннадцать англичан и пятеро русских, которые участвовали и в предыдущем пленарном заседании, спокойно и веско высказывали свои мнения, обсуждали все выдвигавшиеся доводы и приходили к окончательным совместным решениям.

В четверть седьмого они разошлись, и я снова зашел к отцу, отдыхавшему перед празднованием дня рождения Черчилля.

— Наконец, решено! — радостно сказал отец. — Правда, уже в четвертый раз, — добавил он слегка упавшим голосом. — Мы пришли к решению относительно вторжения с запада и даже назначили сроки для него.

— Весной? — спросил я.

— 1 мая — счастливый для русских день, ты ведь знаешь, у них это большой праздник. — Отец чувствовал большое облегчение в связи с тем, что достигнуто, как он считал и надеялся, окончательное соглашение, и проблема масштабов и срока решающего усилия союзников, наконец, разрешена. Открытым оставался еще только вопрос о командовании, но отец и Черчилль обещали Сталину, что и этот вопрос будет улажен в ближайшее время — как они полагали, в течение двух недель и, возможно, даже до окончания второй Каирской конференции.

— Мы договорились также и о наступлении с побережья Средиземного моря, — добавил отец.

— Все-таки через Балканы? — спросил я, не веря своим ушам.

— Нет, через Южную Францию. Все начнется одновременно — удары с запада, с юга и русское наступление с востока. Я по-прежнему считаю, что война в Европе закончится к концу 1944 г. Никто не может представить себе, чтобы под согласованным натиском со всех сторон нацистам удалось продержаться больше 9 месяцев после начала нашего наступления.

* * *

В начале девятого отец во фраке и с персидской чашей — своим именинным подарком — в руках направился из советского посольства в английское, охранявшееся индийскими солдатами в тюрбанах. С заросшего лилиями пруда в саду посольства веяло приятной прохладой. Предстоящее торжество было крупнейшим событием в жизни тегеранского света, — а тон задавался в гостиной британского посольства. Среди военных, сверкавших золотым шитьем мундиров, я заметил капитана Рандольфа Черчилля, который был в свите своего отца. Мы поздравили премьер-министра с днем рождения. Он был в своей родной стихии: сиял весельем и добродушием, расплывался в улыбках и непрестанно дымил своей сигарой. Отец преподнес ему свою чашу, пожелав при атом: «Да будем мы вместе много лет». Раздался звон рюмок с коктейлями, и завязалась дружеская беседа, слившаяся в общий гул. Вошел Сталин вместе с Молотовым и Ворошиловым в сопровождении переводчика Бережкова. Все мы направились в столовую — тридцать маршалов, генералов, адмиралов, послов, министров, дипломатов и менее видных персон во главе с премьер-министром, президентом, маршалом и единственной дамой во всем этом обществе — Сарой Черчилль-Оливер.

Отец в шутку заметил, что на обеде, который состоялся накануне, было произнесено 365 тостов — по одному на каждый день в году. На обеде по случаю дня рождения Черчилля тоже соблюдался русский обычай — все провозглашали тосты друг за друга, и я боюсь, что и здесь точный счет был потерян. Я все же помню, что большую часть этого обеда мы провели стоя; помню, как Сталин приветливо чокался с каждым, за кого мы пили; помню и некоторые тосты.

Сталин: «За моего боевого друга Черчилля!» и затем: «За моего боевого друга Рузвельта!»

Черчилль: «За могущественного Сталина!» «За моего друга — президента Рузвельта!»

Отец: «За наше единство — в войне и в мире!»

Тосты следовали один за другим так часто, что мы не успевали садиться; в результате некоторые из нас так и беседовали стоя. Вспоминаю, как в промежутке между какими-то двумя тостами я выслушал соображения Рандольфа Черчилля по весьма важному вопросу, но не помню точно, по какому. Затем наступил момент, когда боги дружелюбия и веселья задремали, и тогда генерал сэр Алан Брук встал и начал распространяться на тему о том, что английский народ пострадал в этой войне больше, чем все другие, больше потерял, больше сражался и больше сделал для победы. По лицу Сталина пробежала тень раздражения. Возможно, что именно это побудило его почти сразу же встать и произнести тост.

— Я хочу рассказать вам, что, с советской точки зрения, сделали для победы президент и Соединенные Штаты. В этой войне главное — машины. Соединенные Штаты доказали, что они могут производить от 8 до 10 тысяч самолетов в месяц. Англия производит ежемесячно 3 тысячи самолетов, главным образом тяжелых бомбардировщиков. Следовательно, Соединенные Штаты — страна машин. Эти машины, полученные по ленд-лизу, помогают нам выиграть войну.

Отец, в свою очередь, воздал хвалу мощной Красной Армии, которая применяет эту технику и, в то время как мы здесь обедаем, упорно теснит нацистские полчища на их собственную территорию.

* * *

На следующий день я должен был вылететь в Тунис, чтобы вернуться к своим обязанностям. Перед вылетом я провел несколько минут с отцом и Патом Хэрли, просматривая составленный Патом (с моей небольшой помощью) проект декларации трех держав об Иране. Она должна была быть подписана в тот же день, в случае согласия с ней Советского Союза и Англии. Отец внимательно прочитал проект, одобрительно кивнул головой и затем весело взглянул на Пата.

— Кстати, Пат, — сказал он, — а где ваша вторая звезда?

— Как? — спросил Хэрли с удивлением.

— Ваша вторая звезда, — повторил отец. — Ведь ваше производство уже одобрено конгрессом. Вас никто не уведомил об этом? Вы уже генерал-майор!

Так Пат Хэрли узнал о своем производстве.

Перед завтраком я попрощался с отцом. Первоначально он намеревался пробыть в Тегеране до пятницы, но метеорологи сообщили майору Отису Брайану, что через Каир проходит волна похолодания, которая может до пятницы захватить и горные перевалы. Поэтому отец попросил русских и англичан изменить свои планы, чтобы дать ему возможность вылететь в тот же вечер. Отец хотел, по возможности, посетить перед возвращением в Каир хотя бы две наши военные базы в Иране. Он сказал мне, что после полудня ему предстоит провести со Сталиным и Черчиллем около 10 часов за обсуждением различных политических проблем. Это было для него тяжелой нагрузкой, тем более, что он уже ощущал усталость, проведя 21 день в дороге и на совещаниях.

— Не знаю, когда я смогу повидать тебя в Каире, папа, — сказал я, — и даже не знаю, смогу ли я вообще быть там.

— Постарайся прилететь туда хотя бы на один день.

— А если я не сумею, то, может быть, мы увидимся, когда ты будешь проезжать Тунис. Так что мы расстаемся всего на несколько дней. До скорого свидания.

Леон Грей и сержант Крам уже ожидали меня на аэродроме. В ту же ночь мы были в Каире, а на следующую — в Тунисе.

Из дневника поездки президента

Отец вылетел из Тегерана в среду в 10.30 вечера, проведя перед этим, как он и предполагал, десять часов подряд на совещании. Он ночевал в американском лагере в Амирабаде, у подножья Эльбурса. На следующий день отец выступил экспромтом перед ранеными, лежавшими в полевом госпитале:

— В течение последних четырех дней я совещался с маршалом Сталиным и г-ном Черчиллем, весьма успешно разрабатывая планы военного сотрудничества между нашими тремя странами, стремящимися как можно скорее выиграть войну, и, по-моему, мы достигли успеха. Другой нашей целью было обсудить послевоенные проблемы, попытаться определить, в каком мире будем жить мы сами и наши дети, когда война перестанет быть необходимостью. В этом мы также добились крупных успехов… Итак, я еду домой, и я хотел бы иметь возможность взять всех вас с собой…

Самолет отца сделал несколько кругов низко над Багдадом. В четверг, в начале четвертого, отец уже был снова на вилле посла Кирка в Каире. В то же утро было опубликовано официальное сообщение о первой Каирской конференции.

Глава восьмая
Вторая Каирская

Тыловой штаб моей части, находившийся в Ла Марса, свертывался и должен был перелететь в Италию; именно в связи с этим мне пришлось вернуться из Тегерана в Тунис. К концу недели последняя группа из числа 2 800 солдат и офицеров моей части была уже в пути, и я мог не надолго слетать в Каир. Я знал, что за четыре-пять дней до этого в Каире вновь начались совещания Объединенного совета начальников штабов. Я знал также, что отец и Черчилль намеревались пригласить в Каир для переговоров президента Турции Исмета Иненю.

В Тунисе я имел возможность перекинуться несколькими словами с генералом Эйзенхауэром. Его явно все еще тревожила перспектива назначения на какую-нибудь должность в военном министерстве. Как и все остальные, он был совершенно не осведомлен об окончательных решениях по вопросу о командовании операцией «Оверлорд». Я мог сообщить ему достаточно определенно, что операция «Оверлорд» намечена окончательно и что русские присоединились к нашим возражениям против дальнейшего развертывания операций на Средиземноморском театре.

Рано утром в воскресенье 5 декабря я вылетел в Каир, снова с Леоном Греем, и перед вечером мы опять приземлились на аэродроме Воздушного транспортного корпуса. Я отправился прямо на виллу Кирка, зная, что отец должен был и теперь остановиться там. Войдя, я встретил Джона Беттигера, который рассказал мне о забавном дипломатическом состязании между премьер-министром и отцом. Оба они направили по самолету в Адану (Турция), чтобы привезти президента Иненю в Каир. Отец послал туда для этой цели Беттигера, который и одержал победу. Никто, по-видимому, не знал, какое значение имело то обстоятельство, что турецкий президент прилетел на американском, а не на английском военном самолете; тем не менее Джон был очень доволен.

Отец лежал в постели и читал детективный роман. Днем у него было много дел: пленарное заседание Объединенного совета начальников штабов, затем двухчасовая беседа с Иненю, Черчиллем и их советниками, а потом снова совещание с американскими начальниками штабов. Накануне отец дал обед в честь Иненю; на воскресенье Черчилль назначил обед, на котором должен был присутствовать отец. Сейчас отец отдыхал в

ожидании этого обеда, но отложил книгу в сторону, чтобы поговорить со мной. Он рассказал, что у него уйма дел, из-за которых ему приходится оставаться в Каире до вторника, тогда как вначале он рассчитывал вылететь в воскресенье вечером.

— Как я рад буду снова очутиться дома, — весело сказал он. — И это после всего лишь месячного отсутствия! Мне следовало бы подумать о тех, кто не был дома со времени нападения на Пирл Харбор!

— Кто бы сказал, что прошел только месяц!

— Но за это время произошло много событий. Особенно за последнюю неделю.

Я спросил отца, как он провел последний день в Тегеране.

— Ты читал коммюнике, которое мы составили? — спросил он. Я отрицательно покачал головой, и он указал мне на лежавшие на столе бумаги. Коммюнике лежало сверху, и я прочитал его дважды — сначала бегло, во второй раз медленнее, причем отец вставлял свои комментарии. Он сказал, что коммюнике было написано в основном им самим, причем намеренно не в обычных осторожных дипломатических выражениях. «…устранить бедствия и ужасы войны на многие поколения», — прочитал я и показал ему на это место. — Многие поколения… Почему не ликвидировать ее навсегда?

— Мы пережили две войны за время жизни двух поколений, — ответил отец. — В последнюю четверть века народы слышали слишком много обещаний вечного мира. В Тегеране мы согласились в том, что наши три страны, три сильнейшие страны в мире, в состоянии проявлять достаточное благоразумие в случае возникновения разногласий в будущем и так согласовывать свою внешнюю политику, чтобы избавить от войны «многие поколения». Об этом мы и говорили с полудня до 10 часов вечера; мы обсуждали, как увязать нашу политику, как согласовать интересы каждого из наших государств с интересами всеобщей безопасности. А в промежутках мы с Дядей Джо поговорили и еще кое о чем наедине.

Отец облегченно вздохнул и потянулся, как бы не желая продолжать. Очевидно было, однако, что прервать рассказ на таком захватывающем месте нельзя, и отец понял это по выражению моего лица.

— Я хотел обсудить с ним еще ряд вопросов, связанных с положением на Дальнем Востоке… Ведь мы начали разговор об этом еще в твоем присутствии?

— Да, когда я впервые увидел Сталина.

— Правильно. Так вот, — отец зевнул, — нам нужно было притти к соглашению еще по одному вопросу, и поскольку он

согласился вступить в Войну против Японии, я…

— Что?!

— Ну да, он говорил о войне на Тихом океане… Но ведь дело было, вероятно, когда ты еще находился в Тегеране?

— Это потрясающая вещь! Почему ты ничего мне не сказал?

Отец улыбнулся.

— Ведь ты меня об этом не спрашивал.

— Когда же они вступят в войну?

— Не очень скоро, во всяком случае, не раньше, чем через несколько месяцев. Мне кажется, Сталин предложил объявить войну Японии и начать боевые действия на Дальнем Востоке, чтобы одержать окончательную победу в споре о втором фронте на западе. Он согласен вступить в войну, как только сможет перебросить войска и вооружение через Сибирь, если мы обещаем начать первого мая вторжение на западе. Но в конечном счете с военной точки зрения будет разумнее, если русские обрушатся на Гитлера всей своей мощью на Восточном фронте. У Сталина будет еще достаточно времени для войны с Японией после разгрома Гитлера.

Я все еще был так ошеломлен новостью, что не мог ничего сказать.

— Итак, — продолжал отец, — он согласился объявить Японии войну, как только сможет перебросить войска и материалы через Сибирь — по единственной железной дороге. Он указал и срок: через шесть месяцев после окончательного разгрома Гитлера. Во всяком случае, мне хотелось в связи с этим поговорить с ним о многом: о послевоенном Китае, о китайских коммунистах и т. п. Ряд вопросов я не мог затрагивать в присутствии Уинстона, поскольку они в значительной степени касались экстерриториальных прав англичан в Гонконге, Кантоне и Шанхае… Ведь речь шла о том, что если бы мы обещали поддержать Чан Кайши против англичан в этом вопросе, он согласился бы создать в Китае подлинно демократическое правительство. А Чан беспокоился относительно намерений русских в Манчжурии… хотя я не думаю, чтобы это волновало его и теперь. Дядя Джо согласился с тем, что Манчжурия, разумеется, останется китайцам, и обещал помочь нам поддержать Чан Кайши против англичан… А Пат Хэрли отправился в Москву продолжать переговоры.

Это напомнило мне, что и я в некоторой степени участвовал в составлении и обсуждении соглашения трех держав о будущем Ирана. Я спросил отца, было ли оно в конце концов подписано.

— Да, конечно. Подписано, скреплено печатью и доставлено по назначению. И, кстати, спасибо тебе за твою работу. Пат

Хэрли, — продолжал отец, — хорошо поработал. Если есть на свете человек, способный распутать узел китайской внутренней политики, то это Пат Хэрли. — Знаешь, Эллиот, продолжал отец, сбрасывая одеяло, чтобы встать, — люди типа Пата Хэрли бесценны. Почему? Да потому, что они преданы. Я могу давать ему такие поручения, каких никогда не дал бы человеку из государственного департамента, потому что на Хэрли я могу положиться. Ты меня понимаешь?

Я подумал о чиновниках государственного департамента, нередко ставивших отца в положение, из которого ему приходилось выпутываться самому.

— Ты знаешь, — продолжал отец, — сколько раз люди из государственного департамента пытались скрыть адресованные мне сообщения, задержать их, как-нибудь не пропустить их ко мне, — и только потому, что некоторые из этих профессиональных дипломатов не согласны с моим мнением. Им следовало бы работать у Черчилля. Да фактически они значительную часть своего времени и работают на него. Только подумай: чуть не все они считают, что Америке следует определять свою внешнюю политику таким образом: смотреть, что делают англичане, а затем подражать им. Дело не в том, демократы они или республиканцы, — сказал отец, раздражаясь в ходе своих рассуждений. Насколько мне известно, Пат Хэрли и еще несколько человек, работающих со мною, — республиканцы до мозга костей. Но они знают, что их родина ведет войну, и готовы сделать для нее все, что в их силах. И они это делают.

Вошел Артур Приттимен и стал помогать отцу одеваться.

— Еще шесть лет назад мне советовали, — продолжал отец, — произвести в государственном департаменте чистку. Он похож на английское министерство иностранных дел, где сидит человек, носящий звание постоянного заместителя министра. Он остается постоянным заместителем при любом правительстве — и при консервативном, и при лейбористском, и при либеральном. Для него это безразлично. Он — постоянный. Так и с нашим государственным департаментом. Люди вроде Пата Хэрли вдвое ценнее. Пату нужно только указывать, что именно делать. Если ему скажешь, он выполнит честно и хорошо. — Отец сам себя поймал на том, что стал повышать голос, и улыбнулся.

— Что же ты? — сказал он, — ведь считается, что я отдыхаю. Это твоя вина; ты заставил меня вспомнить этих господ в полосатых штанах из государственного департамента.

Я засмеялся; отец спросил меня, почему я не переодеваюсь к обеду. Я сказал, что не получил приглашения, но даже если бы и был приглашен, то не пошел бы.

— Я устал, папа. У меня было много работы, а кроме того, прошлую ночь я не спал. Я только перекушу и отправлюсь спать.

Он посмотрел на меня с завистью.

— Но завтра ты будешь здесь?

— Да, конечно. Во всяком случае часов до 4 или 5.

Утром я снова был у отца, и он сказал мне, что по вопросу о вступлении Турции в войну уже принято окончательное решение, и притом отрицательное.

— Мне кажется, — сказал отец, — что это была в некотором роде последняя попытка Черчилля настоять на наступлении союзников с юга, со стороны Средиземного моря.

Я спросил отца, заняла ли Россия какую-либо позицию в этом вопросе. Он улыбнулся.

— Сталин сказал, что Турции не надо ничего давать по ленд-лизу в случае, если это повлечет за собой малейшую задержку наступления на Западном фронте. Сегодня мы с Уинстоном собираемся составить какое-нибудь заявление, чтобы спасти престиж Турции. Ведь газеты уже почти месяц пишут, что она намерена объявить войну Германии.

Я размышлял о том, что Сталин и отец сумели поладить и что нас с ним, очевидно, объединяют общие интересы. Я высказал эту мысль отцу, и он заметил:

— Важнее всего было разъяснить Сталину, что Соединенные Штаты и Великобритания не объединились в блок против Советского Союза. Мне кажется, что мы раз и навсегда рассеяли это представление. Я надеюсь, что это так. После войны все дело может расстроиться только в случае, если мир снова разделится и Россия окажется против Англии и нас. Вот почему сегодня, как и завтра, наша главная задача — сохранить за собою роль третейского судьи, роль посредника между Россией и Англией.

Было ясно, что, действуя таким образом, Соединенные Штаты заняли руководящее положение в мире. В своей внешней политике мы перестали тащиться в хвосте у Англии. Отец сумел продемонстрировать на конференции, что мы не зависим от своего английского сородича, что мы ставим себе задачей согласовывать в будущей организации Объединенных наций диаметрально противоположные взгляды английских империалистов и русских коммунистов. История покажет, удастся ли осуществить это, но я могу констатировать, что в Каире, после Тегеранской конференции, отец был убежден, что такая политика сможет быть проведена на благо всех заинтересованных сторон, среди которых далеко не последнее место занимают малые государства.

Расставшись со мной, отец все утро занимался разбором

вашингтонской почты. Около полудня прибыл генерал Стилуэлл. Это было его последнее свидание с отцом. Они беседовали около 20 минут, причем «Джо Уксус» выражал недовольство политикой Чан Кайши, особенно тем, что он занимался накапливанием сил для борьбы против коммунистов после войны. Отец, поглощенный мыслями о своем соглашении с Чан Кайши и последовавшем за ним соглашении со Сталиным, говорил мало и лишь убеждал Стилуэлла уладить все как можно лучше. Было совершенно очевидно, что во время разговора со Сталуэллом отец думал о чем-то другом. Я полагаю, что мысленно он снова приходил к выводу, что сначала необходимо разгромить нацистов, и лишь после этого он сможет позволить себе обратиться к проблемам, стоящим перед американским командованием в Китае.

За завтраком общество отца составляли только Черчилль и Гарри Гопкинс; разговор шел о составлении коммюнике по поводу приезда Исмета Иненю. Это коммюнике следовало сформулировать очень осторожно, учитывая по-прежнему неприязненные отношения между Турцией и Советским Союзом, тем более, что ранее Черчилль надеялся на вступление Турции в войну в качестве союзника. После завтрака прибыл сам Иненю, а вскоре явился и посол СССР в Турции Виноградов, выступавший как представитель Сталина. Коммюнике должно было ясно показать, что турецкое правительство находится в согласии с правительствами Советского Союза, Великобритании и Соединенных Штатов, хотя Турция и не вступает в войну, вопреки предсказаниям самых проницательных журналистов. Этим и объяснялись его формулировки.

* * *

После оформления коммюнике и прощания отец вышел на крыльцо виллы и произнес импровизированную речь перед отрядом военной полиции, охранявшим делегатов конференции. Я слушал его из-за двери. Он сказал:

— …на этот раз, когда мы покончим с врагом, мы намерены разделаться с ним основательно, чтобы он не мог начать новую войну. Если даже нам придется некоторое время прибегать к силе для поддержания мира, мы пойдем и на это…

Отец казался довольным; после минувших дней упорного труда он был настроен явно оптимистически.

Когда он окончил свою речь, мне снова пришлось попрощаться с ним, так как я хотел вылететь обратно в Тунис до наступления темноты. Я беседовал с отцом до прихода

Сузерленда — начальника штаба генерала Макартура — и за эти несколько минут узнал, что отец снова разошелся во взглядах с Черчиллем, на этот раз уже по другому вопросу. Это выяснилось в связи с тем, что я мимоходом упомянул о своей встрече в Тунисе с Эйзенхауэром и сказал, что, вероятно, увижусь с ним опять на следующее утро.

— Передай ему привет, — сказал отец. — Скоро ему предстоит заняться еще более ответственным делом; бедняга, я ему не завидую.

— Бедный Айк, — подумал я, — итак, ему все-таки придется вернуться в Пентагон.[8]

— Это уже официально решено, папа? Можно мне передать ему что-нибудь, если я увижу его или Бутчера?

— Окончательного решения еще нет, Эллиот. Но совершенно очевидно, что Черчилль будет категорически возражать против назначения Маршалла на этот пост… дело не столько в том, что Маршалл слишком часто спорил с премьер-министром по военным вопросам, сколько в том, что он слишком часто одерживал верх. Я уверен, что для него это тоже будет разочарованием.

Я не сразу понял, о чем говорит отец.

— Ты хочешь сказать, что Айку не придется вернуться в Пентагон?

— Если не произойдет никаких перемен, то ему придется выполнить величайшую оперативную задачу, когда-либо доставававшуюся командующему. Что ему делать в Пентагоне?

По пути на аэродром я размышлял о решении поручить Эйзенхауэру командование операцией «Оверлорд», что теперь казалось вполне вероятным. Конечно, для Айка это было бы приятным известием, но я думал и о Джордже Маршалле. Из всего, что говорил мне отец, из всего, что мне удавалось слышать на конференциях, начиная с Арджентии, наконец, из самого хода войны мне было абсолютно ясно, что Маршалл обладал совершенно особыми качествами командира, которые и в штабной обстановке, и на поле боя позволяли ему необычайно умело управлять людьми, вести войну, руководить совещаниями. Но на беду именно эти качества, по-видимому, и создали ему врага в лице Уинстона Черчилля. Я вспомнил, как в Тегеране отец сказал мне, что Маршалл — единственный американский генерал, способный упорно отстаивать свое мнение в споре с премьер-министром. И в то же время я сознавал, что умение ладить с Черчиллем, не изменяя своим собственным взглядам, было также незаурядным качеством, которое Эйзенхауэр проявлял неоднократно. Это тоже имело первостепенное значение

для организации вторжения, которое должно было иметь своим исходным пунктом Англию.

* * *

На следующий день, когда самолет отца приземлился в Эль-Ауина в Тунисе, его встречали генерал Эйзенхауэр, генерал Спаатс, Гарри Бутчер и я. Пока мы ехали в машине с аэродрома к «Белому дому» в Карфагене, отец с увлечением рассказывал мне и генералу Эйзенхауэру, какие интересные вещи он видел с воздуха за этот день. Майор Отис Брайан вел самолет вдоль побережья, как раз над дорогой, по которой нацисты отступали под ударами Монтгомери. Места боев вереницей проходили под самолетом. На протяжении более тысячи миль отец видел брошенные при отступлении в пустыне самолеты, танки, грузовики Африканского корпуса немцев. Один за другим проплывали под крылом самолета Эль-Аламейн, Тобрук, Бенгази, Триполи, Сфакс; отец был так воодушевлен, как будто он сам командовал английской 8-й армией.

Те несколько часов, что я провел в Карфагене до прибытия отца, я занимался организацией обеда. Мы обедали на вилле отца, но все без исключения блюда были приготовлены американскими солдатами, и только в роли официантов фигурировали двое итальянских военнопленных. Обед состоялся по случаю производства в чин майора офицера моей части Давида Брукса из Оклахомы. Вряд ли когда-нибудь приходилось молодому офицеру праздновать свое производство в таком блестящем обществе. Кроме главнокомандующего, за столом сидели пять генералов, в их числе командующий силами союзников и командующий американскими воздушными силами в бассейне Средиземного моря, да еще три адмирала — Леги, Макинтайр и Браун. Я подозреваю, что агентов секретной службы, сопровождавших отца, несколько беспокоило присутствие итальянских официантов. В течение всего обеда за каждым движением этих несчастных следили пристальные взоры; но официанты не собирались никого отравить и лишь дивились, что им разрешили находиться в одной комнате с главой государства. После обеда они с трепетом пожали отцу руку; впоследствии, все еще не придя в себя от удивления, они признались мне, что считали бы невозможным подойти так близко к Муссолини или Виктору-Эммануилу — даже в довоенной Италии их сочли бы потенциальными врагами государства.

После обеда мне удалось выяснить, что вопрос о назначении

Эйзенхауэра командующим вторжением союзных армий во Францию уже окончательно решен. Отец сказал мне, что соответствующее уведомление Эйзенхауэр получит от Маршалла, который находится еще в Каире, и что до того Айк ни в коем случае не должен ничего знать. В тот вечер у отца был очень усталый вид, он совершенно выбился из сил, а ему предстояло еще совершить инспекционную поездку. Он даже хотел продлить эту поездку и посетить, помимо Мальты и Сицилии, входивших в его маршрут, еще и Италию. Но генерал Эйзенхауэр снова помешал ему, отказав в разрешении и слагая с себя ответственность за последствия.

Как ни измучен был отец, он весь светился радостью, сознавая, что он многое свершил в такой короткий срок.

На следующее утро отец поднялся раньше меня и вылетел на «С-54» с прикрытием из истребителей на Мальту, а затем на Сицилию (где Марк Кларк, к своему изумлению, был награжден крестом «За заслуги»; он и понятия не имел, зачем его вызвали из Италии). В половине пятого отец возвратился в Эль-Ауина, и я встретил его на аэродроме. В 8 часов мы обедали в обществе только членов его штаба Леги, Брауна, Макинтайра и Уотсона. Отец, разумеется, не смог ответить на единственный вопрос, который мне хотелось выяснить до его отъезда домой, назначенного на следующее утро. Я хотел знать, отправится ли Туи Спаатс вместе с Айком в Англию, так как из этого я мог бы заключить, будет ли и моя часть участвовать во вторжении. Однако отец был осведомлен только о лицах, непосредственно подчиненных главнокомандующему, а Спаатс не принадлежал к этому изысканному обществу. Да и кроме того, в этот последний вечер отец не хотел говорить ни о чем, кроме своего главного достижения за месяц, проведенный вне дома.

— Объединенные нации… — сказал он мне с большим удовлетворением в этот последний вечер. — Американцы — конгрессмены, газетные обозреватели говорят об Объединенных нациях, как о чем-то существующем только в связи с войной. Имеется тенденция нападать на них, заявляя, что мы едины лишь потому, что к единству нас вынуждает война. Но не война является подлинно объединяющей силой. Такая сила — мир. Только после войны я смогу добиться, чтобы Объединенные нации были поистине Объединенными нациями!

* * *

На следующее утро мы поднялись в 6 часов и отправились в

аэропорт. Отец вылетел в Дакар, чтобы сесть на «Айову» и к рождеству быть дома. Я вылетел с последней группой солдат и офицеров из своего тылового штаба в Сан-Северо (Италия), где мы провели рождество в холоде и грязи, не зная, пробудем ли в Италии до конца войны или попадем в число счастливцев, которые 1 мая 1944 г. пойдут в наступление на Германию.

Глава девятая
От Каира и Тегерана до Ялты

Мое пребывание в Италии по окончании Каирской конференции не было отмечено никакими выдающимися событиями.

Так же осторожно, как и всякий солдат, начиная от рядового, я пытался выведать, получит ли моя часть назначение в Соединенное королевство. Примерно в то время, когда до меня начали доходить вести, что наши перспективы ухудшились, — а как показывает армейский опыт, это обычно означает, что они улучшились, — распространились неприятные слухи о подготовке решающего удара в обход тянувшихся через всю Италию германских укреплений на какой-то пункт, расположенный на западном побережье, вблизи Рима.

Речь шла о высадке в Анцио, но после всего, что мне было известно о стратегических планах, выработанных Объединенным советом начальников штабов сначала в Египте, а затем в Иране, я не мог поверить в серьезность такого предприятия.

Однако, прежде чем начались последние приготовления к этой операции, мне было приказано явиться в ставку генерала Спаатса в Англии. Прибыв туда, я получил следующее задание: реорганизовать все американские разведывательные авиационные части как 8-й воздушной армии (бомбардировщики дальнего действия), так и 9-й армии (легкие бомбардировщики ближнего действия) и руководить действиями этих частей, чтобы добыть все сведения, необходимые для вторжения в Европу. Вскоре после этого я узнал о высадке в Анцио. Но лишь спустя несколько недель, когда мне случилось встретиться с генералом Эйзенхауэром, я узнал, что Черчилль лично настоял на этой операции, которой он сам дал условное обозначение «Шингл». Это была, очевидно, его последняя — и предпринятая совершенно самовольно — попытка навязать нам вторжение в Европу с юга, а не с запада.

Моя часть влилась в накапливавшиеся в Англии американские войска 19 января, и мы тотчас же приступили к работе рука об руку с нашими английскими коллегами из Королевских воздушных сил. Так как мне случалось критиковать в этой книге некоторых английских военных руководителей, я хочу здесь отметить, что офицеры Королевских воздушных сил, с которыми мне приходилось работать с середины января до дня вторжения и потом вплоть до капитуляции нацистов, были в

высшей степени квалифицированными людьми, прекрасно знали свое дело и не уступали никому — каждый в отдельности и все вместе — в трудолюбии и в своем стремлении поскорее выиграть войну. Их страна имела все основания гордиться ими. В большой мере благодаря их работе вторжение сопровождалось столь небольшими потерями. Заявляя, что успехом нашего оружия в Европе мы в значительной степени обязаны специалистам воздушной разведки из Королевских воздушных сил, я выражаю мнение всех американских офицеров, работавших с ними.

Прошли январь, февраль и март. В апреле появились первые реальные признаки того, что обсуждавшийся в Тегеране план организации «челночных» бомбардировочных полетов между Англией и Советским Союзом, а также между Советским Союзом и Италией начинает осуществляться. В штаб экспедиционных сил союзников прибыл советский генерал, который вел предварительные переговоры и затем вернулся на родину. В мае мне сообщили, что я должен буду сопровождать генералов Фреда Андерсона и Теда Кэртиса и нескольких штабных офицеров 8-й армии, отправлявшихся в Россию для осмотра намеченных для нас аэродромов и урегулирования всех подробностей перед началом челночных операций.

Мы были очень довольны, что русские приняли план челночных бомбардировок и согласились предоставить свои истребители для прикрытия наших бомбардировщиков и особенно тем, что они обещали разрешить нам производить воздушную фоторазведку. Конечно, именно в связи с последним обстоятельством я был командирован в Россию.

Мы летели над знакомыми мне местами: Касабланка, Тунис, Каир, Тегеран (где мы взяли на борт русского военного штурмана и радиста), и оттуда — в Москву. Это была первая из моих двух поездок в Россию за время войны. Мы пробыли там немногим больше недели, и поэтому мои впечатления о России несколько отрывочны, но все же чрезвычайно ярки. Я помню очень широкие улицы Москвы; банкет, данный в нашу честь видными офицерами Красной авиации, на котором меня усадили между двумя русскими, и мы вели разговор почти исключительно жестами. Я помню Кремль, куда мы отправились с визитом к Молотову, — огромное здание, превосходящее даже наш Пентагон и не похожее ни на одно из виденных мною учреждений: коридоры, устланные толстыми красными коврами, и комфортабельно обставленные комнаты. Помню великолепный оперный театр, где мы слушали «Снегурочку» Римского-Корсакова, поставленную и исполненную неизмеримо красивее и лучше, чем в нашем оперном театре в Нью-Йорке. Помню публику на спектакле: 90 процентов ее

составляли люди в форме, но здесь можно было увидеть и элегантно одетых женщин. Помню я и обед в гостинице «Москва» с семью американскими корреспондентами; в короткое время, имевшееся в нашем распоряжении, они рассказали мне кое-что о стране, где они находились.

Они сообщили мне, что для русских лозунг «все для войны» означает действительно все для войны — в самом буквальном смысле слова.

И я помню полет, который мы совершили, осматривая аэродромы, выделенные для наших челночных операций; особенно мне запомнился аэродром в Полтаве, который до войны не уступал нашему аэродрому Рандольф в Техасе, а когда мы его видели, — находился еще почти в том же разгромленном состоянии, в каком его оставили нацисты. Здесь же я впервые увидел красноармейцев за работой и проникся уважением к энергии, с которой они преодолевают всякие препятствия. Чтобы построить аэродром, русским приходилось ставить на тяжелую физическую работу тысячи нестроевых солдат, и они поразительно быстро и хорошо справлялись со своим делом. Тут же работали и женщины — здоровенные амазонки, которым ничего не стоило перекидывать 50-галлонные бидоны бензина, как мячики.

С воздуха мы видели, как просто Красная Армия разрешила вопросы транспорта и снабжения. За отсутствием шоссейных дорог грузовые машины двигались напрямик, без дороги, а когда проложенная колея раскисала до такой степени, что машины начинали в ней вязнуть, они переходили на движение по обочинам, пока, наконец, весь путь не представлялся с воздуха, как протянувшаяся через всю степь утоптанная полоса шириною в 400–500 ярдов. Весь советский Южный фронт снабжался по одноколейной железной дороге. Приступив к своим челночным операциям, мы настояли на переброске нашего собственного 100-октанового авиационного бензина и бомб с Персидского залива и тем самым загрузили транспорт русских, но они охотно разрешили нам это.

* * *

У всех нас создалось впечатление, что русские явно стремились сойтись с нами поближе, сотрудничать с нами. Они выражали свое уважение к американцам, к американским машинам и к высокой организации американской промышленности. Джо Дэвис продемонстрировал, как легко

сотрудничать с русскими. Печально, что наше правительство не считает больше нужным посылать людей типа Дэвиса на ответственный пост представителя США в Советском Союзе.

* * *

По возвращении в Лондон из этой командировки в Москву и на русский Южный фронт мне однажды представилась возможность несколько отдохнуть от все более и более напряженной работы по подготовке к вторжению в Европу. Я был приглашен на бридж к генералу Эйзенхауэру; мы с моим партнером Тедом Кэртисом потерпели позорное поражение в результате блестящей игры Айка Эйзенхауэра, партнером которого был его адъютант Гарри Бутчер. Мне запомнился этот вечер потому, что нас заставили рассказать все подробности поездки в страну Советов. Что это за страна? Что у них за армия? Каковы их летчики? Их дисциплина? Что они думают о нас? Моих собеседников интересовало не столько настроение официальных лиц, с которыми они встречались в Тегеране и Лондоне, сколько взгляды русских офицеров и солдат. Мы отвечали на вопросы, как могли.

— Решающим для русских, — сказал я, — является второй фронт. Это будет капитальной проверкой того, что они думают о нас. Если второй фронт откроется, — все хорошо. Если же нет…

— Если? — проворчал Эйзенхауэр, — что означает это «если»?

Я ответил, что имел в виду обещание, данное отцом и английским премьер-министром в Тегеране, и дату 1 мая.

— Я ничего не знаю об этих обещаниях. Меня там не было. Но я знаю о вторжении во Францию. На этот счет русские могут не беспокоиться.

Наступил день вторжения. Началась операция «Оверлорд» и точно приуроченное к ней советское наступление. Немцы пустили в ход самолеты-снаряды.

Я прочитал в «Старс энд страйпс» сообщения о совещании в Думбартон-Оксе и порадовался тому, что «Большая тройка» уже достигла такого тесного единства в разрешении проблем мира. Из полученного от отца короткого письма я узнал кое-что о его сентябрьской встрече с премьер-министром в Квебеке, где обсуждались, в основном, вопросы войны с Японией. В течение лета и осени 1944 г. я дни и ночи занимался исключительно фоторазведкой над Францией, Германией и Голландией. Это была такая напряженная и утомительная работа, что я был искренне

рад, когда меня послали в командировку по техническим делам в Соединенные Штаты. Это означало работу в военном министерстве, то есть посещение Вашингтона и возможность снова увидеться с отцом и со всей семьей.

Первым из членов семьи, кого я увидел в Белом Доме, была моя сестра Анна. Она рассказала мне, как чувствует себя отец, и все же, увидев его, я был несколько удивлен, главным образом потому, что во время только что закончившейся избирательной кампании ходило много толков о плохом состоянии его здоровья. Он действительно похудел и казался утомленным, но только и всего.

— А чего же ты ожидал? — спросил отец, протягивая мне руку, когда мне удалось не надолго проскользнуть к нему между двумя посетителями. — Эти поездки по стране для ведения избирательной кампании становятся несколько труднее, но мне они идут впрок.

Он постарел, но, несмотря на усталость, с его щек не сошел румянец. Он сказал мне, что надеется отдохнуть недели две, возможно в Уорм-Спрингс, и совершенно определенно намерен провести рождество в Гайд-парке.

— Нравится тебе такая перспектива? — спросил он.

— Конечно! Но я даже не знаю, где я буду к тому времени. Вероятно, снова в Англии. Это будет зависеть от моей работы.

Я спросил отца, когда он сможет рассказать мне о том, что произошло после нашего свидания в Африке, примерно год назад.

— Наоборот, мне нужно послушать тебя, — ответил он. — Я хочу, чтобы ты, как очевидец, рассказал мне обо всем, что касается войны.

Он заглянул в свой блокнот, вычеркнул оттуда что-то и сказал, что мы сможем встретиться в тот же вечер.

— Приходи после обеда. Если успеешь, почитай сегодня газеты. По-моему, это яснее всего покажет тебе, насколько наша страна уверена в близкой победе.

Я не стал напоминать отцу, что год назад он предсказывал победу над гитлеровцами к концу 1944 г. Но я успел просмотреть несколько газет и журналов и в тот же вечер заговорил об атом.

— Теперь я понял, папа, что ты хотел сказать. Все они пишут о послевоенной Европе, о том, что в «Большой тройке» нет достаточного единства, и спрашивают, почему ты не созываешь новое совещание «Большой тройки».

Отец кивнул головой.

— По-моему, — сказал он, — дело в том, что им хочется найти какой-нибудь повод для критики. К счастью, мы идем к победе.

Я спросил, не намечается ли новая встреча «Большой тройки».

— Разумеется, такая встреча должна состояться. Я надеюсь, что мы сумеем собраться примерно в конце января, вскоре после моего официального вступления на пост президента. Фактически не решен только вопрос о месте встречи. Сталин хочет, чтобы она состоялась в России.

— Опять?

— Да, и знаешь, ему в этом трудно отказать. Ведь он действительно возглавляет Красную Армию, а Красная Армия идет сейчас вперед.

В этот первый вечер отец, как он и угрожал мне, заставил в основном говорить меня. Он интересовался всем, что я мог сообщить ему о войне, и жадно слушал мои рассказы о боях. Он так долго держал меня в своей комнате, забрасывая вопросами, что у меня уже не осталось времени поменяться с ним ролями и задать ему хоть несколько вопросов. Однако спустя два-три дня такая возможность мне представилась. Генерал из военного министерства, к которому я должен был явиться с докладом, сообщил мне, что не сможет принять меня в этот день. Я тотчас же отправился в Белый Дом в надежде побеседовать с отцом до начала его работы. Отец указал мне на кресло; он, нахмурившись, просматривал какие-то официальные донесения. На полу валялись смятые в порыве раздражения утренние газеты. Отец продолжал читать еще несколько минут, сопровождая свое чтение недовольными восклицаниями.

Когда, наконец, он поднял голову и взглянул на меня, на моем лице было написано любопытство.

— Греция! — сказал отец. — Английские войска ведут бои против тех самых партизан, которые на протяжении последних четырех лет дрались с нацистами.

Отец не пытался скрыть свой гнев. Я лично читал лишь одно, довольно туманное и явно не полное сообщение на эту тему в какой-то вашингтонской газете. Подробные сообщения появились в печати только через несколько недель.

— Как осмелились на это англичане! — воскликнул отец. — На что они только ни пойдут, чтобы вернуть прошлое!

Кофейник кипел. Отец взглянул на него, заметил, что кофе готов, налил себе чашку и пригласил меня составить ему компанию.

— У меня здесь найдется лишняя чашка, — сказал он.

— Чудесно!

— Если бы Уинстон попросту заявил, что он поддерживает греческих монархистов, — продолжал отец, — я бы не удивился.

Это было бы вполне в его духе. Но убивать греческих партизан! Посылать на такое дело английских солдат!

— А может быть, используя и полученное по ленд-лизу американское оружие, — вставил я.

— Это-то я выясню, — сказал отец. — Хотя навряд ли я смогу многое сделать, — добавил он.

— Может быть, публичное заявление?

— С осуждением англичан? — отец покачал головой. — Нет, не теперь. Будет еще время поднять этот вопрос при встрече с Уинстоном в феврале. И во всяком случае… Лицо его внезапно прояснилось.

— Во всяком случае, что? Отец вдруг переменил тему.

— Знаешь, примерно год назад здесь, в Белом Доме, была с визитом королева Вильгельмина. И мы с ней поговорили, — отец улыбнулся, — или, вернее, я заставил ее говорить о колониях Голландии и об их участи после войны. Речь шла о Яве, Борнео, словом, обо всей Голландской Индии. Мы всесторонне обсуждали этот вопрос более шести часов, на протяжении двух или трех вечеров. Я указал ей, что эти колонии будут освобождены от японцев американскими вооруженными силами — американскими солдатами, моряками и морской пехотой. Я упомянул и о Филиппинах. — Отец улыбнулся при этих словах. — И, знаешь, Эллиот, она согласилась принять нашу политику на Филиппинах за образец для Голландской Индии после войны. Вильгельмина обещала мне, что сразу же после победы над Японией ее правительство объявит о своем намерении предоставить народам Голландской Индии для начала статус равноправного доминиона и самоуправление. Затем, если после создания в Голландской Индии своего собственного правительства народ свободным голосованием решит требовать полной независимости, он ее получит — точно так же, как мы предоставляем независимость Филиппинам. Это уже определенное обязательство, и оно знаменует собою решительный отход от английского руководства. Подумай только, какое это будет иметь значение для Сталина! Ведь это покажет ему, что могут сделать западные государства после войны и что они сделают!

Я высказал предположение, что об этих беседах с королевой Вильгельминой отцу напомнило вызывающее поведение англичан в Греции.

— Верно! — сказал он, — совершенно верно! Поэтому-то я и не считаю необходимым делать публичное заявление, осуждающее действия англичан в Греции, не говоря уже о том, что державы оси могли бы использовать такое заявление для

своей пропаганды. Дело в том, что мы сможем оказать на англичан нажим, чтобы заставить их действовать в согласии с нашей линией во всех колониальных вопросах. Тут все связано: и Голландская Индия, и Французский Индо-Китай, и Индия, и английские экстерриториальные права в Китае… В конце концов мы все-таки добьемся того, чтобы двадцатый век был двадцатым веком, вот увидишь!

Раздражение, охватившее было отца, совершенно рассеялось, и он с жаром развивал свои планы внешней политики, которая не только не будет зависеть от английского министерства иностранных дел, но и вынудит эту цитадель империализма признать необходимость прогресса. Я понял, что на ближайшем совещании «Большой тройки» отец намерен добиться пересмотра всей международной политики.

* * *

Спустя несколько дней я покинул Вашингтон по личному делу самого радостного свойства. 3 декабря в Аризоне я обвенчался с Фей Эмерсон. Я ожидал вызова обратно в Европу примерно через две — три недели. Но как раз перед 16 декабря я неожиданно, и к своему удовольствию, получил отпуск, или, точнее, получил предписание задержаться в Штатах для выполнения «временных обязанностей» до конца рождественских праздников. Этот приказ прибыл как раз накануне 16 декабря — дня, когда Гитлер прорвал наш фронт в Арденнах. Когда сообщение о прорыве было получено военным министерством, я был ошеломлен. Одна из главных задач воздушной разведки заключается именно в собирании сведений, располагая которыми командиры не могут быть застигнуты врасплох. Между тем, как выяснилось из сообщений, полученных в военном министерстве, а впоследствии и из официальных коммюнике, наступление противника застало нас, если не спящими, то, во всяком случае, довольно крепко дремлющими. Опасаясь, не был ли прорыв результатом оплошности моей части, я прежде всего попросил в соответствующих инстанциях разрешения вернуться на самолете в штаб экспедиционных сил союзников и выяснить, что же случилось. Однако мое начальство заняло весьма разумную позицию: оно решило, что упущенного не воротишь, а мое присутствие или отсутствие не могло иметь существенного значения для успешной ликвидации прорыва. Поэтому, застряв в Вашингтоне, я мог лишь строить догадки насчет того, что произошло. Дело было не в погоде, так как фоторазведка обязана

выполнять свои функции в любую погоду. Только покончив со своим заданием в Вашингтоне и вернувшись в свою часть, я узнал, что на самом деле наша разведка действовала безукоризненно, что сведения о сосредоточении вражеских войск к востоку от Арденн были собраны и переданы в «соответствующие инстанции», но затем — задержаны или положены под сукно каким-то безответственным офицером разведывательного отдела штаба.

Последние дни своего отпуска я провел в семейном кругу, в Гайд-парке. Это было последнее рождество, проведенное с отцом. Как это ни странно, вопреки тону газетных заголовков и господствовавшей над всем атмосфере войны, для нас это были дни глубокого спокойствия и удовлетворенности. На краткий миг мы выключились из всего мира и снова были единой семьей, тем крепче сплоченной, что, как заметил отец год назад в Каире в День Благодарения, это была большая семья.

Стоявший посреди большой гостиной стол был отодвинут, а на его место водружена нарядно убранная елка. Для каждого из нас была приготовлена куча пакетов с подарками. В сочельник отец уселся в свое любимое кресло-качалку рядом с камином и открыл знакомую всем нам книгу; мы разместились вокруг него. Я растянулся на полу у камина, в котором приятно потрескивал огонь. Читая знакомую с детства «Рождественскую песнь», отец ритмично повышал и понижал голос. Мои мысли бродили где-то далеко и вдруг совсем исчезли. Тут Фей толкнула меня локтем в бок и сердито прошептала: «Ты храпишь, сядь!» Я виновато взглянул на отца, но он, не улыбаясь, подмигнул мне и продолжал читать. Я заметил, что он почему-то забыл вставить свой искусственный передний зуб в нижней челюсти. То же самое вдруг заметил и мой трехлетний племянник Крис, сын Франклина младшего. Он подался вперед и звонко сказал, прервав чтение:

— Дедушка, ты потерял зуб!

Это было утверждение, не требовавшее ответа, а поэтому отец, только улыбнулся и продолжал читать. Но Крис уже потерял всякий интерес к «Рождественской песни». Он встал, подошел к отцу, прислонился к нему и, протянув указательный палец к самому его рту, настойчиво продолжал:

— Дедушка, ты потерял зуб. Ты его проглотил?

На этот вечер с «Рождественской песнью» было покончено.

— В нашей семье слишком развит дух соперничества, чтобы читать вслух, — рассмеялся отец и захлопнул книгу.

— В будущем году, — сказала моя жена, — мы будем праздновать мирное рождество и будем слушать, как примерные

дети.

— В будущем году, — сказала мать, — все мы снова соберемся дома.

В первый день рождества, когда все подарки уже были развернуты и оберточная бумага убрана, я подошел к отцу. Он сидел за своим письменным столом и тщательно наклеивал в альбом марки — один из самых приятных для него подарков. Я шутливо сказал что-то о марке Объединенных наций, которой в один прекрасный день он пополнит свою коллекцию.

— Так оно и будет, Эллиот, не сомневайся, — ответил он, — и даже раньше, чем ты ожидаешь. — Отец откинулся назад и протянул мне свою лупу. Как странно, ведь и я только что думал о такой марке. Не поставить ли мне этот вопрос на повестку совещания, которое состоится через месяц? — Отец засмеялся. — Или они заподозрят меня в низменных филателистических побуждениях?

— Значит оно уже определенно состоится через месяц?

— Настолько определенно, насколько это возможно в нашей жизни. Я с удовольствием ожидаю этой встречи. Перемена обстановки будет мне полезна.

— Не понадобится ли тебе адъютант?

Отец улыбнулся. — Это зависит от твоего начальства, Эллиот. Надеюсь, что дело уладится.

— Я тоже надеюсь.

— Но если даже из этого ничего не выйдет, мы во всяком случае скоро снова увидимся. Я серьезно подумываю о поездке в Англию в конце весны или в начале лета. По-моему, это лучший способ убедить английский народ и английский парламент в том, что Англия должна связать свои надежды на будущее с организацией Объединенных наций — со всеми Объединенными нациями, а не только с Британской империей, и не должна рассчитывать на то, что англичане могли бы втянуть другие страны в блок, направленный против Советского Союза.

Я спросил отца, действительно ли он верит в такую опасность.

— Этого следует ожидать, — ответил он очень серьезно. — Именно к борьбе против нее мы и должны сейчас готовиться. — Помолчав, отец продолжал: — Впрочем, это неподходящая тема для рождества. — Мать, подошедшая к нам, решительно заявила:

— Именно это я и хотела сказать. Мы ведь договорились не заниматься сегодня никакими деловыми разговорами.

* * *

Я усадил Фей в поезд, отправил ее в Голливуд, а два дня спустя сам попрощался с отцом, матерью и остальными членами семьи. К новому году я уже был снова в своей части и с головой окунулся в работу. Через три недели я прочитал в «Старс энд страйпс», что церемония по случаю вступления отца на пост президента будет очень простой; мне было приятно думать, что Фей сможет вернуться в Вашингтон и присутствовать на этом торжестве. И вдруг… небеса разверзлись, и я оказался вовлеченным в новую войну.

Я не вижу надобности писать здесь о «деле Блеза».[9] Если бы Фей и нуждалась в каких-нибудь доказательствах риска, с которым связано вступление в семью Рузвельтов, то она их получила. На Капитолийском холме стало довольно жарко. В мой штаб явился сам генеральный инспектор, рассчитывая найти здесь бог весть что… И в довершение всего, по редкостному стечению обстоятельств, как будто по какому-то дьявольскому умыслу, как раз в это время на письменном столе отца оказался присланный военным министерством список лиц, представленных к производству в генеральские чины. В этом списке было и мое имя: меня представил Дулиттл с одобрения Спаатса и Эйзенхауэра. Как впоследствии рассказывала мне Фей, отец, который обычно утверждал такие списки механически, на этот раз серьезно колебался и долго раздумывал, прежде чем поставить свою подпись. Он всегда предоставлял своим детям самим выпутываться из трудных положений. На этот раз он, очевидно, позволил себе роскошь изменить своим правилам: он заявил моей жене, что, по его убеждению, я заслужил производства — и точка! Он решительно утвердил список, направил его в сенат и тотчас же написал мне об этом, объясняя, что он предоставил сенату решить, достаточно ли обосновано доверие моего командующего. Я вооружился терпением и стал ждать. Разумеется, конгресс назначил новое расследование.

Но на этом мои несчастья не кончились. В конце января Гарри Гопкинс прибыл во Францию и разыскал меня в штабе экспедиционных сил в Париже. Я с благодарностью вспоминаю, с каким тактом он сообщил мне неприятное известие. Он как бы невзначай упомянул, что местом встречи «Большой тройки» уже окончательно избрана Ялта, в Крыму, и что он приехал в Европу именно в связи с этим. Затем Гарри сказал, что сейчас отец уже находится в пути на крейсере «Куинси», сопровождаемом специальным отрядом. Видя, что роковой вопрос готов сорваться с моего языка, Гарри поспешил предвосхитить его. Отец хотел, чтобы я и на этот раз выполнял обязанности его адъютанта, сказал Гарри, но он не решился просить об этом военное

министерство. По словам Гарри, отец не хотел ставить военное министерство в щекотливое положение, так как было совершенно очевидно, что республиканцы в конгрессе подымут страшный вой.

Я был глубоко разочарован. Но Гарри тут же сказал, что с отцом едет моя сестра Анна. Разумеется, я вздохнул с облегчением. Я знал, что отец любил иметь при себе кого-либо из родных, с кем он мог бы чувствовать себя свободно и кому он мог бы довериться. Поэтому я был рад, что Анна поехала с ним. В заключение, конечно, чтобы несколько смягчить нанесенный мне удар, Гарри пригласил меня пообедать с ним. По его словам, ему хотелось побеседовать со мной кое о чем перед отъездом на Мальту, где он должен был встретить отца. К этому времени я уже понял, что держал себя во всем этом деле несколько по-ребячески, и быстро овладел собой.

За обедом Гарри проявил все свои таланты: он был обаятельным, интересным, содержательным и остроумным собеседником, и мы с ним прекрасно провели время. До этого он имел разговор с Айком Эйзенхауэром и теперь предсказывал, что сопротивление нацистов будет сломлено к июлю. Я посмеялся над ним и предложил пари, что это произойдет не позднее конца апреля. Гарри сказал мне, что Черчилль уже носится с планом нового вторжения с юга; он называет это отвлекающим маневром в северной части Адриатического моря, чтобы сдвинуть фронт в Италии с мертвой точки. Нам показалась забавной эта новая попытка бросить союзные войска на Балканы раньше, чем туда придут русские; Гарри твердо заявил, что американские начальники штабов никогда не допустят, чтобы крайне необходимые в Тихом океане десантные суда были использованы для целей, которые ставит себе английский премьер-министр.

По словам Гарри, отец был уверен, что после встречи в Крыму до конца войны уже не будет необходимости в совещаниях «Большой тройки». Крымская конференция посвящалась почти исключительно проблемам обеспечения мира, создания организации Объединенных наций, вопросам власти и управления в различных странах Европы и Азии, которые могут оказаться без всякого аппарата управления, если сейчас не будут приняты необходимые меры.

— Кроме того, — продолжал Гарри, — ваш отец настаивал, чтобы «Большая тройка» особо обменялась мнениями по вопросу об аппарате, который должен быть создан для установления мира с тем, чтобы сразу же после прекращения военных действий побежденные страны начали расплачиваться за свои преступления. Ваш отец хочет обеспечить такое положение, при котором после разгрома гитлеровцев и после организации нашего

военного управления на командных постах не смогли бы оказаться бывшие заправилы крупных концернов, заинтересованные только в воссоздании немецких картелей.

К концу обеда я пришел в хорошее настроение. Гарри должен был на следующий день уехать в Рим, чтобы встретиться кое с кем в Ватикане, а затем отправиться на Мальту и продолжать дальнейшее путешествие с отцом. Я дал Гарри несколько поручений к отцу, поблагодарил его за участие и вернулся к своей работе.

Итак, я не попал в Ялту. И, что гораздо важнее, я уже больше не видел отца живым.

Глава десятая
Ялтинская конференция

Я не был с отцом ни на Мальте, ни на Ялтинской конференции, ни потом на Большом Горьком озере в Египте, но мне довелось услышать рассказы очевидцев о том, что происходило на этих совещаниях. Одним из этих очевидцев была моя сестра Анна, другим — Гарри Гопкинс. Кроме того, отец иногда находил время писать мне о своих личных впечатлениях. Из этих различных рассказов, основанных на субъективном восприятии, но совпадающих в основных чертах, и из официального дневника поездки я имел возможность нарисовать себе следующую картину.

Крымская конференция вместе с предшествовавшими ей совещаниями на Мальте и в Египте была самой продолжительной из конференций «Большой тройки». (Отец покинул Соединенные Штаты почти на пять недель.) Руководители «Большой тройки» имели возможность провести больше совещаний, чем во время прежних встреч. За восемь дней, проведенных отцом в Крыму, состоялось восемь официальных заседаний и много неофициальных бесед. Был охвачен весь комплекс военных и политических проблем. И все же Ялтинская конференция не была самой важной из конференций военного времени.

Это объяснялось, главным образом, тем, что основные решения уже были приняты в других местах: в Вашингтоне, Каире и Тегеране. В Ялте советскому маршалу, английскому премьер-министру и американскому президенту вместе с их военными и дипломатическими помощниками оставалось лишь дополнить деталями общее соглашение, которого они достигли ранее. В связи с этим потребовалось присутствие большего, чем обычно, числа советников. Несомненно, многие из этих деталей имели большое значение. Но все же общая линия была намечена в Тегеране. Будь отец жив, «Большая тройка» несомненно собралась бы еще несколько раз, кроме встречи в Потсдаме. Совещание в Ялте оказалось необходимым, так как основную политическую линию, намеченную в Тегеране, не удалось успешно провести в жизнь на конференции в Думбартон-Оксе: представители трех стран, стоявшие рангом ниже «Большой тройки», не сошлись во взглядах. В Ялте снова было достигнуто единодушие, и скелет послевоенного мира облекся в плоть. В этом и заключалось значение данной конференции.

Она состоялась в Крыму в соответствии с пожеланием

Сталина, поскольку примерно за неделю до отъезда отца из Вашингтона Красная Армия начала свое ожидавшееся зимнее наступление. Говорили, правда, что это наступление было начато за неделю до намеченного срока и несмотря на плохую погоду, чтобы ослабить нажим, который нацисты оказывали на союзные войска на западе.

Английский премьер-министр был очень недоволен тем, что конференция была созвана в Ялте. Гарри Гопкинс рассказывал отцу, как Черчилль реагировал на этот выбор.

— Он говорит, что мы не могли бы найти в мире худшего места, чем Ялта, даже если бы искали десять лет… Он утверждает, что эти районы кишат вшами, что там свирепствует тиф.

День или два спустя от Черчилля пришло письмо, в котором он утверждал, что поездка на машине с аэродрома Саки в Ялту продолжается шесть часов, что часть дороги, ведущая через горы, в лучшем случае ужасна, а может быть и вовсе не пригодна для движения; что, наконец, немцы оставили всю эту местность в таком состоянии, что здоровье участников Конференции окажется под серьезной угрозой.

Замечания премьер-министра были приняты к сведению и подшиты к делу. На Мальте, куда отец прибыл 2 февраля, его встретил Аверелл Гарриман, сообщивший, что дорога в порядке и санитарные условия тоже в порядке. Вопрос был исчерпан.

Первые штабные совещания состоялись на Мальте. Некоторым показателем успеха союзного оружия можно считать то обстоятельство, что перед американскими начальниками штабов возник только один действительно спорный вопрос: какую часть наших сил следует оставить на европейском театре и какую — перебросить на тихоокеанский театр. Адмирал Кинг и морские офицеры, которых по совершенно понятным причинам всегда больше интересовала война против Японии, возражали, хотя и не слишком резко, генералу Маршаллу, утверждавшему, что все наличные силы следует бросить в Европу, чтобы покончить с нацистами как можно скорее.

Объединенный совет начальников штабов совещался на Мальте в течение нескольких дней. Члены совета дважды посетили отца и один раз Черчилля, чтобы доложить, как они урегулировали свои незначительные разногласия.

У отца с Анной нашлось еще время для 30-мильной поездки по Мальте в приятную теплую солнечную погоду и для осмотра высеченного на камне текста грамоты, преподнесенной отцом населению Мальты во время предыдущего посещения им острова.

В тот же вечер отец отправился в Крым. Ему предстояло

пролететь 1400 миль. Всю ночь с промежутками в 10–15 минут огромные «С-54» с ревом поднимались с аэродрома в Луке. Они летели сначала на восток, к южной оконечности Греции, а затем на северо-восток над Эгейским и Черным морями в Саки. Вдоль всего их пути в это время крейсировали американские и советские военные корабли — мера предосторожности на случай вынужденной посадки.

В первом самолете вместе с отцом летели Леги, Макинтайр, Браун, Уотсон, Майк Рейли и Артур Приттимен. Они наблюдали, как шесть истребителей прикрытия встретили их у Афин. Один из этих истребителей затем повернул обратно вследствие порчи мотора. В полдень самолет отца приземлился на советском аэродроме, где его встретили Молотов, государственный секретарь США Стеттиниус и Аверелл Гарриман. Через 20 минут сел и самолет английского премьер-министра; красноармейский оркестр и рота почетного караула оказали отцу и Черчиллю воинские почести. Оркестр исполнил «Звездное знамя», «Боже, храни короля» и Советский гимн. Отец и Анна сели в русскую закрытую машину с русским шофером и понеслись по дороге, которая сначала проходила по покрытой снегом холмистой местности, затем поднималась зигзагами на большую высоту, к Красному утесу. Вся дорога от Саки до Ялты охранялась советскими войсками. Анна дернула отца за рукав.

— Посмотри, сколько среди них девушек!

Машина американской делегации остановилась перед Ливадийским дворцом некогда летней резиденцией царя, превращенной потом в дом отдыха для туберкулезных, а впоследствии в штаб-квартиру нацистских грабителей. Убегая из Ливадии, немцы не оставили во дворце ничего, кроме двух небольших картин, которые и были повешены в спальне отца. Но русские привезли из Москвы весь обслуживающий персонал и самую лучшую обстановку, какую они только могли найти. Американскую делегацию встретила в Ливадии также дочь Гарримана Кэтлин. Все делегаты были очень утомлены; они приняли ванну, пообедали и отправились спать. Генерал Маршалл поместился в бывшей императорской спальне, а адмирал Кинг — в будуаре царицы.

Вилла, отведенная Черчиллю, находилась в 12 милях от этого дворца, а вилла Сталина — в 6 милях. Сталин прибыл рано утром на следующий день, в воскресенье. К четырем часам дня они с Молотовым нанесли отцу первый неофициальный визит; к пяти — конференция уже работала полным ходом. Первое официальное заседание за большим круглым столом в великолепном бальном зале Ливадийского дворца продолжалось 2 часа 40 минут и

послужило в этом отношении образцом для остальных семи заседаний, происходивших ежедневно. Только последнее заседание было короче. Работы было очень много:

1. Согласование планов войны против гитлеризма во всех подробностях. В то время как происходили эти совещания, Красная Армия с невиданной быстротой перемалывала нацистские войска. Представители армий и флотов Англии и США даже высказывали предположение, что русские окончательно прорвали германский фронт на Востоке и что крушение самого могущественного в мире фашистского государства может произойти еще до окончания конференции.

2. Оккупация Германии и контроль над ней после ее поражения. Отец приехал в Крым с надеждой убедить остальных участников конференции, что контроль над Германией должен быть единым, а не разделенным на зоны. Этот контроль и управление, по его мысли, должны были осуществляться совместно не только в центре, но и во всех звеньях, сверху донизу. Однако этот план не встретил сочувствия ни у англичан, ни у советских представителей. Им удалось убедить отца в необходимости разделения Германии на зоны. В Ялте были установлены и согласованы демаркационные линии и сроки создания соответствующими армиями органов управления в своих зонах.

«Нашей непреклонной целью, — писали три участника совещания, является уничтожение германского милитаризма и нацизма и создание гарантии в том, что Германия никогда больше не будет в состоянии нарушить мир всего мира. Мы полны решимости… ликвидировать или взять под контроль всю германскую промышленность…» Отец был поборником образа действий, известного в нашей стране под именем плана Моргентау и предусматривавшего удар по Германии, направленный в самое сердце промышленного потенциала, без которого ни одно современное государство не может вести войну. У маршала Сталина отец встретил поддержку. Не вина этих двух людей, если эта суровая мера не была осуществлена.

3. Был решен также вопрос о размерах репараций с Германии и принят план взыскания этих репараций, включая сроки и характер поставок промышленного оборудования и т. п. (Этот план не соблюдается ни англичанами, ни американцами.)

4. Было решено созвать через месяц с лишним в Сан-Франциско конференцию Объединенных наций, в отношении которой была достигнута договоренность еще в Тегеране и основы которой были заложены в Думбартон-Оксе. Камнем преткновения в Думбартон-Оксе стал вопрос о процедуре

голосования: следует ли допустить, чтобы вето одного из членов «Большой тройки» могло приостановить действия Совета Безопасности организации Объединенных наций, например действия против любой страны, обвиненной в агрессии.

В Ялте участники конференции обсудили эту проблему с полной откровенностью и на должном уровне. Отец и Сталин одобрили идею предоставления членам «Большой тройки» права вето, основывая свою аргументацию на том простом и предельно ясном факте, что мир может быть сохранен только при условии единодушия всех крупнейших держав. Если две из них поссорятся с третьей или если одна из них поссорится с двумя другими, мир окажется под угрозой. Только единство действий и единство цели могут спасти мир.

Решение проблемы, возникшей в связи с этим процедурным вопросом, предложил отец. Для того чтобы международная организация могла предпринять экономические или военные санкции против агрессора, — гласило решение, «Большая тройка» плюс Китай и Франция должны прийти к единодушному решению. Но осудить государство-агрессора и призвать его к ответу перед судом мирового общественного мнения могут любые семь из одиннадцати членов Совета Безопасности.

Отец категорически настаивал на необходимости сохранения величайшего единства между всеми государствами и особенно между членами «Большой тройки». Его подход к принципу вето обеспечивал это единство.

5. «Большая тройка» разрешила вопросы, возникшие в связи с освобождением европейских стран, и при этом подтвердила принципы Атлантической хартии.

Это означало самоуправление, право каждого народа избирать себе форму правления; это означало свободные выборы.

6. В отношении Польши Сталин настаивал на том, что ее восточная граница должна проходить по линии Керзона с незначительными исправлениями в пользу поляков. Одновременно он высказался за то, чтобы Польша была сильным и независимым государством, получив территорию на севере и на западе за счет побежденной Германии. Надо было также достичь компромисса в вопросе о создании польского правительства, которое было бы действительно правительством национального единства. Англичане поддерживали старое польское правительство, действовавшее в Лондоне. Отец выступал в качестве посредника и арбитра, так как для сохранения единства было очень важно, чтобы он продолжал выполнять эту роль.

7. Ревностно защищая английские интересы в Средиземном море и на Балканах, Черчилль настаивал на принятии решения

относительно будущего Югославии. Было решено, что во временный парламент войдут члены последнего югославского парламента, но, по настоянию Сталина, лишь те из них, кто не скомпрометировал себя «сотрудничеством с врагом».

8. Отец был убежден в крайней необходимости частых встреч «Большой тройки». Доказательством тому служила данная конференция в Крыму, состоявшаяся всего через год с небольшим после Тегеранской конференции. Поэтому была принята определенная программа регулярных встреч трех министров иностранных дел.

9. Мудро, торжественно и совершенно правильно «Большая тройка» провозгласила своим убеждением, что «только при продолжающемся и растущем сотрудничестве и взаимопонимании между нашими тремя странами и между всеми миролюбивыми народами может быть реализован… прочный и длительный мир…»

Заслуживает внимания первое слово этой цитаты, а также слова «тремя странами».

Приводя в свидетели Гарри Гопкинса, я заявляю, что в Ялте единство между Черчиллем, Сталиным и Рузвельтом было более прочным и ощутимым, чем в Тегеране. Было очевидно также, какая роль на этой конференции принадлежала отцу. Когда фотографировали «Большую тройку», он не случайно сидел посередине. Он подчинил Черчилля своему влиянию еще больше, чем прежде. Сталин также прислушивался к советам отца и охотно соглашался с его предложениями.

В Ялте, пожалуй, даже в большей степени, чем на предыдущих конференциях, ощущалось, какая огромная, всеобъемлющая ответственность лежала на плечах этих трех людей. Разногласия существовали во всех инстанциях. Были разногласия даже внутри отдельных делегаций. Отец, например, не намеревался безоговорочно верить всем своим советникам. Но все эти разногласия отодвинулись на задний план перед лицом грандиозной задачи — установления надежного, прочного мира.

Следует упомянуть о некоторых характерных инцидентах.

Однажды, за обедом у Сталина, отец дипломатично, но вполне искренне похвалил советское шампанское; хозяин с гордостью ответил ему, что это шампанское производится на его родине — в Грузии. Сталин широко улыбнулся, когда отец сказал, что после войны, когда он уже не будет президентом, он хотел бы разбогатеть, выступая в роли комиссионера по продаже этого шампанского в Америке.

Советские делегаты также сделали удачный дипломатический ход, обратив внимание на то, что с приездом

отца в Крыму наступила хорошая погода. Им была известна ходячая поговорка, и в беседе они употребили выражение «рузвельтовская погода».

На конференции произошел обмен подарками и наградами. Отец преподнес Черчиллю, Сталину, Идену и Молотову специально выгравированные медальоны. Кроме того, он подарил Сталину книгу «Цель — Германия», быть может в виде тонкого политического намека на роль, которую сыграли массированные бомбардировки союзниками стратегически важных районов Германии. Отец передал также маршалу для вручения восьми офицерам Красной Армии две медали «Заслуженного легиона» первой степени и шесть медалей «Заслуженного легиона» второй степени.

В воскресенье 11 февраля, когда американцы уезжали из Ливадии, советский персонал дворца снабдил их на дорогу большим количеством водки, вина нескольких русских марок, грузинского шампанского, которое похвалил отец, икры, масла, апельсинов и мандаринов.

Перед окончанием конференции Сталин снова подтвердил заверение, данное им в Тегеране: через шесть месяцев после победы над Германией Советский Союз объявит войну Японии; затем, после некоторого размышления, он сократил срок с шести месяцев до трех.

В дополнение к сказанному в официальном коммюнике «Большая тройка» договорилась, что в интересах безопасности СССР на Тихом океане он должен получить право на Курильские острова и на южную половину Сахалина. Впоследствии, когда в связи с этим соглашением отца и его партнеров начали критиковать за «тайные сделки», критики, очевидно умышленно, замалчивали то обстоятельство, что это соглашение и не могло быть обнародовано, поскольку Россия не участвовала тогда в войне против Японии. Неверно также, будто Курильские острова были «платой» за вступление России в войну против Японии; ведь Сталин добровольно сделал этот шаг еще в Тегеране, больше года назад, без всяких помыслов о «плате».

Отец прибыл из Ливадии в Севастополь в сумерках; это было, пожалуй, самым подходящим временем для осмотра мрачных развалин одного из сильнее всего пострадавших от войны городов. Кучи щебня; там и сям торчащие из развалин голые стены, похожие на щиты для объявлений. Отцу рассказали, что после отступления немцев в городе осталось всего шесть неразрушенных зданий.

Американская делегация провела ночь на военном вспомогательном судне «Катоктин», а наутро вылетела в далекий

путь на аэродром Дезервуар в Египте, за тысячу миль от Крыма. Там их ожидал тяжелый крейсер «Куинси», на котором они прибыли из Ньюпорт-Ньюс. Там же они узнали, как мир воспринял результаты переговоров в Ялте. Даже Герберт Гувер вынужден был признать: «Это сильно обнадежит весь мир». Отец просмотрел несколько газетных статей, переданных ему по телеграфу, и затем послал Сталину приветственную радиограмму, которая заканчивалась словами: «Я уверен, что народы мира будут рассматривать достижения этого совещания… как действительную гарантию того, что наши три великие нации могут работать в мире так же хорошо, как и в войне».

Пока отец отдыхал на борту «Куинси», его посетили три важных гостя. Позднее Анна рассказывала мне, что отец был крайне утомлен напряженной работой последних двух недель, похудел и держался главным образом на нервах. И все же, несмотря на усталость, он охотно принял этих посетителей. Первым прибыл египетский король Фарук; они с отцом беседовали о длинноволокнистом египетском хлопке, который Америка закупала во время войны, о значении двусторонней торговли после войны, о тысячах американцев, которые, — с уверенностью заявил отец, — будут приезжать в качестве туристов в нильскую долину. В тот же день явился встреченный соответствующими почестями второй коронованный посетитель, император Эфиопии, темнокожий Хайле Селасие. Император оживленно беседовал с отцом о реформах, которые он начал осуществлять в своей стране, и с готовностью заявил, что разделяет надежду отца на установление более тесных отношений между США и Абиссинией после войны.

На следующее утро отец принял третьего посетителя: короля Саудовской Аравии Ибн Сауда, который впервые выехал за пределы своего королевства. Он прибыл на американском эсминце, и, когда последний пришвартовывался к «Куинси», отец и его спутники могли видеть шатер, раскинутый на палубе для того, чтобы король мог спать на открытом воздухе В этот день моя сестра Анна благоразумно покинула отца и отправилась в Каир из уважения к мусульманскому обычаю, по которому женская часть семьи живет изолированно.

Король и президент обсудили сначала еврейский вопрос в Палестине. Отец надеялся убедить Ибн Сауда в справедливости переселения в Палестину десятков тысяч евреев, изгнанных из родных мест в Европе, преследуемых и кочующих по всей земле. Как мне рассказывал впоследствии Бернард Барух, отец признался, что из всех разговоров, какие он имел в своей жизни, наименьшее удовлетворение он получил от беседы с этим

арабским монархом человеком несгибаемой воли. Кончилось тем, что отец обещал Ибн Сауду не санкционировать никаких мероприятий США, враждебных арабскому народу.

Что касается Сирии и Ливана — французских колоний, населенных преимущественно арабами, — то отец сказал своему посетителю, что французское правительство дало письменное обязательство предоставить Сирии и Ливану независимость. Отец заверил Ибн Сауда, что он может в любое время потребовать от французского правительства выполнения данного обещания и что он окажет ливанцам и сирийцам всяческую поддержку, за исключением только поддержки силой.

Ибн Сауд завистливо разглядывал кресло на колесах, в котором сидел отец. К изумлению короля, отец немедленно преподнес ему это кресло в подарок.

Затем «Куинси» направился по Суэцкому каналу в Средиземное море; начался первый этап продолжительного путешествия домой. В Алжире отец сделал короткую остановку в ожидании ответа на вопрос, будет ли де Голль продолжать капризничать или удостоит отца визитом в соответствии с посланным ему приглашением. Ответ, присланный через посла Каффери, гласил: «По ряду причин де Голль не может в данный момент оставить Париж. К сожалению, Алжир находится слишком далеко» и т. д. и т. п. Отец пожал плечами, и «Куинси» направился в Ньюпорт-Ньюс.

Возвращение домой после столь успешной и богатой событиями конференции было омрачено печальным концом. В пути, к западу от Александрии, у одного из самых старых и близких друзей отца — Уотсона произошло кровоизлияние в мозг, и он умер. Не удивительно, — говорила мне Анна впоследствии, — что отец был так безумно утомлен, когда, наконец, добрался до Белого Дома.

И все же, встретившись с матерью, он сказал ей со своей обычной горячностью:

— Прочитай-ка Крымское коммюнике — какой путь оно намечает! Из Ялты в Москву, Сан-Франциско и Мексико, в Лондон, Вашингтон и Париж! Не забывай, что в нем упоминается и Берлин. Эта война была всемирной, и мы уже начали строить мир для всего мира.

Заключение

Делу построения всеобщего мира было положено начало, и притом хорошее начало. Но где-то, в какой-то момент после смерти Франклина Рузвельта положенное им хорошее начало было испорчено. Быть может, «испорчено» слишком слабое определение. Быть может, следует сказать: мир быстро покидает нас.

Доказательства справедливости этого вполне продуманного утверждения можно встретить на каждом шагу. «Мира нет» — кричит Уолтер Липпман; газеты сообщают о передовых воздушных базах в самой восточной части нашей административной зоны в Германии и рассказывают, как там накапливаются наши воздушные силы, как вместо «устарелых» «Р-51» они вооружаются новейшими, самыми быстроходными самолетами с реактивными двигателями. Настойчиво встает вопрос: для чего?

Или взять хотя бы подозрения, вызываемые нашим ревнивым, сумасбродным отказом поделиться «секретом» атомной бомбы, «секретом», который по категорическому заявлению всех ученых, работавших над Манхэттенским проектом, вовсе не секрет. И тем не менее, мы прижимаем эту губительную игрушку к груди, прячем ее от своих «ненадежных» союзников и предпочитаем отдать ее во власть людей в военных мундирах, словно мы милитаристское государство, а не гражданская демократия, основанная нашими великими предками.

Таких доказательств можно без малейшего труда привести бесчисленное множество.

Наша задача выяснить, какие причины привели к тому, что мир быстро покидает нас, к тому, что на вашингтонских приемах за рюмкой коктейля «осведомленные» люди говорят о войне с Советским Союзом «предпочтительно до 1948 года», иными словами до того, как Советский Союз сможет усовершенствовать свой вариант атомного оружия. Почему корреспонденты могут писать: «Каждый европейский государственный деятель руководствуется во всем затаенным убеждением, что он должен действовать, исходя из перспективы войны между Англией и Россией, в которую будут вовлечены и все другие народы»? Нам надо выяснить, кто эти государственные деятели; нам надо выступить против этого затаенного убеждения; нам надо бороться за всеобщий мир, который казался так прочно обеспеченным, когда вслед за Днем победы над Германией наступил День победы над Японией.

И нам надо начать с ответа на вопрос: какие же перемены заставили нас покинуть путь мира и броситься в панике в противоположном направлении.

На мой взгляд, для ясного понимания и правильной оценки всех послевоенных политических событий надо прежде всего понять и усвоить одно обстоятельство. Это обстоятельство заключается в том, что со смертью Франклина Рузвельта силы прогресса потеряли своего влиятельнейшего, способнейшего защитника. С его смертью умолк голос, громко призывавший к единству всех государств и народов мира. Более того, для народов всего мира он был символом Америки и свободы; на нем зиждились их надежды на освобождение и на новую жизнь в мире и изобилии. С его смертью умерла часть их надежд и их вера.

Но совершенно очевидно, что ни один человек, каким бы великим вождем он ни был, не может своей жизнью или смертью повлиять на ход истории человечества больше, чем на несколько мгновений по сравнению с вечностью. В данном случае смерть одного человека повлекла за собой появление на эти несколько мгновений пустоты в рядах бойцов за прогресс, за движение вперед, в рядах людей, стремящихся обеспечить, чтобы в конечном счете не оказалось, что война велась только ради сохранения статус-кво. А так как в это время друзья прогресса отвлеклись в сторону, то пустоту заполнили их противники, враги прогресса, приверженцы старого мира, поборники реакции.

Нетрудно привести несколько конкретных примеров в подтверждение этого тезиса. В своей книге я изложил, основываясь на том, что мне лично известно, многие из планов, которые зодчий нашей всемирной победы обсуждал с другими руководящими деятелями. В этих планах содержались обещания. Как же они выполняются?

Возьмем для примера Китай. В Каире Франклин Рузвельт вырвал обещание у феодала-милитариста, который по воле случая оказался фактическим руководителем Китая в войне. Обещание заключалось в том, что до окончания военных действий в Китае будет создано подлинно представительное правительство национального единства и что под руководством этого нового и более демократического правительства в самый короткий срок будут проведены всеобщие выборы. Правда, это обещание не было безоговорочным. Чан Кайши выставил два условия: во-первых, чтобы отец добился от Советского правительства твердого заверения в том, что Манчжурия возвратится под власть Китая и что СССР обязуется уважать будущую границу Китая. Это обязательство подразумевало также, что Советский Союз не будет вмешиваться во внутренние

политические дела Китая. Во-вторых, чтобы Соединенные Штаты после войны поддержали китайцев в их отказе сохранить за англичанами экстерриториальные права в Гонконге, Кантоне и Шанхае. В подкрепление этого условия Чан Кайши было обещано, что с прекращением сопротивления Японии в упомянутые и другие китайские порты будут входить только американские военные корабли, а английским кораблям доступ в них будет закрыт.

Как же были выполнены эти обещания? Специальный представитель отца Пат Хэрли проделал блестящую работу. Советский Союз дал все необходимые заверения и с тех пор неуклонно соблюдал соглашение и по форме, и по существу.

Следовательно, и Соединенным Штатам надлежало выполнить свое обязательство. Мы этого не сделали. В китайские порты первыми вошли английские, а не американские военные корабли. Приказ не допускать их туда где-то «задержался», по всей вероятности, в государственном департаменте.

Каковы же результаты? Поскольку американцы нарушили свое обещание, Чан Кайши последовал их примеру. Сегодня мы видим в Китае не прогресс, а все ту же реакцию. Правительство Китая — это не правительство национального единства, в котором представлены все партии, а правительство деспотии. Наверху процветают коррупция и цинизм, а народные массы обречены на голод.

Еще более резкое несоответствие мы наблюдаем между обещаниями и действиями в колониальном вопросе. Возьмем Голландскую Индию. Королева Вильгельмина обещала объявить немедленно по окончании военных действий, что этой стране будет предоставлен сначала статус доминиона, а в недалеком будущем и возможность получить независимость в результате свободного волеизъявления населения. Правда, королева дала свое обещание на условии, что эти богатые колонии будут освобождены американскими войсками. В действительности, однако, на глазах у встревоженного мира англичане, думая о том, какое влияние независимость Явы окажет на население их собственных колоний, ринулись на Голландскую Индию и использовали полученное из Америки по ленд-лизу оружие для самого беспощадного подавления борьбы местного населения за независимость; мы в Америке в ответ на это не шевельнули и пальцем.

Возьмем французский Индо-Китай. Как часто отец утверждал, что эта колония, освобожденная в основном американским оружием и американскими войсками, не должна быть просто возвращена французам, чтобы снова стать такою же дойной

коровой для французских империалистов, какой она была на протяжении ряда десятилетий. Тем не менее, когда британские колониальные войска вошли в Индо-Китай, они привели с собой и французские войска, и французских правителей. — Спешите! Время не ждет! Верните Индо-Китай тем же империалистам, пока никто на вас не смотрит!

Но эти примеры, важные и показательные сами по себе, пустяк в сравнении с убедительнейшим доказательством того, что на смену прогрессу пришла реакция. Таким доказательством является нарушение единства «Большой тройки», единства, являющегося краеугольным камнем мира. Этот камень обтесал и положил на место Франклин Рузвельт. С тех пор многие долбят его в надежде, что он скоро рассыплется.

Разрушителей международного единства возглавляют люди, утверждающие, что принцип вето ошибочен. Эти люди либо по своему невежеству, либо из корыстных соображений закрывают глаза на ту истину, что в мире, где господствуют три державы — США, СССР и Соединенное Королевство, — все три державы должны действовать согласованно, чтобы сохранить мир. Совершенно неубедительно утверждение, будто Советский Союз настолько упрям и алчен, что ни одна уважающая себя держава не может сохранять единство с ним, не проводя при этом — какой ужас! — политики умиротворения его. Этот довод не выдерживает критики, так как весь мир был свидетелем единства «Большой тройки», отмечал это единство с одобрением в течение очень многих месяцев, констатировал его даже во время конференции министров иностранных дел, состоявшейся в Москве в декабре 1945 г. — январе 1946 г. И только после конференции, когда в нашей стране поднялась шумиха насчет того, что Бирнс предал Соединенные Штаты, когда по команде людей, вроде Ванденберга в сенате и трио Херст — Рой Говард — Маккормик в печати, начали раздаваться призывы к «жесткой политике по отношению к России», — только тогда наше единство ослабло.

Но что же ужасного сделал Бирнс в Москве? Он обсуждал там возможность передачи в будущем атомной бомбы под контроль Объединенных наций. У Бирнса хватило дальновидности понять, что если в умах и сердцах народов, которые были нашими союзниками в войне и предположительно должны быть нашими союзниками в мирное время, могут возникнуть подозрения относительно намерений богатой и могущественной Америки, то благодарнейшую пищу для таких подозрений дает наша политика утаивания самого разрушительного оружия в мире. Почему мы его скрываем? Против кого мы собираемся его использовать?

Что ж, Бирнс, видимо, усвоил урок. Через два месяца после этого он, очевидно по какому-то внутреннему наитию, выдвинул свой собственный вариант «жесткой политики по отношению к России». По любопытному стечению обстоятельств, всего через неделю после этого Уинстон Черчилль, с весны 1942 г. до зимы 1943–1944 гг. неустанно боровшийся против вторжения в Европу через Ла-Манш, постоянно домогавшийся изменения стратегии союзников, в результате чего нашим войскам пришлось бы форсировать горные преграды, которые он с невозмутимым видом называл «уязвимым подбрюшьем Европы», этот самый Черчилль произнес в Фултоне речь, полную яростных нападок на Советский Союз. В свое время он пытался переместить центр тяжести наступления таким образом, чтобы защитить интересы Британской империи на Балканах и в Центральной Европе против своего союзника — СССР, ставя тем самым под угрозу скорую победу. Теперь он занялся зондированием почвы насчет возможности открытой войны против своего бывшего союзника. Предлагая заключить военный союз между Англией и Америкой, он не мог не знать, что Объединенный совет начальников штабов продолжал регулярно собираться в Вашингтоне в течение многих месяцев по «окончании» войны и продолжает собираться и сейчас.

Постепенный распад насущно необходимого единства «Большой тройки» начался фактически еще до окончания войны. За три месяца до полного разгрома нацистов министры иностранных дел и военные министры «Большой тройки» стали рассылать в Лондон, Вашингтон и Москву различные меморандумы с проектами условий капитуляции. После некоторых споров было достигнуто окончательное соглашение по этому вопросу. Один экземпляр документа был направлен из Москвы маршалу Жукову. Но генерал Эйзенхауэр в штабе экспедиционных сил союзников не получил этого документа ни из Лондона, ни из Вашингтона. Больше того, условия капитуляции, которые он предъявил, были составлены его начальником штаба генералом Бидлом Смитом по той простой причине, что Эйзенхауэр даже не знал о существовании упомянутого документа. Приходится ли после этого удивляться тому, что Советский Союз был раздражен? Или тому, что впоследствии он возмущался поведением американских и английских войск, не отошедших сразу же в оккупационные зоны, в отношении которых была достигнута договоренность в Ялте; или тому, что в данный момент он совершенно справедливо недоволен действиями английских и американских оккупационных властей, не прилагающих особых усилий для выполнения программы взимания репараций, также

установленной в Ялте?

Все это неизбежно вызывало соответствующую реакцию в Кремле. Несомненно, после победы над Германией Сталин и его советники решили, что если отсутствие единства среди союзников примет такой резко выраженный характер, им придется сразу же подумать о мерах против всяких случайностей. В своей попытке выяснить первопричины нынешнего кризиса я могу лишь констатировать, что Соединенные Штаты и Великобритания первыми показали бронированный кулак и первыми нарушили совместные решения.

Следует также отметить, что в свистопляске, начавшейся во всем мире вслед за окончанием военных действий, мы перестали играть крайне важную роль арбитра между Великобританией и Советским Союзом, интересы которых в области безопасности в настоящее время приходят в столкновение. Вместо урегулирования этих разногласий в качестве третьей стороны, как всегда старался делать отец, мы предпочли занять пристрастную позицию. Хуже того, мы не просто стали на сторону Англии, мы пристроились у нее в хвосте. Так, во время трагических событий в Греции, когда английские солдаты, несмотря на решительный протест английского народа, хладнокровно расстреливали греческих антифашистов, мы стали на сторону английского министерства иностранных дел, объявив пародию на выборы подлинно демократическими выборами. Точно так же в Турции мы поддержали англичан, побудив не слишком сопротивлявшуюся этому Турцию занять враждебную позицию по отношению к советским притязаниям на совместный контроль над Дарданеллами. В географическом смысле Дарданеллы находятся под контролем двух стран: Греции и Турции. Поддерживая англичан в их стремлении создать на этом важнейшем водном пути неблагоприятную для СССР обстановку, мы снова отходим от принципа единства «Большой тройки».

Или, например, иранский вопрос. Он выглядел бы в высшей степени комично, если бы за ним не скрывалось столько горечи. Совет Безопасности организации Объединенных наций, по инициативе англичан и американцев и зачастую совершенно не считаясь с желаниями иранского правительства, настаивал на сохранении иранского вопроса в повестке дня, как будто этот вопрос когда-либо представлял серьезную угрозу миру. Причины этого легко объяснить: Великобритания ревниво защищает свою власть над нефтяными концессиями в Южном Иране таким образом, чтобы львиная доля доходов принадлежала британскому льву. Когда же Советский Союз позволил себе добиваться нефтяных концессий на севере Ирана на условии дележа доходов

пополам (при этом следует напомнить, как близко находится Иран к советским нефтепромыслам в Баку), то Совет Безопасности организации Объединенных наций использовал этот повод для антисоветской кампании. Все обозреватели и комментаторы в Соединенных Штатах проявили такое единодушие, обвиняя русских в империализме, что мы — их читатели и слушатели — были почти готовы поверить этой клевете только потому, что она так часто повторялась.

Пример Ирана имеет значение лишь как показатель того, что небольшая группа злонамеренных лиц в Лондоне и Вашингтоне стремится возбудить и разжечь воинствующую ненависть к русским, как будто русский народ не принял на себя основного удара нацистской военной машины, не вынес его, не сокрушил этой машины и не показал, таким образом, раз и навсегда, какую важную роль он играет в коалиции, борющейся за мир.

Я выражаюсь так решительно только потому, что в некоторой степени заслужил это право; мне тяжело вспоминать, как много людей, с которыми я вместе работал, вместе летал, погибло в этой войне. И тяжело сознавать, что их дела всего несколько месяцев спустя забыты людьми, которых никогда, даже после Пирл Харбор, не было видно там, где им следовало быть. Тяжело сознавать, что громче всех сейчас звучит голос нового «интернационалиста» голос конгрессмена, понимающего интернационализм как международную интригу с целью развязать третью мировую войну против одного из наших союзников во второй мировой войне.

Выше я употребил выражение «небольшая группа злонамеренных людей» и сказал, что они находятся в Вашингтоне. Пожалуй, следует уточнить это. Я имею в виду профессиональных дипломатов из государственного департамента, которым отец никогда не доверял, и в их числе людей, зачастую ошибочно именуемых нашими «экспертами» по вопросам внешней политики. Я имею в виду реакционеров в конгрессе, принадлежащих к обеим основным партиям, людей, решивших, что стать на одну какую-нибудь сторону в будущем конфликте важнее, чем работать совместно для будущего. Я имею в виду наших хранителей «свободы печати» — печати, «героически» сражающейся за свободу безответственности. Таковы те, кто изрыгает больше всего хулы на принцип единства «Большой тройки» и твердит, что право вето — «порочная система».

Я имею в виду и тех, кто свел всю нашу внешнюю политику к атомной бомбе, тех офицеров, которые, считаясь, очевидно, только с интересами своей военной карьеры, готовы превратить

всю цивилизацию в груду щебня.

Я уже высказал выше мнение, что американские обычаи и традиции не позволяют военным держать в своих руках судьбы нации, и меня это радует. Я уверен, что не простой случайностью объясняется правило, по которому президент — по традиции гражданское лицо — является и главнокомандующим армии и флота. И все же мы должны трезво поразмыслить над тем обстоятельством, что разрешение задач послевоенной дипломатии взяли на себя военные. Я не критикую деятельности генерала Маршалла на Востоке или генерала Бидла Смита в Москве. Я не утверждаю также, что адмирал Леги не является лучшим из советников по дипломатическим вопросам, каких когда-либо имел президент. Но я утверждаю, что такие важные дипломатические посты должны занимать гражданские лица, что непристало немилитаристской демократии, какой являются Соединенные Штаты Америки, опираться на генералов и адмиралов в получении информации и в руководстве международными делами. Военные, вступающие на поприще политики или дипломатии, должны сначала подать в отставку и порвать всякую связь с вооруженными силами.

Опасность военной дипломатии очевидна; военные имеют в своем распоряжении армию, а армия будет прогрессивной силой лишь до тех пор, пока она служит орудием прогрессивной внешней политики. Вот почему, как бы авторитетны и благородны ни были эти люди, они не должны иметь возможности одновременно руководить и внешней политикой и вооруженными силами. Поведение наших войск, находящихся за границей, оказалось ярким подтверждением этого тезиса. Пока наши солдаты были убеждены, что они нужны для победы, они в своем подавляющем большинстве с поразительной бодростью и готовностью отказывались от радостей и удобств жизни дома, в кругу семьи, ради выполнения ответственной задачи — бороться и победить. Даже во время Потсдамской конференции, поскольку тогда еще казалось, что демократии предстоит немало дела по управлению побежденной страной фашизма — да так оно и было в действительности, — даже в этот период солдаты еще не устраивали беспорядков под лозунгом «едем домой». Но как только стало очевидно, что рушится дело, за которое они боролись — главным образом «мир для многих поколений», гарантированный всему миру соглашением «Большой тройки» в Тегеране, — вопль, поднявшийся на всем пространстве от Парижа до Токио, весьма чувствительно отозвался в Вашингтоне.

Я хочу совершенно ясно заявить, что не возражаю против того, чтобы Америка имела под ружьем большую армию.

Напротив, я стою за это, — при условии, что эта армия будет использована как составная часть тех войск безопасности, которые предусмотрены уставом организации Объединенных наций, и что организация Объединенных наций будет действовать, исходя из идеи, положенной в ее основу, а именно, идеи постоянно крепнущего единства «Большой тройки».

А теперь я подошел к вопросу, что можем сделать мы, люди, которые не находятся на службе у американского правительства, а занимают гораздо более ответственное положение, — мы, американские граждане? Как мы можем обеспечить возвращение нашего правительства на путь, начертанный Франклином Рузвельтом?

Чтобы ответить на этот вопрос, я должен очень сжато сформулировать то, чему меня научили вначале история, а потом наблюдение за деятельностью моего отца как президента. По моему убеждению, величайшими президентами нашей страны были те, которые внимательнее всего прислушивались к разумной воле сознательного народа и считались с ней. Линкольн получил возможность подписать закон об освобождении рабов лишь через два года после начала гражданской войны, и не потому, что Север не оказывал на него давления в этом направлении, а потому, что это давление было недостаточно сильным. В американской демократической системе между президентом и народом существуют определенные взаимоотношения, но они лишь очень редко складываются так, как им следует складываться. Ни один президент не может стать великим президентом, если мы, суверенные американские граждане, не поможем ему в этом. Если Франклин Рузвельт был великим президентом, то это в основном объясняется четкой, разумной позицией американского народа во время пребывания Рузвельта в Белом Доме.

notes

Примечания

1

Уменьшительное от Уинстон. (Ред.)

2

Начальник личной охраны Рузвельта. (Ред.)

3

Генерал Эйзенхауэр. (Ред.)

4

Выражение, которое употребил Черчилль в одном из своих выступлений. (Ред.)

5

В действительности Западная пустыня расположена в Северо-Восточной Африке. К востоку от нее находится только Египет, но для англичан этого было совершенно достаточно, чтобы назвать ее Западной.

6

Дорога, строившаяся союзниками для снабжения Китая по суше, взамен захваченной японцами Бирманской дороги. (Ред.)

Праздник в честь первых колонистов Новой Англии. (Ред.)

8

Пентагон — здание военного министерства в Вашингтоне.

9

В январе 1945 г. Эллиот Рузвельт послал собаку «Блез» в подарок Фей Эмерсон на военном самолете, в связи с чем по пути пришлось высадить из самолета троих военнослужащих. Этот случай послужил поводом для газетной кампании против Эллиота Рузвельта и явился предметом разбирательства в сенатской комиссии по военным делам. (Ред.)